

K1528356

00

СБОРНИК ДОКЛАДОВ КОНФЕРЕНЦИЙ

ВАСИЛИЙ
ВАСИЛЬЕВИЧ
ВЕРЕЩАГИН

1842 • 1904

Братья Верещагины, искусство и общество

ЧЕРЕПОВЕЦ
2020

МЕСТНЫЙ ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ ЭКЗЕМПЛЯР

Мэрия города Череповца
Управление по делам культуры мэрии города Череповца
Череповецкое музейное объединение
Череповецкий государственный университет

Братья Верещагины, искусство и общество

СБОРНИК ДОКЛАДОВ
НАУЧНЫХ КОНФЕРЕНЦИЙ
2019–2020 гг.

к 1528356

ЧЕРЕПОВЕЦ
2 0 2 0

ВОЛОГОДСКАЯ
областная библиотека
им. И. В. Бабушкина

63.3(2)
УДК 001
ББК 2(2Рос-4Вол)
Б87

+ксп +кмпч

Б87 Братья Верещагины, искусство и общество. Сборник докладов научных конференций 2019–2020 гг. / Череповец. муз. об-ние. – Череповец ; Вологда : Сад-огород, 2020. – 130 с.

ISBN 978-5-907341-17-3

Сборник состоит из текстов докладов, представленных на Всероссийской научной конференции, проходившей в г. Череповце в 2019 и 2020 гг.

Авторы докладов представляют исследования творчества братьев Верещагиных в контексте проблем социального, экономического и культурного развития России.

Издание предназначено для преподавателей, студентов, аспирантов и всех интересующихся гражданской позицией братьев Верещагиных в вопросах социального и культурного развития России.

**УДК 001
ББК 2(2Рос-4Вол)**

ISBN 978-5-907341-17-3

© МБУК «Череповецкое музейное объединение», 2020
© Оформление. ООО «Издательство «Сад-огород», 2020

Доклады 2019 года

НОВИКОВА Н. А.,

учитель географии МБОУ «Ермаковская средняя школа
Пошехонского муниципального района
Ярославской области»

«Молочные реки, сырные берега», или Климовская имени Владимира Ивановича Бландова школа молочного хозяйства и скотоводства Ермаковской волости Пошехонского уезда Ярославской губернии

Климовская имени Владимира Ивановича Бландова школа молочного хозяйства и скотоводства была открыта Департаментом Земледелия 24 августа 1908 года в сельце Климовское Ермаковской волости Пошехонского уезда Ярославской губернии на земле Ярославского губернского земства¹ (решение земства от 22 марта 1906 года).

Находилась школа в 70 верстах от города Рыбинска (ближайшая ж/д станция) и в 20 верстах от пристани «Устье Конгоры» на реке Шексне. От города Рыбинска или Череповца (Новгородская губерния) можно было добраться водным путем до вышеназванной пристани, а затем на лошадях непосредственно в село Ермаково. От Рыбинска – на дилижансе через город Пошехонье.

Цель школы – подготовить теоретически и практически мастеров маслоделия и скотоводства, варки сыра.

Изучали в школе общеобразовательные предметы² и теоретически и практически производство всех сортов масел, варку сыров голландского и бакштейна, ското-, свино-, птицеводство, скотозаводство, скотоврачевание.

¹ «Сведения Климовской имени Владимира Ивановича Бландова школы молочного хозяйства и скотоводства». Составил управляющий школой В. Хаджи-Ильич.

² Русский язык, арифметика, чистописание, объяснение важнейших для земледельца явлений природы.

Приём учеников производился в первой половине августа. Это могли быть люди всех сословий не моложе 17 лет, способные к физическому труду. Условие: курс уездных городских двухклассных училищ или сельская одноклассная школа. Проводились вступительные испытания: по русскому языку, арифметике и Закону Божию.

Курс учения в школе составлял 2 года плюс $\frac{1}{2}$ –1 год практики в качестве помощников мастеров на сыроваренных и маслодельных заводах за казенный счет.

Рабочий день начинался с пяти утра, с 09:00 до 12:00 часов – классные занятия, с 12:00 до 12:30 – обед, с 12:30 до 14:00 – работа на скотном дворе, перерыв. В 16:00 – чай, с 17:00 до 20:00 – практические работы.

На практические занятия ученики распределялись группами, а начиная со второго года обучения (2 класс) ученики назначались дежурными по скотному двору, маслодельному заводу и лаборатории, они должны были быть в курсе всего производства и вели записи под руководством мастера и скотовода.

Ученики, окончившие полный курс школы по 1 разряду и зарекомендовавшие себя в школе и на практике честными и трудолюбивыми тружениками и знающими свое дело специалистами, по отбытии практики получали звание «техника маслоделия, сыроварения, ученого скотовода» и ставились школой на место сыроваров, маслоделов, скотоводов.³

Обучение в школе было бесплатным, назначалось 15 стипендий по 100 рублей (из них 14 – Департамента Земледелия и 1 – имени А. П. Бормосова – Пошехонского уездного земства). В классе – 8 учеников (обычно один – своекошный, то есть из местных).

Ученики старших классов помимо занятий за казенный счёт направлялись для обучения и практики, на экскурсии «в усадьбы, имения, заводы, где молочное дело поставлено поучительно», также на выставки.

³ На основе «Сведений Климовской имени Владимира Ивановича Бландова школы молочного хозяйства и скотоводства». Составил управляющий школой В. Хаджи-Ильич.

Помимо обучения в школе желающим можно было пройти курсы. Школа предлагала два вида курсов: осенью 1911 года (после трёх лет существования школы) – для крестьян по земледелию, скотоводству и кормодобыванию; весной с 1 мая по 15 июня 1912 года – для контроль-ассистентов.

Сохранилась программа краткосрочных курсов по скотоводству и молочному хозяйству (1 часть). К ней прилагалось «Пособие по ведению курсов» (2 часть) с лекциями, апробированными на хорошо подготовленной аудитории. Содержание программы включало две части: скотоводство (строение тела, пищеварение, дыхание, кровообращение, разведение скота, содержание скота, сведения по ветеринарии) и молочное хозяйство (молоко, понятие о бактериях и их роли в молочном хозяйстве, охлаждение, кипячение, пастеризация и стерилизация, пороки молока. Уход за молоком и хранение, перевозка, переработка молока.

Кроме того, общая часть курсов предполагала обучение ведению записей по скотоводству и молочному хозяйству. Информировала о союзах по скотоводству и молочному хозяйству (значение, как их устроить, артельные маслодельни, товарищества по сбыту молока, товарищества случных пунктов).

Помимо просветительской и учебной деятельности Климовская школа вела объёмную практику: при школе имелся рассадник племенного Ярославского скота. Элитных животных школе поставляли из стада Копринской молочной школы (Тверская губерния). На 01.10.1910 года в рассаднике 39 голов: коров – 22, быков – 5, нетелей – 3, телят – 9. Скотный двор деревянный в каменных столбах, рассчитанный на 27 взрослых животных с двумя денниками для стельных коров, комнатой для заготовки корма и телятником. Пол во всем помещении цементовый. В отчёте Молочной школы за 1910–1911 годы сказано, что двор соответствует требованиям гигиены, удобен в смысле размещения животных и раздачи корма. Скот содержался на цепях. Стельные коровы – свободно в денниках. Раздача кормов производилась 3 раза в сутки по датскому способу, пойка – 2 раза водой не холоднее 10 градусов Цельсия, соль – по 8 золотников (34 грамма) на голову. Средний удой за 1910 год – 167 пудов (2728,1 кг) или

215,5 ведра при 4,15% жира, средний живой вес – 24 пуда⁴ (391,2 кг). Телята 5 дней поятся молозивом, тёлки поятся цельным молоком 4 недели, а бычки – 5 недель. Затем переход на снятое молоко из расчёта 50х50 цельное – снятое плюс овсяная мука и льняные жмыхи. Вес телят при рождении колеблется от 1 до 2 пудов в среднем. Все здоровые типичные телята оставались. Тёлки – на ремонт стада, бычки – на продажу.

Молоко перерабатывалось на масло. Школа покупала молоко у крестьян по цене 55 копеек за пуд, а осенью – 60–65 копеек. Расчёт производился 2 раза в месяц, за исключением осенних месяцев, когда мало молока – 1 раз в месяц. За год от своего стада получено 3580 пудов 18,5 фунтов, а от крестьян – 13 266 пудов молока. В 1912 году – 3068 пудов от своего стада, 13 215 пудов от крестьян (всего 16 283 пудов).

Молоко собиралось у крестьян в нескольких пунктах: из деревни Рождествено приносили крестьяне на завод, из деревни Григорово крестьяне привозили молоко по очереди, а из села Ермаково, деревни Андреевское, деревни Харчевня молоко собирал сборщик на лошади от школы, и в отделении в селе Ермаково молоко перерабатывалось, на завод доставлялись сливки.

От каждого пункта ежедневно бралась проба на жир, кроме того поставщики контролировались не менее одного раза в неделю.

«Часть молока отпущена в телятник (992 пуда в 1912 году), остальное переработано на Парижское масло солёное летом, сладкое зимой. В июле производилось экспортное масло с показательной целью для учеников и практикантов. 2018 пудов молока пошло на варку сыра (9,5 пуда) и подсырного масла (11 пудов)», – гласит отчёт управляющего школой.

Маслодельный завод состоял из 5 обширных комнат и маслохранилища. Был хорошо оборудован инвентарём. Имел сепараторы следующих систем: Альфа Дези, Глоб № 2, Перфект № 6 модели 1908 года и Мелотт на 40 вёдер в час.

⁴ 1 пуд = 16,3 кг.

Для хозяйственных нужд школы имелся свой участок земли – 38 десятин – под усадьбой, 16 десятин пашни, 3 десятины луга, 18 десятин под лесом. Земли не хватало – школа арендовала еще 12 десятин пахотной земли у Ермаковского народного двухклассного училища за 200 рублей в год.

Вся пахотная земля была обращена под культуру кормовых растений для сена и подкормки летом (пастбищ не было, арендуемых 6 десятин использовались для прогулки скота). Большая часть пашни засеивалась клевером и тимофеевкой. 7 десятин засеивали викой с овсом, из них 2 десятины выкашивали на подкормку летом. На подкорм сеялись горчица белая и клевер пунцовый, рожь озимая (скот её ел охотно).

Велась экспериментально-опытная работа по рациональному землепользованию: загипсовали 3 десятины и с них получили 400 пудов сена с десятины, тогда как с незагипсованных – 250 пудов сена.

Неудивительно, что весной 1911 года при школе открылся опорный пункт по улучшению лугов и возделыванию корнеплодов. 3 десятины дикого луга улучшили двумя способами: 1) боронованием, удобрением (томас шлак, навозная жижа, гипс) и подсевом трав, 2) перепашкой.

Таким образом, своё сено получали виковое, клеверное, луговое, немного овсяной соломы, мякыны⁵.

Из корнеплодов возделывались турнепс (сорта Остерзундомский, Бортфельдский, фиолетовый поздний, фиолетовый ранний, Булонь) свёкла Экендорфская и полусахарная, морковь белая зеленоголовая, брюква четырёх сортов.

На стороне закупались для кормления скота пшеничные отруби и льняные жмыхи.

Для осуществления работ в Школе имелись 3 лошади, 1 собирала молоко, а 2 работали в хозяйстве.

Кроме скотного двора и маслодельного завода школа имела баню с открытым навесом, флигель с квартирой для управляющего, правда всё это (и скотный двор в том числе) находилось

⁵ Остатки колосьев, стеблей и другие отходы при молотье.

на земле, принадлежащей Ермаковскому двухклассному М.Н.Н. училищу, которая ежегодно снималась с торгов в пользу Климовской школы. В незанятых постройках этого же училища хранились инвентарь и корма.

Школой и её обширным хозяйством, нововведениями руководили управляющий школой (в разные годы: Слободчиков, серб В. Хаджи-Ильич⁶, М. Е. Троицкий в 1910–1912 годах⁷ преподавал скотоводство, молочное дело, счетоводство, объяснял простейшие явления природы) и помощники по учебно-воспитательной части – совет, в составе которого преподаватель общеобразовательных предметов (Н. Д. Суриков) и законоучитель (отец Димитрий Семеновский). А в хозяйственной части помощники управляющего – мастер маслоделия и скотовод.

На содержание школы отпускалось 5000 рублей ежегодно (Департамент Земледелия – 4400 рублей, Ярославское губернское земство – 500 рублей, Пошехонское уездное земство – 100 рублей).

Климовская школа успешно воплощала идеи Н. В. Верещагина: руководство работало в интересах школы и её учеников, крестьянские дети получали профессию, местные жители зарабатывали сдачей молока и активно перенимали опыт рационального скотоводства, просили советов по составлению кормовых дач, за помощью при болезнях приезжали даже за 20–30 вёрст.

Поэтому 01.12.1910 года руководством школы был открыт контроль-ассистентский пункт. Контроль-ассистентами назначались ученики 2 класса. На учёт взято 110 коров в двух деревнях. Три раза в месяц взвешивались их удои, определялся процент жира в молоке и составлялась кормовая дача по датскому способу. Быков для стад этих деревень давала школа. Типичные телята от хороших коров выпаивались согласно указаниям школы. Крестьяне охотно стали покупать сильные корма, подкармливать скот в течение лета, для чего крестьянами деревни Рождествена посеяли 10 десятин (10 га) виконой смеси, посадили корнепло-

⁶ Исчез из Климовского в годы начала Первой мировой войны, серб – по воспоминаниям Жукова В. А.

⁷ Отчёты по школе за эти годы составлены им.

ды, так как все труды и расходы с избытком окупались прибавками молока.

Как один из важнейших результатов нововведения – первая выставка молодняка района 30.09.1911 и настоятельная просьба крестьян продолжить работу контроль-ассистентских пунктов. А через 7 месяцев (8 мая 1912 года) открылось Климовское контрольное товарищество, в состав которого вошли 172 коровы, 2 контроль-ассистента⁸ (устав товарищества Ярославский губернатор утвердил 16 декабря 1911 года).

А осенью жители деревни Орды обратились с просьбой принять их в товарищество с 80 коровами. Правление было вынуждено просить Ярославскую Губернскую Земскую Управу назначить третьего контроль-ассистента в Климовское контрольное товарищество⁹.

Для школы деятельность товарищества дала возможность развести молодняк для продажи у крестьян, так как сама школа не могла обеспечить запросы на скот Ярославской породы. Увеличивать рассадник было невозможно из-за недостатка земли.

Но руководство школы не остановилось на достигнутом. Следующим шагом в развитии стало открытие при школе в мае 1912 года племенного рассадника свиней йокширской породы. Он состоит из 6 маток и 1 борова, купленных на выставке в городе Москве (заводы Пещинского, Кучушбека, Вецлаковича, Вернера). Порось ожидалась в конце ноября, но уже записались 54 человека, желающие получить поросят, а крестьяне деревни Григорово начали строительство общественного свинарника на 5 голов для племенных целей¹⁰.

Следует сказать и о сложных временах в истории Климовской школы. В Сведениях по школе сказано, что «29 июля 1912 года внутренняя жизнь школы нарушена вследствие пожара. Сгорело всё здание, в котором помещалось общежитие учени-

⁸ Сведения по Климовской школе молочного хозяйства и скотоводства за 1911–1912 хоз. год.

⁹ Сведения по Климовской школе молочного хозяйства и скотоводства за 1911–1912 хоз. год.

¹⁰ Там же

ков, классы, маслодельный завод со вновь выстроенным сырным подвалом, конюшня и квартиры рабочих. Всех учеников и рабочих пришлось разместить в трёх съёмных квартирах соседней деревни, где также снять отдельный дом под класс (дом в одну комнату, заниматься одновременно с двумя классами невозможно) и старое помещение под маслодельный завод (из одной комнаты, где происходят все работы с молоком и маслом, и холодного коридора, где принимается молоко). С осени уже приступлено к возобновлению маслодельного завода, строится дом для рабочих, сарай и конюшня; всё будет готово не ранее 1 января 1913 года».

Школа терпит прямые и косвенные убытки (сыр и масло распродаются по низким ценам из-за отсутствия возможности их хранения и т. п.).

В годы советской власти школа продолжала работать, менялось её название. По документам, датированным 1920 годом, – это Климовская школа скотоводства и сыроварения и Климовский племенной государственный рассадник Ярославского скота.

В 1922 году школа закрылась. В Климовском остались руины маслозавода, воспоминания жителей и документы, бережно сохранные сначала Залит П. И.¹¹, а затем В. А. Жуковым – знатоком истории своего края, на основе которых и создана данная работа. Былую жизнь школы можно увидеть на фотографиях прошлого века¹², выполненных Петром Ивановичем Залит – сотрудником Климовской школы с самого её основания до закрытия, преподавателем ветеринарии, скотоводства, руководителем практических работ учеников в области скотоводства, полеводства, кормодобывания, руководителем племенных рассадников скота и свиней. «Ближайший помощник Заведующего школой,

¹¹ Залит Пётр Иванович – латыш (Залит Петр Янович), преподаватель ветеринарии, скотоводства, руководитель практических работ учеников в области скотоводства, полеводства, кормодобывания, руководитель племенных рассадников скота и свиней.

¹² Сохранился фотоаппарат Залит П. И., на котором сделаны фото.

разделивший с ним все работы по улучшению и содержанию как школы, так и племенных рассадников, а равно и полевого хозяйства. За все годы службы П. И. Залит проявлял незаменимость в зоотехнической работе, внимательное, вдумчивое отношение к делу», — отзыв председателя Совета, заведующего школой Кравцова С. от 15.11.1920 года.

Источники информации¹³:

Программа краткосрочных курсов по скотоводству и молочному хозяйству.

Сведения Климовской имени Владимира Ивановича Бландова школы молочного хозяйства и скотоводства. Составил управляющий школой В. Хаджи-Ильич (серб).

Сведения по Климовской школе молочного хозяйства и скотоводства за 1910—1911 хоз. год. Составил управляющий школой М. Троицкий.

Сведения по Климовской школе молочного хозяйства и скотоводства за 1911—1912 хоз. год. Составил управляющий школой М. Троицкий.

Устав Климовской имени В. И. Бландова школы скотоводства, сыроварения и маслоделия 2-го разряда.

¹³ Частный архив краеведа Заслуженного врача РФ Жукова В. А.

**ВОРОНИНА Т. А.,
БОГУСЛАВСКИЙ В. Л.**

**Об участии крестьян
в развитии промышленного маслоделия
в Вологодской губернии в конце XIX – начале XX века¹**

Москва

История промышленного маслоделия в Вологодской губернии давно уже стала привлекать многих исследователей, которые рассматривали феномен стремительного расцвета производства сливочного масла в различных аспектах, уделяя особое внимание роли крестьян в артельном маслоделии (Ф. А. Арсеньев, Н. В. Верещагин, Д. И. Деларов, И. К. Степановский, Я. И. Чижов, П. И. Шелков и др.). Монографическое исследование истории вологодского маслоделия, подготовленное группой специалистов в 2002 году, позволило обобщить сведения о социально-экономических условиях развития молочного хозяйства в Вологодской губернии, организации крестьянского артельного маслоделия, о судьбе маслодельных предприятий в советский период, охватив значительный период, начиная с 1840-х годов вплоть до настоящего времени (Твердохлеб и др., 2002). Подключение новых источников может дополнить сведения об участии крестьян в сборе молочных продуктов, организации маслоделен на артельных началах на той стадии, когда молочное хозяйство стало приобретать товарный характер. С этой целью были привлечены материалы Этнографического бюро князя В. Н. Тенишева (Тенишевского бюро), созданного в Санкт-Петербурге в конце XIX века. Они представляют собой ответы на различные вопросы «Программы этнографических сведений о крестьянах Центральной России», включая сообщения корре-

¹ Публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН.

спондентов из Вологодской губернии. В настоящее время они находятся в архиве Российского этнографического музея (АРЭМ. Ф. 7).

В XIX – начале XX века молочные продукты составляли неотъемлемую часть пищевого рациона сельских жителей Вологодской губернии, поскольку животноводство наряду с зерновым земледелием и промыслами издавна стало основой их жизнедеятельности. Разведению крупного рогатого скота благоприятствовало обилие рек, озер и водоемов, заливных лугов и пастбищ с сочными травами. От наличия коров в домашнем хозяйстве зависела степень достатка сельских жителей: зажиточными назывались те крестьяне, которые держали от трёх до четырёх дойных коров (АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 100. Л. 12, 15).

В пищу в основном употребляли снятое молоко, цельное молоко чаще оставляли для маленьких детей. Молоко и простоквашу пили в конце обеда – «на верхосытку». Сметаной заправляли щи, маслом сдабривали готовые блюда. Творог хранили в деревянных кадках под гнётом, его также подсаливали и подсушивали в печи в виде крошки, а перед едой смачивали водой. Для приготовления небольшого количества масла сметану сбивали мутовкой в глиняной кринке, а при наличии значительных запасов – в деревянной маслобойке. В пищу употребляли свежее масло, но чаще делали топлёное масло, так как оно лучше и дольше хранилось. Топлёное масло называлось «русским». В отношении сыра надо сказать, что даже в местностях с наибольшим развитием молочного животноводства крестьяне его не делали, и как пищевой продукт он многим был незнаком.

Молочные продукты в основном использовали для приготовления праздничных и обрядовых блюд. Однако в целом их доля в пищевом рационе крестьян была небольшой, поскольку их не ели во время постов, что создавало условия для экономии. До отмены крепостного права в 1861 году молочные продукты производились в крестьянских хозяйствах в основном для собственного потребления. Излишки молочных запасов – «скопов», включая топлёное масло, сэкономленные за время постов, продавали скупщикам – «прасолам» или на местных ярмарках за небольшую цену. В имениях вологодских помещиков, где стада

были огромными, молочными скопами заведовала «укопница», а излишки тоже шли на продажу. Некоторые прогрессивные владельцы усадеб в Вологодском и Кадниковском уездах с 1835 года стали заниматься производством сливочного масла и сыров по примеру знаменитых молочных хозяйств Западной Европы.

Возросший спрос на сливочное масло и сыр в пореформенный период вызвал открытие новых частных маслоделен. По примеру землевладельцев Тверской, Новгородской и Ярославской губернии в крупных помещичьих усадьбах Вологодского, Кадниковского и Грязовецкого уездов Вологодской губернии появилось 10 крупных заводов по производству высших сортов сливочного масла и сыра. В отдельных хозяйствах число коров доходило до 186 голов. На заводах вырабатывались известные сорта сыра (швейцарский, голландский и честер) и сливочное масло (сладкое и солёное). Поскольку их приготовление требовало определённых знаний и искусства, то пришлось первоначально приглашать специалистов молочного дела из-за границы (Россия, 1898. С. 245–246). Развитие железнодорожной сети в 1870-е годы ускорило отправку масла и сыра через Вологду в Москву, Петербург и в другие города, где они находили хороший сбыт в булочных, трактирах, ресторанах, кухмистерских и на базарах. В дальнейшем число маслоделен стало увеличиваться. Так, если в 1875 году в помещичьих усадьбах в Вологодском, Грязовецком и Кадниковском уездах было открыто 27 заводов (16 сыроваренных и 11 маслодельных), то в 1879 году действовал уже 81 завод (30 сыроварен и 51 маслодельный). Постепенно производство масла стало приобретать промышленный характер, однако оно включало периоды как его расцвета, так и спада (Степановский, 1912. С. 125).

Огромную роль в развитии отечественного маслоделия сыграл Н. В. Верещагин, который, изучив технологию приготовления масла и сыра в западноевропейских странах, стал распространять полученные знания на родине. В его знаменитой школе, открытой в 1871 году в селе Единоново Тверской губернии, обучались первые кадры русских маслоделов и сыроваров, благодаря которым в 1870-е годы во многих губерниях России, включая Вологодскую, производство масла и сыра было поставлено на

хорошую основу (Степановский, 1912. С. 157). Одновременно Н. В. Верещагин пропагандировал создание молочных хозяйств «на артельном начале» с целью дать крестьянам дополнительный приработок (Верещагин, Шатилов, 1869). По его инициативе на выставке молочных продуктов и рогатого скота в Вологде (30 сентября – 3 октября 1881 года) был продемонстрирован сепаратор Лавалья, который произвёл на всех такое сильное впечатление, что после закрытия выставки сепараторы стали использовать на маслодельных заводах почти в каждой волости юго-западных уездов (Арсеньев, 1881).

В условиях повышенного спроса на молочные продукты в 1880-е годы в деревнях стали открываться больше артельных маслоделен и лавок скупщиков молока. Особенностью артелей этого периода стало то, что они были народными, поскольку в организации принимали участие исключительно крестьяне на основании договоров между членами артелей. С их появлением маслоделие стало составлять существенную статью дохода жителей многих уездов, поэтому крестьяне стали больше копить молока и сдавать его местным лавочникам. Оптовые торговцы-скупщики ездили также сами по деревням, где закупали молоко небольшими партиями и отвозили его на приемный пункт маслодельных артелей для переработки на масло. Крестьяне были заинтересованы в сдаче молока оптовым торговцам, поскольку им отдавали снятое (отсепарированное) молоко после того, как от него отделили сливки.

В 1890-е гг. маслодельные артели Вологодской губернии занимали уже первое место в России, именно на это время пришёлся расцвет вологодского маслоделия. В 1892 году в Вологодском, Грязовецком, Кадниковском и Тотемском уездах действовали 263 маслодельни. Помимо крупных заводов в дворянских усадьбах было множество мелких, которые трудно было учесть (Степановский, 1912. С. 126). В 1898 году в губернии насчитывалось уже 648 заводов, в то время как в Ярославской губернии действовало 380, а в Новгородской – 250 заводов.

В 1890-е годы в артельном маслоделии стали принимать участие всё больше крестьян, что положительно сказывалось на

их хозяйствах. В 1895 году было открыто 3 артельных завода, в 1896—1897 годах ещё 6 заводов, а в самом конце XIX века в губернии действовало 9 артелей. Особую известность получила Шурбовская артель, созданная в 1904 году жителями Томашевской волости Кадниковского уезда. В 1910 году было открыто 85 артелей, а в 1913 году — 161 артель. Хотя их число было больше, чем в других губерниях, этого было мало для России.

Развитию артелей препятствовала большая конкуренция со стороны частных владельцев маслоделен. К тому же из-за отсутствия артельных лавок крестьяне были вынуждены сдавать молоко деревенским лавочникам, которые старались их обмануть и всучить плохие товары. Эти скупщики масла, не имея складских помещений, дожидались осеннего и зимнего периода, скупали масло по небольшой цене и хранили его в обширных ледниках до подъёма цен.

Материалы Тенишевского бюро также свидетельствуют, что в 1890-е годы в Вологодской губернии открылось особенно много артельных маслозаводов и у крестьян появилась возможность дополнительного заработка, поэтому они были заинтересованы в сдаче молока оптовым торговцам. Особенностью артелей этих лет стало то, что они были организованы исключительно из крестьян и учреждались на основании договоров между членами артелей. В конце 1890-х годов мелкое производство масла сосредоточилось в руках деревенских маслоделов и скупщиков масла, которым крестьяне сдавали молоко. В торговом деле не обходилось без конкуренции, поэтому чтобы заинтересовать односельчан, скупщики молока проявляли большую предприимчивость. Так, в 1890-е годы бойкая торговля шла в деревне Погорелово Кадниковского уезда в лавке П. М. Комарова, у которого был маслодельный завод. Он расплачивался с крестьянами товарами, приобретёнными летом на целый год на Трифионовской ярмарке (23—26 июня по старому стилю). Много молока, а заодно и яиц он собирал во время постов и особенно Петрова поста, когда скромные продукты в пищу не употреблялись. Жители Вологодского уезда, где сбыт молока был особенно распространён, почти всё сдоенное молоко продавали на маслобойни или

отвозили в Вологду. В Спасской волости перед началом закупки молока маслодел для того, чтобы поощрить односельчан, летом устраивал для них пирушку на улице, а зимой – в доме полицейского. Женщин он угощал кренделями или пряниками – «сусленниками». За молоком по деревням разъезжал особо нанятый маслоделом «возчик», посещавший каждую деревню два раза в день: утром и вечером. Он всегда находился на одном месте – в центре деревни. Как только раздавался голос возчика: «Несите молока!», все жители деревни устремлялись к нему. Приготовив около 100 бочонков сливочного масла, владелец маслодельни вёз их в Вологду, где сбывал масло местным купцам (АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 142. Л. 3, 16–17, 19). Крестьяне использовали все молочные продукты, и когда на маслодельне сливки отделяли на сепараторе, то обезжиренную часть молока уносили домой. В Вологодском уезде этот слив, или «обрат», топили в печи и добавляли в чай (АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 134. Л. 1–2).

В Грязовецком уезде владельцы маслодельных заводов, или «артельщики», тоже имели немалую выгоду, так как за молоко они расплачивались такими товарами, как чай, мука, сахар. В сутки на завод поступало от 40 до 280 пудов молока, смотря по времени года. Всего в течение года сдавали около 42 000 пудов молока, 2000 пудов масла, что сбывалось в Вологду. Меньше всего молока сдавали, начиная с августа до декабря (АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 178. Л. 7 об. – 12 об.; Д. 219. Л. 4). Сдача молока приносила большую прибыль местным жителям. Корреспонденту Тенишевского бюро приходилось слышать от крестьян уезда такие разговоры: «Да чем бы ныне жить-то стали, кабы не молоко. Месяц пронесишь – смотришь, чай попьёшь, не оглядываясь, и пирожок биленькой, да и вино-то на праздник всё из того же молока» (АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 155. Л. 8–8 об).

В 1898 году в губернии насчитывалось до 648 маслодельных заводов, из них в Вологодском уезде действовали 308 заводов в 27 волостях, в Грязовецком – 168 заводов в 11 волостях, в Кадниковском – 67 заводов в 29 волостях, в Тотемском – 99 заводов в 9 волостях, в Вельске – 4 завода в 4 волостях и в Устюге – 2 завода в 1 волости. В Мольском приходе Тотемского уезда

в 1898 году действовало 6 маслоделен-заводов, на которые крестьяне сдавали молоко, но большой выгоды крестьяне не имели: «И вследствие этого у крестьян нет ни молока, ни масла, ни денег» (АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 369. Л. 22).

Однако не везде появление сепараторов было встречено с радостью. В тех уездах, где проживало старообрядческое население, техническое усовершенствование обработки молока вызывало у них даже осуждение. Так, жители Сяменжевского прихода Куракинской волости Тотемского уезда говорили: «До-с-ю-д не было этих машин (сепараторов – Т. В.), жили и голодом себя не морили, и деньжонки водились, а ноне смотри – ни денег, ни хлеба, ребятишки мрут с обрата! Не от Бога эти машины, а от антихриста, да и сама-то она на сотону много похожа... Большой грех носить молоко на машину – от этого и хлеб у нас стал цервяк выедать кажинный год!» (АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 372. Л. 10). В Кадниковском уезде сдаче молока на маслодельный завод сначала тоже мешало распространённое среди местных жителей мнение, что носить и взвешивать молоко – большой грех, от этого снижается удой, но, несмотря на это, стали сдавать больше (АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 270. Л. 3–4).

Маслоделие достигло особенно значительных размеров в Грязовецком уезде, где в 1903 году сбытом масла на частные заводы занималось 84% всех крестьянских хозяйств. (Материалы для оценки земель Вологодской губернии. С. 307.) С развитием промышленного маслоделия наблюдалось сокращение сыроварения. Так, в период с 1870 по 1909 год число сыроваренных заводов в Вологодской губернии сначала возросло с 12 до 30, а потом уменьшилось до 6, а число маслодельных заводов, напротив, резко увеличилось с 11 до 954.

Для контроля за производством масла в 1904 году были изданы «Правила об устройстве и содержании маслодельных заводов и их отделений в Вологодской губернии». Вологодское губернское земство стало обращать большое внимание на развитие в губернии крестьянского земледелия на артельных началах, в 1907 году число мелких предпринимателей достигло 960 (Степановский, 1912. С. 127). В 1908 году было учреждено Во-

логодское общество сельского хозяйства, которое производило комиссионный сбыт артельного масла. Развитию и укреплению крестьянских артелей способствовала выработка уставов и их неукоснительное соблюдение.

Главными местами скупки масла были Грязовец и Вологда. Об объёмах торговых оборотов по купле-продаже масла в Грязовце можно судить по тому, что на складе крупнейшего масло-торговца Морозова скапливалось до двух, а временами и до пяти тысяч бочонков, то есть до 15 000 пудов масла.

К 1912 году маслоделы-предприниматели появились в Вельском и Великоустюгском уездах, но жители других уездов губернии продолжали выделывать на продажу только топлёное «русское» масло и сбывать на местных рынках и в Вологде. Значительное количество масла шло с Вычегды. Однако постепенно под влиянием конкуренции с предпринимателями Западной Сибири, быстро освоившими производство сливочного масла, экспорт вологодского масла стал постепенно понижаться. Вместе с тем расширилась его продажа на внутреннем рынке России и в странах Ближнего Востока.

Перед Первой мировой войной (1914–1918) в губернии действовали 1000 маслозаводов, из них 215 были артельными, а 785 являлись частновладельческими. С началом войны они ещё работали, но продажа вологодского масла на экспорт временно прекратилась. После революционных событий 1917 года наблюдалось даже увеличение кооперативных маслодельных артелей, а после 1919 года их число стало в 27 раз больше. Из 536 артелей 185 насчитывалось в Вологодском уезде, 165 артелей – в Грязовецком, 112 артелей – в Кадниковском и 74 артели – в Тотемском уезде. Однако годы Гражданской войны и последующие реформы сельского хозяйства в советский период отрицательно сказались на производстве масла и к началу 1920-х годов артели пришли в упадок (Степановский, 1922. С. 11). Дальнейшая судьба вологодского маслоделия и возрождение его былой славы отражена во многих работах.

Очевидно, что промышленное маслоделие получило интенсивное развитие в Вологодской губернии в конце XIX – нача-

ле XX века благодаря прогрессивным представителям дворянского сословия. Среди них наиболее почётное место отводится Н. В. Верещагину и его соратникам, которые предприняли всё возможное, чтобы прославить Россию на международном рынке. Вместе с тем их стремление наладить отечественное производство молочных продуктов не смогло бы претвориться в жизнь без участия сельских тружеников, проявивших большую заинтересованность и работоспособность в организации сбора молока и деятельности маслодельных артелей. Пригодился многовековой народный опыт приготовления молочных продуктов в домашних условиях. Таким образом, интеллектуальные и практические усилия отечественных мастеров легли на благодатную почву, подготовленную трудами вологодских крестьян.

Список литературы:

Арсеньев Ф. А. Молочное дело в Вологодской губернии. – Вологда, 1879.

Арсеньев Ф. А. Выставка молочных продуктов и рогатого скота в г. Вологде // ВГВ. – 1881. – № 81.

Верещагин Н. В., Шатилов П. И. О мерах к развитию в России молочных хозяйств на артельном начале. – М., 1869.

Деларов Д. И. Крестьянские хозяйства Северной области. – Вологда, 1923.

Материалы для оценки земель Вологодской губернии. – Т. 1. – Вып. 2. – Спб., 1903.

Риффесталь К. Х. Отчёт о положении производства молочных продуктов в Вологодской губернии. Составлено инструктором молочного хозяйства К. Х. Риффесталем. – Вологда, 1899.

Риффесталь К. Ф. Крестьянский скотный двор в Северном районе маслоделия. – Вологда, 1914.

Россия. Энциклопедический словарь. – СПб., 1898. (Репринт: Л., 1991).

Степановский И. К. Маслоделие – богатство Севера. – Вологда, 1912.

Степановский И. К. Кооперация и вологодское артельное маслоделие. – Вологда, 1922.

Твердохлеб Г. В., Шемякин В. О., Сажин Г. Ю., Никифоров П. В. Вологодское маслоделие: история развития. – СПб., 2002.

Чишков Я. И. Артельное маслоделие и артельные лавки. – М., 1915.

Шелков П. И. Маслодельные артели Вологодской губернии. – М., 1914.

Железный промысел в Колоднах

Данная работа посвящена истории железного промысла в Колоденской волости Череповецкого уезда. В статье приводятся письменные доказательства кустарной металлургии в микрорегионе Колоден как части Уломы и Железного поля. Источниками послужили труды учёных по теме, архивные и дневниковые документы.

Территория вдоль речки Колоденки в период расцвета Устюжны Железопольской входила в её состав как Уломский край. Купец Ф. Носырин в своей работе «Улома и её металлическое производство», касаясь прошлого края, писал: «Народное предание говорит, что в Череповском уезде издавна добывалось из руды своё железо... для выковки уломских гвоздей, уклада и других промыслов. В подтверждение этих преданий доселе открываются старые горные домны или домницы с окалинами, указывающие на древние места переработки железной руды в глухих местах, поросших вековыми строевыми лесами» [16, 4]. Местные старожилы помогли вернуть такие доказательные микротопонимы, как патья, Рудники, Бор, где сохранились следы углежогных ям. [19, 5, 15, 17].

В микрорегионе Колодны не только добывали железную руду в местных болотах, но и превращали металл в готовые изделия. Ручнаяковка существовала в колоденских деревнях по самым ранним источникам с X–XI века. В устье Колоденки найдены свидетельства финских поселений первой половины XI века. В 1926–1928 годах выпускница МГУ, археолог М. Е. Арсакова оставила в архивах Череповецкого музейного объединения сведения о своих раскопках в 1927 году. Это было погребение по обряду труположения в курганной группе из шести насыпей вблизи села Дмитриево на реке Колоденке [11, 132]. Найден дву-

шипный наконечник сулиц [11, 132]. По мнению А. Н. Кирпичникова сулицы использовались повсеместно, они входили в состав вооружения воинов, хотя часто использовались как орудие охоты [7, 23–25]. В отчёте по обследованию гвоздарного промысла Уломы Алов А. А. относит этот процесс к XI веку, когда новгородцы торговали с приуральскими народами [1].

А. Брагин уверенно предполагает, что победа над татаро-монголами была выкована именно оружием Уломы и Устюжны: «Практически, пожалуй, восемьдесят, а то и девяносто процентов русского оружия для поля Куликова было изготовлено из металла Железного Поля... Дружинников снарядило в поход, сшили кольчуги железные и шапки железные, чтобы были ратники «вельми доспешни», вооружило воинов и слово напутственное им вслед прокричало — Железное Поле». Как известно, в сражении у Непрядвы и Дона участвовали и белозерские полки. «...приспели князи белозерские, — говорится в «Сказании о Мамаевом побоище», — подобны суть воинам крепким, вельми доспешни и кони воински наряжены под ним» [3, 409].

Устюженские кузнецы ковали сотни тысяч «подметных рогулук» во время монголо-татарского нашествия или так называемый «чеснок, что по источникам XVI–XVII веков имел ещё название «каракуль» (железные колючки с четырьмя торчащими в разные стороны: остриями, которые разбрасывали на пути ожидаемого нападения, для поражения ног коней противника [2, 45–46]. В Пошехонский уезд Ярославской губернии гвоздарный промысел перешёл из Уломы около XIV века [23, 36].

Первое письменное упоминание о колоденских деревнях датируется XVI веком именно в связи с гвоздарным промыслом: Гришкино, Давыдово, Чаево, Малая Липенка, Миндюкино. Остальные соседние деревни упоминаются с середины XVII века или более ранние сведения не найдены: Моденский сельсовет: деревня Бугры, посёлок Колоколец. село Староречье; Чаевский сельсовет — деревни Воротишино, Миндюкино, Починок, Супроново, Сергеево, Тыново [16, 173].

«Уломские ...кузнецы в XVI столетии начали специализироваться на ручной ковке гвоздей. Почти до конца XVIII века

гвозди ковались из местного железа. Примерно с 1795 года начинается производство гвоздей из привозного сырья. Кроме того кузнецы научились использовать окалину (железную чешую), что позволило выплавлять местное высококачественное железо. Из него ремесленники деревень Гришкино и Чаево изготавливали тоненькие полоски особой стали, получившей название «уломского уклада». Местные ремесленники ковали из него косы, серпы, сохи, ножи и некоторые сорта гвоздей. Производством гвоздей занималось почти всё трудоспособное население. Наиболее выделялись «гвоздарные» деревни Гришкино, Чаево, Давыдово ... современного Череповецкого района; Модно, Липенка – Устюженского района» [4]. П. А. Колесников неоднократно упоминает Гришкино Колоденской выставки как специализировавшееся на производстве стали и уклада [9, 39, 40].

Уломе ещё до появления Тырпецкого военного завода вменялось в обязанность ковать якоря, цепи и другие виды изделий для оснастки судов. Дело в том, что указами Петра от 31 декабря 1701 года и от 9 января 1702 года на имя вологодского архиепископа Гавриила повелевалось построить 325 речных судов: «И с парусы, и с якори, и с канаты, и с веревки, и со всякими судовыми припасам, и чтоб каждая барка поднимала грузу четыре тысячи пуд, и чтоб строение их окончено было в марте месяце неотложно» [3].

Из рук местных мастеров выходили и некоторые другие изделия, необходимые при строительстве и оснащении флота, например, здесь ковались судовые четырёхлапые якоря весом до двадцати пяти пудов штука, петли рулевые для барж. Якоря выработывались в деревнях Гришкино, Коротово, Степаново в кузницах с усиленными мехами [3].

Друг А. Н. Радищева, путешественник Петр Иванович Челищев в 1791 году писал: «Неподалеку от границы, где Белозерский уезд кончается и начинается округ Устюжны железной, по множеству в тех местах руды железной, каждый крестьянин сам собой плавит небольшими штукаами железо. Делают из него недорогую сталь и куют всякие нужные для крестьян припасы, и то железо продают своим и по ярмаркам других городов купцам

и крестьянам». Дошли до нас описания Липенского, Уломского, Вахновского, Андогского, Ольховского, Даргунского, Ваучского, Самосорского и Мороцкого железодельных заводов» [4].

За жителями Уломы прочно закрепилось прозвище «уломские гвозди». Издревле здешние умельцы занимались выделкой гвоздей: семьдесят различных «номеров» – семьдесят видов – ковали мастера, от каблучных – длиной в два сантиметра, до барочных – семидесятисантиметровых. Уломские гвозди очень ценились, на ярмарках покупались нарасхват. В Москву поставлялось ежегодно до 150 000 пудов гвоздей, в Новгород – до 60 000 пудов, в Ригу – до 20 000 тысяч, в Петербург – до 8000, на одну Вельегонскую ярмарку – 60 000 пудов. Вооружение и боеприпасы доставлялись в Москву: зимой – на санях, а летом – по реке, до Рогачевской пристани, а затем – на телегах в столицу. «...Вот приходит грамота устюженскому воеводе Ивану Степановичу Благому, датируемая 1633 годом, на изготовление более 330 000 ядер «разных статей», или калибров. На оплату этой работы прислано из Москвы 5500 рублей да у таможенного головы взято 150 рублей... Иван Омосов организовал отвоз 4255 пудов ядер с оплатой по 8 денег (4 копейки) за пуд» [8, 38].

Производство гвоздей описывал кисовский купец Филипп Носырин: «Когда я ездил в Англию для продажи гвоздей, английские купцы и фабриканты часто задавали мне вопрос: «А, должно быть, ваша фабрика «Улома» – огромное предприятие, раз снабжает всю Англию гвоздями?» Я усмехался: «Не маленькое... Просто кузница допотопного вида, крытая дерном, четыре аршина в длину и столько же в ширину... В углу – горн с мехами, перед ним гвоздарная наковальня... Рабочих в ней: кузнец и молотобоец – подросток лет двенадцати – и всё!» Англичане не верили, качали с сомнением головами, принимая эти слова за насмешку. Но такая работа давала до миллиона пудов в год прекрасных доброкачественных «уломских» гвоздей, столь необходимых англичанам для постройки их судов» [4].

В 1862 году в журнале Вольного экономического общества появилась публикация череповецкого помещика Н. Каргопольцева «Железное производство в Череповецком уезде» [6]. А. С. Ме-

щерский на основе статистических трудов Новгородской губернии отмечает Гришкино как один из центров кузнечной промышленности [13, 488]. В Воротишине перерабатывают окалину, которую поставляют с заводов Нижегородской губернии, из Твери, из-под Ярославля, а более всего из местных кузниц. [13, 489]. Главным же материалом для изделий служит рудное железо, выделываемое уломцами же. Хорошо обработанное железо наподобие стали называется уклад. Лучший уклад выделывается в селениях Починок, Гришкино, Чаево и Тыново... Купец Носырин называл лучшими мастерами крестьян помещика Секретарева из этих четырех деревень [16, 19]... Гвозди выковываются от руки. Сбываются в Петербург, Москву, Ригу, Тверь, Н. Новгород, Ярославль, Ростов, Весьегонск. [13, 489]. Кадки (бочонки) для укладки гвоздей делают в Череповецком уезде [13, 220, 222]. С. Ю. Холенкова уточняет, что выделкой деревянных ящиков с давнего времени занимались крестьяне сёл Давыдово и Воротишино (Колоденской волости) [24, 5].

В селениях вокруг Уломы делают сошники, серпы, лопаты, косы... [13, 21–24, 541, 542]. И. Х. Штуккенберг отмечал, что здесь делают заступы» [25].

По описи 1868 года в Новгородском музее экспонировались: модель кузницы Череповецкого уезда с полным оборудованием, инструментарием и образцами «череповецкого гвоздя», бубенчик («погромок»), а в минералогическом отделе – железная крица «из местной (череповецкой. – М. С.) руды, которой там обильно» [10].

Написанные в 70-е годы XIX века «Путевые очерки Ф. А. Арсеньева» доказывают, что в Колоденской волости был развит железодельный промысел: «В настоящее время металлическое дело Уломы сосредоточивается в 200 селениях. Главнейшие из них находятся: I. В приходах Череповского уезда: 1) Уломского погоста; 2) села Курилова; 3) села Гришкина...» [16, 3].

Конкретные факты по железнному промыслу колоденских крестьян деревень Колоденской волости Чаево, Починок, Липенка встречаются в таможенных выписях до XIX века [22, 62, 68, 82, 85, 93; 21, 117, 120, 250].

В материалах Н. Богословского – описании Гришкинского прихода от 1865 года есть запись: «Кроме остальных отраслей сельского хозяйства крестьяне восполняют своим ремеслом – ковкою гвоздей и уклада. Начиная с сентября месяца до самого мая крестьяне встают в кузницы, и стук молотов в течение этого времени в деревнях прихода умолкает только в праздничные дни и в часы полуночные рабочих дней. Когда сбыт бывает выгоден, а хлеб недорог, тогда крестьяне благоденствуют; напротив, когда гвозди бывают малоценны, а хлеб не дешев, тогда для крестьян тяжёлое время». [15, 71].

«...В деревне Липенке есть заводъ железорезательный. Онъ устроенъ г. Секретаревым в 1850 году. Въ настоящее время онъ принадлежитъ Череповецкимъ купцамъ Носыринымъ, живущимъ в селъ Курилове» [12, 1]. Колоденские гвоздари работали на Липенском железорезательном заводе, где была машина с клеймом Манчестер 1792 года, лежачая, сил на 25, и маховик у ней пудов на 150 новейшей постройки [25, 57–59].

В. А. Мишуков в своих дневниках писал: «...Кстати, следует упомянуть о замечательном кустаре из деревни Починок, отце нашего кузнеца на Липенском заводе – Петрухи, как его называли. Имя и фамилию я не догадался записать и забыл. Знал лишь только, что этот кустарь вдвоем с сыном Петрухой, тогда молодым человеком, в 60-х годах вырабатывали прямо из местной руды в убогой домашней кузнице сталь, так называемую уклад, из которой в старину делались мечи-кладенцы. Выходила она небольшими полосками в 4 вершка длины, вершок ширины. И четверть вершка толщины. Количества продукции не знаю, но качество известно. Его уклад целиком скупала казна по 40 копеек за фунт для штыков и сабельных клинков. С его смертью Петруха бросил это дело, пошёл в кузнецы на завод, и Россия потеряла при этом, возможно, российского Круппа. Секрет изготовления этой стали держался стариком в секрете и пропал!» [25, 57]. Ф. Носырин писал об этом так: «В нашей памяти досель известен знаменитый мастер Козьма Петров из деревни Починок. Уклад его выделки продавался за 40 коп. с. р. за фунт. В последнее время ценность уклада повышается от 5 до 10 руб. за пуд. Эта цена в

сравнении с английскою и демидовскою необыкновенно высока и почти невероятна в торговом мире, но она действительно существует в Уломе» [16, 19].

В Гришкине в XIX веке гремели фамилии кузнецов Лебедевых, Ухановых, железопромышленников в Починке – Осарковых, в Курилове – Носыриных, в Коротове – Андрияновых.

Гвоздарный и другие металлообрабатывающие промыслы Уломы в 1910 году описывает И. В. Фёдоров: «В домницах выплавлялось железо, из которого конной тягой тянулся кри(ч)тное железо, которое расковывалось в кузницах на строительный гвоздь» [17].

М. К. Герасимов при сборе этнографического материала, в том числе и в Колоденской волости, описал 18 видов производимых гвоздей: лодочные, баковые, плоские, корабельные, балковые, петельные или полуторник, пудовые, тридцатка, полупудник, пятнадцатерик, десятерик, вислоухие, широкошляпые, шлюпочные, подбой (гонтик), одноразка (кучлор), межеумок (багорник:однотес, двоетес, гробовик), конные гвозди (костыли). «А всего в количестве 70 номеров различных гвоздей. Кроме того куются следующие железные изделия: 1) шпонки для трубы; 2) шайба под гайки; 3) скобки для судов; 4) крючки зеркальные и занавесочные; 5) закрепы для каменных построек; 6) костыли для шпал; 7) косы; 8) ковшики; 9) машинки для нарезки пил. Привоз железа и выковка из него гвоздей и других изделий достигла 200 000 пудов в 1900 году, а в 1858 году, по сведениям Ф. Носырина, было расковано железа до 600 000 пудов! [5, 69].

В Колоденской волости расковкой гвоздей занимались в селе Гришкино в 9 дворах 18 человек. В Давыдове, например, было 10 горнов в 1888 году. Сокращение производства кустарного гвоздя началось в 1900-е годы с началом машинного проволочного производства [17, 24].

Угложжением (морением или томлением угля) занимались среди других и в Колоденской волости с промышленными целями. Некоторые кузнецы жгут для себя. Работают все: и старики и дети. Лес дровяной и валежник заготавливается весной и сушится до осени, пилят осенью и укладывают в морянки. Следят,

чтобы уголь не перегорел. В Колоденской волости углежжение начали кузнецы, да и лес был свой. В настоящее время жгут уголь для продажи из своего и покупного леса. Углежжение считается делом хлопотным: и в праздники, и в будни надо сбегать посмотреть морянку. Но в то же время занятие это считается выгодным, потому что в нём принимают участие все члены семьи, которые без того были свободны [17, 38].

В 1911 году возникла Уломская артель кузнецов. Она сама стала добывать железо и уголь для своих членов; она же организовала сбыт гвоздей через потребкооперацию. Это должно было избавить кузнецов от скупщиков [18].

Таким образом, многочисленные письменные источники с точным упоминанием колоденских деревень являются неопровержимым подтверждением существования железного промысла от добычи болотной руды до высококачественных изделий.

Список литературы:

1. *Алов А. А.* Гвоздарное производство в Новгородской, Тверской, Нижегородской и Пермской губерниях. (Отчёт 1898 года А. А. Алова).
2. *Арциховский А. В.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1958–1961 годов), с. 45–46.
3. *Брагин А. Е.* Железное поле // Вологодские зори. – М., 1987, с. 409–448.
4. *Брагин А. Е.* На Шексне, у заветного камня. – Череповец, 1995.
5. *Герасимов М. К.* Словарь уездного череповецкого говора. – Череповец: ЧГУ, 2006, с. 69.
6. *Каргопольцев Н.* «Железное производство в Череповецком уезде» // Журнал Вольного экономического общества, 1862.
7. *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие. – Вып. 2. Топоры, копья, сулицы // САИ. Вып. Е1-36. – М., Л., 1966, с.23–25.
8. *Колесников П. А.* Из истории металлургии Устюжно-Железопольского района в XVI–XVII веках // Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России. – М., 1961, с. 38.
9. *Колесников П. А.* Устюжна: Очерки истории города и района. – Сев.-зап. кн. изд-во, 1979, с. 40.
10. Краткий каталог предметов церковного отдела в Новгородском музее древностей. – Новгород, 1911. – № 5, 194, 229.

11. *Кудряшов А. В.* Древности средней Шексны X–XIV вв.: Монография. – Череповец: ЧГУ, 2006, с. 132.
12. «Летопись Гришкинской церкви и ея прихода» // ЧерМО 1418/30. Кн. 9–81. Л. 1.
13. *Мещерский А. А.* Свод материалов по кустарной промышленности в России: Санкт-Петербург: тип. бр. Пантелеевых, 1874, с. 489.
14. *Никитин А. В.* Русское кузнечное ремесло XVI–XVII вв. Археология СССР: Свод археологических источников. – Вып. Е1-34. – 1971. – 84 с.
15. Новгородский сборник под редакцией Н. Богословского. – Вып. V. – Издание Новгородского статистического комитета. – Новгород, 1866, с. 67.
16. *Носырин Ф.* Улома и ее металлическое производство. – Санкт-Петербург, 1858.
17. Описание кустарных промыслов Новгородской губернии. Гвоздарный и другие металлообрабатывающие промыслы Уломы / Сост. И. В. Фёдоров. – Новгород, 1910, с. 36.
18. *Осьминский Т. И.* Череповецкий уезд в эпоху капитализма. 1950-е гг. Машинопись // Архив ЧерМО. Л. 75.
19. *Пахолкова Т. В.* Гришкино и его окрестности. – Череповец, 2014.
20. *Колесников П. А., Димони Т. М.* Родословие Вологодской деревни. – Вологда, 1990, с. 173.
21. *Семёнов А.* Гвозди-ключи к истории. Метизы, 1(08)'2005, с. 102.
22. *Сербина К. Н.* Крестьянская железоделательная промышленность Северо-Западной России XVI – первой половины XIX в. – Л., 1971.
23. *Фомин В. И.* Очерк истории гвоздарной промышленности в России, Харьков, и Зельбенберга, 1897, с. 36.
24. *Холенкова С. Ю.* Крестьянские кустарные промыслы Череповецкого уезда в начале XX века [Электронный ресурс] // Объединение библиотек г. Череповца. URL: <http://admin.cherlib.ru/files/335816112011Holenkova.pdf> (дата обращения: 20.09.2017).
25. ЧЦХД. Ф. 762. Оп. 2. Д. 41а. Л. 57.
26. *Штуккенберг И. Х.* Статистические труды. – Т. 1. – С-Пб., 1858.

ВЛАДИМИРОВА О. А.,

г. Череповец

**Анна Ивановна Тимирёва-Муромцева,
соратница Николая Васильевича Верещагина**

Отмечая 180-летие со дня рождения Н. В. Верещагина и оглядываясь назад, осознаёшь огромный вклад этого человека в изменение жизненного уклада крестьян, сельского хозяйства и экономики нашей страны. И даже кулинарные пристрастия россиян благодаря Верещагину изменились: если 100 с лишним лет назад сливочное масло было продуктом роскоши, то ныне трудно представить себе завтрак без этого приятного компонента бутербродов и многих других кушаний. А сорт масла, который с 1939 года известен как «Вологодское» и стал теперь одним из важных торговых брендов нашей области, был создан при непосредственном участии Н. В. Верещагина. Среди его сподвижников было немало замечательных людей. Об одной из них – Анне Ивановне Тимирёвой-Муромцевой (1850–1923) мне бы хотелось рассказать присутствующим.

Импульсом к изучению жизни и судьбы этой замечательной женщины стала короткая строчка из статьи в Википедии, посвящённой Н. В. Верещагину: «А. И. Тимирёва освоила приготовление «нормандского масла», получившего на русском рынке название «парижского», а позже «вологодского масла». Адаптация технологии этого масла прошла в Единоновской школе Верещагина» [1]. Из источников Интернета об Анне Ивановне удалось узнать довольно много: она была потомственной дворянкой, их родовое имение находилось в селе Бочево Тихвинского уезда. Её родные братья учились в Морском корпусе и были младшими товарищами Н. В. Верещагина. Рано потеряв мать, Анна воспитывалась отцом, а потом была отдана им для обучения в Патриотический институт. Будучи представительницей поколения «шестидесятников» XIX века, людей, обладавших повышенным чувством ответ-

ственности за судьбы своей страны и неким «комплексом вины» по отношению к простому народу, Анна Ивановна, достигнув совершеннолетия, мучительно раздумывала над тем, как приложить свои силы и таланты для принесения пользы народу и служения ему. Её братья рассказали о задуманном Верещагиным деле – обучении молочному хозяйству в селе Единонове Тверской губернии. Анна Ивановна с воодушевлением присоединилась к этому благородному начинанию Николая Васильевича. В 1872 году она стала ученицей Верещагина в новоучреждённой школе. Успешно и быстро пройдя все ступени обучения, она в октябре того же года была командирована Верещагиным во Францию. Своеобразным обобщением этой поездки стала её статья «Четыре месяца на фермах Северной Франции», опубликованная в журнале «Сельское хозяйство и лес», 1873 год (ч. СХIV, с. 2–26; 126–154), а позднее – отдельной брошюрой [2]. В дальнейшие годы своей жизни Анна Ивановна посетила с целью изучения молочного хозяйства, производства сыров и масла Англию, Данию.

Не осталась Анна Ивановна в стороне и от военных событий своего времени: подобно Юли Петровне Вревской она отправилась сестрой милосердия в действующую армию на Балканы во время русско-турецкой кампании 1877–78 годов. Судьба милосердия отнеслась в Анне Ивановне: ей удалось не только выжить в суровых и страшных условиях войны, но и найти там будущего мужа. Работая в госпитале, она познакомилась с Владимиром Павловичем Муромцевым и вышла за него замуж. Они прожили вместе долгую жизнь, вырастили пятерых детей. Анна Ивановна, став матерью семейства, не оставила своих сельскохозяйственных занятий и писательства: она открыла в селе Пречистенском школу скотоводства, маслоделия и сыроварения, периодически выпуская небольшие статьи и брошюры, посвящённые вопросам обучения профессиям маслоделов и сыроделов и развитию молочного сельского хозяйства. Заведующим пригласили знакомого выпускника Петровской (будущей Тимирязевской) академии, а сыроваром – практиканта из Единонова.

Молочная школа Муромцевой стала одной из первых, получивших за успехи пособие от правительства. Для изучения об-

разцового хозяйства имения к Муромцевым ежегодно приезжали на летнюю практику студенты старших курсов Петровской академии. Многие из них были выходцами из крестьян. А один из них – А. В. Чичкин – стал в будущем миллионером, снабжая молочными продуктами пол-Москвы. Обобщение опыта открытия молочных школ и ведения сельского хозяйства А. И. Муромцева сделала в брошюре «Беседы с учениками Пречистенской школы молочного хозяйства» (1892), которая была очень сочувственно встречена современниками. Положительный опыт работы школы Муромцевой в сельском хозяйстве и производстве масла и сыров был одним из обнадеживающих примеров развития кооперации на селе, изменения условий жизни к лучшему, что было очень актуально в 1900-е годы в период Столыпинских реформ. Но революционные события 1905–1906 годов привели к закрытию школы в Пречистенском.

В 1914 году, подобно многим русским патриотам, Анна Ивановна открыла в своём имении лазарет на 25 раненых, оплачивая работу при нём врача и сиделок. После революции 1917 года супруги Муромцевы добровольно передали советской власти свою усадьбу, молочное хозяйство и винокуренный завод в Пречистенском, а сами уехали в село Самуйлово, но потом они расстались – Владимир Павлович остался работать счетоводом, а Анна Ивановна уехала в Москву к дочери. Последние годы жизни она работала в Наркомземе. Жизнь Анны Ивановны поражает обилием интересных событий, стремлением к высоким целям. Она была прекрасно образованной: училась в Сорбонне и Оксфорде, в России читала лекции в Петровской сельскохозяйственной академии, выпускала книги по сельскому хозяйству: о приготовлении сыра и масла, скотоводстве, ведении фермерского хозяйства. Она была единственным человеком в России, удостоенным золотой медали Стебута за труды в области сельского хозяйства.

Интересно ознакомиться с её первой статьёй по итогам командировки во Францию, когда Анне Ивановне было только 22 года. В этой статье она не только подробно описывает технологию производства сыров и масла, но делает интересные зарисовки особенностей психологии французов, населяющих

разные департаменты страны, даёт подробные экономические выкладки расчётов стоимости производства молока, сыров, ведения животноводческого хозяйства. Эта поездка была первым заграничным путешествием молодой девушки. Читая статью, поражаешься целеустремлённости, выдержке, умению преодолевать трудности, находить общий язык с разными людьми ради овладения необходимыми знаниями. Приехав в Париж, Анна Ивановна поразила французов тем, что её не интересует шумная и весёлая жизнь столицы, а желала бы она пожить в деревнях, занимающихся производством сыра. Поскольку сыр – более «живучий» продукт, переносящий перевозку на дальние расстояния, то в своей статье основной акцент Анна Ивановна сделала именно на изучении технологий приготовления наиболее известных французских сыров: бри, камамбера, куломье, ливаро, понт-левек, монт дор. Даже эпиграфом для своей статьи она избрала старую французскую поговорку: «Un dessert sans fromage est comme une belle à qui il manqué un oeil» (Десерт без сыра подобен красавице без глаз). Вернёмся в прошлое и мысленно пройдем по маршруту путешествия Анны Ивановны. Из Парижа она переехала в местность Бри, давшую название известному сорту сыра в городок Куломье. После 5 недель обучения в Бри Анна Ивановна отправилась в департамент Кальвадос (город Лизье), где производили сыры сортов камамбер и ливаро, потом она посетила в Нормандии на севере Франции местечко Изиньи, городок Невшатель, давший название сорту сыра, Брейль и Гурне. Чтобы ознакомиться с особенностями производства сыров в холодный зимний период, Анна Ивановна снова вернулась в Бри и Кальвадос.

Знакомясь с особенностями производства сыров, Анна Ивановна столкнулась с довольно большими сложностями психологического характера: молочное хозяйство почти целиком находилось в ведении женщин, которые очень ревностно охраняли свои секреты и отказывались кого-либо допускать в «святая святых» – молочные. Так, например, дочь фермера Элоиза поссорилась со своими родными из-за того, что приняла на работу постороннего человека (Анну Ивановну) [2, с. 13].

Только помощь знакомых сделала возможным осуществление миссии Анны Ивановны во Франции. Одной из первых помогла молодой русской девушке француженка, которая много лет была гувернанткой в России, а в старости стала неким гидом-посредником для приезжающих во Францию русских. Она посоветовала Анне Ивановне поискать на Центральном парижском рынке господина Верже, который занимался продажами сыра. Через него она познакомилась со многими простыми французами. Но хорошее знание их языка, модный покрой платьев по французской моде сначала вызывал недоверие у простых людей и боязнь конкуренции в области производства и продажи сыров. Когда же они убедились, что Анна Ивановна действительно русская, то стали относиться к ней более дружелюбно. Этому способствовала и память о недавних военных событиях – завершении Франко-прусской войны, в которые русская дипломатия внесла свою лепту¹. Сумела использовать Анна Ивановна и присущие французским мужчинам рыцарственное отношение к женщинам, любознательность и общительность, чтобы достичь своей цели – попасть на работу на молочную ферму. Только благодаря таким знакомствам ей удалось изучить тонкости процесса производства сыров.

Также в своей статье Анна Ивановна отмечает, как она завоевывала доверие ревностных французских хозяек – она трудилась вместе с ними не покладая рук, предлагала свою помощь в разных домашних работах и тем самым сумела получить их доверие к себе и уважение. Впечатляют и серьёзные экономические выкладки, которые Анна Ивановна приводит в своей статье, отмечая выгоды производства сыров и ведения молочного хозяйства. В конце своей статьи Анна Ивановна прозорливо замечала: «Применение французского сыроварения у нас, в России, в большем виде пока ещё не мыслимо, но впереди ему предстоит хорошая будущность, особенно для подгородных имений и ферм» [2, с. 55]. Во многом

¹ Переговоры министра иностранных дел Горчакова с Тьером помогли заключить Франции мир с Пруссией на началах умеренности и были направлены на то, чтобы убедить французов скорее капитулировать, дабы эта война не переросла из локального в интернациональный конфликт.

Анна Ивановна развивает мысль Николая Васильевича Верещагина о том, что ведение молочного животноводства способно изменить уклад жизни русской деревни. Ведь при существовавшем тогда трёхполье не всегда были гарантированы устойчивые урожаи. А внимательное отношение к крупному рогатому скоту, выдвигание сыров и масла из молока способны были дать крестьянам реальный источник постоянного дохода. Анна Ивановна писала: «... французское маслоделие может также широко применяться у нас, в России, как выгодная отрасль молочного хозяйства, тем более что с помощью остающегося снятого молока можно завести правильное отпаивание телят. <...> Нужно надеяться, что публика наша, любящая всё французское, привыкнет употреблять этот прекрасный и здоровый продукт, когда большее развитие этого производства и конкуренция сбавят страшные, высокие цены, существующие теперь» [2, с. 56]. На примере собственной трудовой деятельности во взрослой жизни Анна Ивановна впоследствии доказала правомерность своих юношеских наблюдений, сделанных в статье «Приготовление сыра и масла на фермах Северной Франции».

В 1907–1908 годах, побывав в Дании и изучив опыт расселения крестьян на хутора, Муромцева пишет ещё две статьи: «Эккурсия в обетованную землю» и «Как Дания стала обетованной землей», появление которых привлекли сотни читателей к сочувствию и содействию Столыпинским реформам.

Дания могла служить примером для России, вступающей на подобный же путь. Не случайно «идеологом» Столыпинской реформы стал датчанин Кофод.

Вспоминая свои впечатления в музее крестьянской культуры на Датском острове Лоллонд, Анна Ивановна писала: «Наше настоящее очень напоминает их прошлое... Сто лет назад датский крестьянин был нищ и инертен, как русский. Сто лет назад в Дании общинная земля, истощенная культурой хлебов, перестала родить. Тогда «предусмотрительные люди» придумали ряд мер, из которых самой полезной оказалось расселение общинников, а затем развитие животноводства. Страна начала жить утроенной энергией, и её прогресс оказался поразителен» [3].

К сожалению, реалии русской истории оказались иными, и благие начинания Верещагина, Муромцевой и многих их сподвижников не получили должного развития в дореволюционные годы. Знакомство с судьбой А. И. Тимирёвой-Муромцевой вновь заставляет восхититься богатством души русского народа, рождающего настоящих подвижников различных идей, бескорыстных людей, верящих в дела, которые способны были изменить облик их Родины, сделав её богатой, могучей и процветающей.

Список литературы:

1. Википедия https://ru.wikipedia.org/wiki/сноска_5.
2. *Муромцова А. И.* Приготовление сыра и масла на фермах Северной Франции / [А. Тимирёва]. – Санкт-Петербург : общедоступ. тип. и лит. А. Е. Ландау и К°, 1874. – 56 с. : ил.; 25.
3. *Муромцова А. И.* Экскурсия в обетованную землю – Ч. [1]–2. – М. : тип. т-ва И. Д. Сытина, 1908–1910. – 2 т.; 21. (Библиотека хозяина / Под ред. А. П. Мертвого).
4. *Тимирёва-Муромцова А. И.* Как Дания стала обетованной землёй., 1910. – 71 с. : ил. (Библиотека хозяина / Под ред. А. П. Мертвого).

ВОРОБЬЕВА В. В.,
бакалавр,
Череповецкий государственный университет

«Польская война» Исаака Бабеля

Аннотация. В 20–30-е годы многие писатели по-своему пытались осветить происходящие в стране события, круто изменившие жизнь России. Одним из них был Исаак Бабель, «Конармия» которого рассказывала читателю о страшном времени Гражданской войны, отступая порой от объективных оценок происходивших событий. Не удивительно, что многие писатели были втянуты в политическую борьбу и попали затем под каток репрессий. В числе их оказался и Исаак Бабель, причисленный к антисталинской оппозиции.

Ключевые слова: Исаак Бабель, советско-польская война, красноармейцы, Борис Пильняк, репрессии.

Насколько литературные произведения, картины художников, музыкальные сочинения композиторов, появившиеся в связи с историческими событиями, могут быть источниками? Разве можно пренебречь «Войной и миром» Льва Толстого при изучении Отечественной войны 1812 года или его ранними «Севастопольскими рассказами» о другой войне? А разве картины знаменитого художника Василия Верещагина не говорят больше о тех баталиях, которые запечатлены на его полотнах, чем иные письменные свидетельства? А «Тихий Дон» Михаила Шолохова – это куда более объективное исследование по Гражданской войне, чем многие исторические описания. Однако к литературным произведениям, если мы зачисляем их в «источники», надо относиться с той же требовательностью и с теми же критериями, что и к другим бесспорным историческим свидетельствам.

В 20–30-е годы прошлого века многие писатели по-своему пытались осветить происходящие в стране события, круто ме-

нявшие её жизнь. Преданность революции и защиту её идеалов в Гражданской войне отражали романы Д. Фурманова «Чапаев», Н. Островского «Как закалялась сталь», А. Фадеева «Разгром», А. Серафимовича «Железный поток».

Но были писатели, которые рассказали о революционном времени как о насилии, коверкающем судьбы людей в России. Появились такие произведения, как «Конармия» И. Бабеля, «Бег», «Белая гвардия», «Дни Турбиных» М. Булгакова, «Доктор Живаго» Б. Пастернака и другие. Большинство из этих авторов стали жертвами политического режима, оказавшись причастными к борьбе противостоящих группировок в писательской среде. Одним из них был Исаак Эммануилович Бабель, со дня рождения которого в 2019 году исполнилось 125 лет.

Настоящая фамилия писателя Исаака Бабеля – Бобель. Он родился в 1894 году в Одессе на Молдаванке в типичной еврейской семье. Вскоре после его рождения семья Бабеля переехала в портовый город Николаев. Позднее, в 1906 году, они переселились в более respectable район Одессы.

Бабель окончил Одесское коммерческое училище имени императора Николая I, дома изучал иврит, Библию и Талмуд [4]. После того как еврейская квота сорвала попытку поступить в Одесский университет, Бабель был зачислен в Киевский институт финансов и предпринимательства.

Впервые его имя появилось в печати в 1913 году, когда на страницах киевского журнала «Огни» был опубликован его первый рассказ – «Старый Шлойме». Дебют оказался неудачным: рассказ был слаб в художественном отношении и остался незамеченным тогдашней критикой. Да и сам Бабель не любил вспоминать о нём.

В 1915 году Бабель окончил школу и переехал в Петроград, нарушив закон, ограничивающий проживание евреев в пределах черты оседлости. Он свободно говорил по-французски, по-русски, по-украински и на языке идиш, а ранние рассказы Исаака Бабеля были написаны на французском языке. Однако ни одна из его историй на этом языке не сохранилась.

В Петрограде Бабель встретил Максима Горького, который опубликовал некоторые из его рассказов в своём литературном журнале «Летопись». Исаак Бабель писал в своей автобиографии: «... я всему обязан этой встрече и всё ещё произношу имя Алексея Максимовича Горького с любовью и восхищением» [4].

Информации о местонахождении Бабеля во время и после Октябрьской революции очень мало. По одной из его историй, называвшейся «Дорога», он служил на румынском фронте до начала декабря 1917 года. В марте 1918 года он вернулся в Петроград в качестве репортёра меньшевистской газеты Горького «Новая жизнь». Здесь Бабель с иронией описывает первые плоды большевистского переворота: произвол, всеобщее одичание и разруху.

Во время Гражданской войны в России Бабель работал в издательстве Одесского губкома, в подразделении закупок продуктов питания, в Наркомпросе, а также типографии [4].

Весной 1920 года по рекомендации Михаила Кольцова под именем Кирилла Васильевича Лютова, русского по национальности, был направлен в 1-ю Конную Армию под командованием Будённого в качестве военного корреспондента газеты «Красный кавалерист». В рядах 1-й Конной он стал участником советско-польской войны [5].

В начале апреля 1920 года войска Польши и Украины совместно атаковали Красную Армию практически на протяжении всей украинской границы. Поляки быстро продвигались вперёд, и уже через 10 дней заняли Киев и вышли на левый берег Днепра. Угроза для Советской России была реальной, учитывая, что в Крыму находился барон Врангель. В ответ командующий Западным фронтом Тухачевский активизировал действия в Белоруссии, а на юго-западное направление спешно перебросил конную армию Будённого, которая разгромила отряды Махно и создала возможность окружения основных сил противника.

Через три месяца, к концу июля 1920 года, красноармейцы уже находились на польской территории, были освобождены Минск и Бобруйск, красное знамя развевалось над городами

Гродно, Лида, Белосток, Вильно. Дорога на запад была открыта, впереди у Красной Армии – столица Польши Варшава.

Решающее сражение советско-польской войны – Варшавское – в польских изданиях называют «чудо на Висле», проходило оно с 13 по 25 августа. Польская армия смогла нанести сокрушительный контрудар по позициям красноармейцев. На Южном фронте советская армия также потерпела поражение. Судьба войны была решена.

Мирный договор заключили в Риге, в 1921 году, 18 марта. Советская Россия потеряла часть Белоруссии, и Западную Украину. Границы, определённые Рижским миром, просуществовали до 1939 года.

6-я кавалерийская дивизия, в рядах которой находился Бабель, уже в начале кампании принимала участие в самых ответственных боях с противником, неся значительные потери. Бабель разделял с конармейцами все тяготы боевого похода в знаменитом Житомирском прорыве, в Ровенско-Дувенской операции, в боях за Броды и Львов.

Дневник, который Бабель вел во время польской кампании, послужил основой для будущего сборника рассказов «Конармия». Записи Бабеля – это более или менее упорядоченная фиксация того, что Бабелю удалось увидеть и пережить, будучи непосредственным участником исторических событий. Именно Конармия, ее бойцы, командиры, а также польские солдаты и представители галицийского еврейства стали главным предметом изображения в дневнике.

«Конармия» состоит из 34 рассказов (хотя Бабель упоминал о 50). В книге много натуралистических описаний жестоких боёв, жестокого обращения конармейцев с противниками и с мирным населением. Автор никого не выделяет, у него нет героев или злодеев. Гражданская война растлила всех, сделала убийство обыденным, а жестокость привычным делом. Жизнь человека ничего не стоила. «Летопись будничных злодеяний теснит меня неутомимо, как порок сердца» [2, 33], – пишет в своём дневнике Бабель.

Бабель был поражён всем увиденным на войне. Совсем не такой представлялись ему и сама война, и воюющие люди. Казаки

должны были сами обеспечивать себя едой, лошадьми и кормом для них. Делалось это за счёт мирного населения и часто приводило к кровопролитию: «На деревне стон стоит. Конница травит хлеб и меняет лошадей. Взамен приставших кляч кавалеристы забирают рабочую скотину» [2, 14].

Справедливости ради надо отметить, что Бабель пишет в дневнике и о погромах, чинимых поляками, например, о еврейском погроме в Житомире – со слов уцелевших. Вот запись от 3 июня 1920 года: «житомирский погром, устроенный поляками, потом, конечно, казаками. ...поляки вошли в город на 3 дня, еврейский погром, это обычно, собрали на рынке 45 евреев, отвели в помещение скотобойни, истязания, резали языки, вопли на всю площадь» [3, 122–123].

В «Конармии», которая сама по себе жестока, некоторые сюжеты, связанные с творимыми конармейцами еврейскими погромами, расстрелами пленных и насилиями над мирным населением, были существенно смягчены, в том числе и по цензурным условиям.

Илья Эренбург писал в мемуарах: «Он смягчал все страшные места. Я сравнивал дневник с рассказами. Он почти не менял фамилий, эпизоды те же. Он сказал: «Вот так это было. Вот люди, эти люди бесчинствовали и страдали, глумились и умирали, и была у каждого своя жизнь, своя правда» [7].

Первые новеллы из «Конармии» появились в 1923–1925 годах в одесских журналах и газетах, в московских «Лефе», «Красной нови» и «Правде». Миф о благородных красноармейцах разбивался в прах, героика Гражданской войны оборачивалась кровью, насилием, произволом с обеих сторон.

Написав «Конармию», Бабель одновременно подписал себе приговор, лишь оттянутый во времени. Советская критика тех лет сразу обвинила писателя в «антипатии делу рабочего класса» и упрекала его в «натурализме и апологии стихийного начала», поскольку рассказы цикла «Конармия» оказались в явном контрасте с революционной пропагандой того времени, создававшей героические мифы о красноармейцах («Железный поток» А. Серафимовича, «Чапаев» Д. Фурманова).

К. Ворошилов в том же 1924 году жаловался Дмитрию Мамуильскому – члену ЦК, а позже главе Коминтерна, что стиль произведения о Конармии был «неприемлемым». Сталин же считал, что Бабель писал «о вещах, ему совершенно неизвестных» [8, 149].

Семёна Будённого бабелевская «Конармия», где будённовцы были представлены отнюдь не в парадном виде, привела в настоящее бешенство. Будённый посчитал, что Бабель «оклеветал» Первую конную армию. В заметке под заголовком: «Бабизм Бабеля из «Красной нови» командарм в непарламентских выражениях заявил об «идеологически чуждом» И. Э. Бабеле, напечатавшем безответственные небылицы. Он назвал Бабеля «дегенератом от литературы», который «оплевывает художественной слюной классовой ненависти. Бабель рассказывает нам про Конную Армию бабьи сплетни, роется в бабьем барахле-белье, с ужасом по-бабьи рассказывает о том, что голодный красноармеец где-то взял буханку хлеба и курицу; выдумывает небылицы, обливает грязью лучших командиров-коммунистов, фантазирует и просто лжёт» [6].

Бывший командарм бросил ему самое главное обвинение – поставил в ряд идеологических врагов Советской власти – «господ Сувориных, Милюковых, Деникиных и пр..» [6]. Обвинения были нешуточные, если бы на дворе стоял год не 24-й, а 37-й, то вскоре можно было ожидать прихода «славных ребят из железных ворот ГПУ». Но в 24-м за такое пока ещё не забирали, и Бабель уцелел.

«Польский поход» 1920 года был одной из самых болезненных для советской власти страниц. Участник этого похода Исаак Бабель в своих рассказах давал весьма нелицеприятную «картинку» того, что представляла собой эта армия «изнутри». А ведь и Клим Ворошилов, и Семён Будённый были чуть ли не главными, со времён обороны Царицына, союзниками Сталина.

Только что, в январе 1924 года, скончался Ленин, в партийно-советской верхушке шла ожесточенная борьба за власть, исход которой тогда был ещё далеко не ясен. И публикации «конармейских» рассказов Бабеля били не только по будущим

Сталиным маршалам Будённому, Ворошилову и Тимошенко, а даже по самому Сталину [9].

От опалы писателя спасла дружба с Максимом Горьким, который рьяно отстаивал перед сильными мира сего творчество И. Бабеля.

Вернувшись в Одессу, в середине 1920-х Бабель начал работать над вторым своим большим трудом, циклом «Одесские рассказы», подарившем читателю литературную версию бандита Мишки Япончика – Беню Крика. Чтобы достоверно описать задуманное, писатель решил полностью погрузиться в атмосферу рассказов.

Для этого Бабель снял на Молдаванке комнатку у старика-еврея, который помогал бандитам в качестве наводчика. Вторым источником информации стали официальные органы: Исаака Эммануиловича допустили к ознакомлению с материалами уголовного розыска.

В 1928 году Бабель выпустил пьесу «Закат», поставленную двумя театрами, а в 1935-м опубликовал пьесу «Мария». Роман «Великая Криница» и повесть «Еврейка» дописать не удалось – помешал арест автора.

Путь крупных деятелей СССР от триумфа до опалы в конце 1930-х годов часто был короток. В середине 1938 года Бабеля назначили членом редакционного совета Государственного издательства художественной литературы, а 15 мая 1939 года арестовали. Обвинение было стандартным для тех лет – антисоветская и террористическая деятельность. Рукописные материалы, изъятые при аресте, считаются безвозвратно утраченными.

Во время допросов Бабеля, очевидно, пытали: на фотографиях, переданных позже из НКВД, на лице Исаака Эммануиловича видны следы побоев. Писатель был вынужден оговорить себя и признать связь с троцкистами.

26 января 1940 года Военная коллегия Верховного Суда СССР приговорила писателя к высшей мере наказания. Приговор привели в исполнение на следующий день. 27 января 1940 года Исаак Эммануилович Бабель был расстрелян. Отдельной могилы

у Бабеля нет: его прах вместе с прахом сотен других казнённых захоронен в Общей могиле № 1 Донского кладбища [5].

Антонине Пирожковой, жене писателя, о казни не сообщили, уведолив, что Исаак Бабель отбывает срок без права переписки. До 1954 года женщина верила, что муж жив, и писала письма с просьбой об облегчении его наказания. В 1954 году Бабеля посмертно реабилитировали, а в 1956-м творчество писателя перестало быть запретным и сделалось классикой советской литературы.

Под каток сталинских репрессий попал не только И. Бабель. В период с 1928 по 1939 год были репрессированы, попали в лагеря или расстреляны писатели С. Клычков, О. Мендельштам, Б. Пильняк, Артём Весёлый, режиссёр В. Мейерхольд и др. Их вина состояла не только в том, что они не освещали успехов партии и не выражали любви к вождю, как это часто изображают в СМИ, а в связи с антисоветской оппозицией, которая рвалась к власти и в случае успеха пролила бы крови не меньше.

Так, в 20-е годы гремело имя Бориса Пильняка (Вогау, 1894–1938), творчество которого вызывало в критике жаркие споры. Резонанс творчество Пильняка получило после выхода его книги «Быльё» (1920) и романа «Голый год» (1921). Одни считали его революционным писателем, другие, напротив, были убеждены, что именно реакция водит его рукой. Его называли «попутчиком», и «внутренним эмигрантом», и «врагом»...

В 1926 году Пильняк пишет «Повесть непогашенной луны». Здесь автор обнажил механизм уничтожения, который зиждился на главном постулате – дисциплине, верности приказам партии. Во имя этой мнимой верности многие впоследствии сложили головы, прежде чем поняли, что произошёл переворот, что сподвижники Ленина во имя «единства» партии, её «монолитности» – безжалостно уничтожаются, а на смену им приходят карьеристы или не рассуждающие исполнители.

В первый раз здесь обнажается система, когда во имя ложно понятого партийного долга человек идёт на бессмысленную смерть, иначе говоря, безмолвно позволяет себя убить. Ни Ста-

лин, ни Фрунзе не были названы там по имени, однако современники легко разглядели знакомые черты [1].

Весь тираж номера «Нового мира» с публикацией «Повести непогашенной луны» Пильняка был конфискован на второй же день. «Повесть» признали «злостным, контрреволюционным и клеветническим выпадом против ЦК и партии». Началась организованная травля Пильняка.

Борис Андреевич был арестован 28 октября 1937 года в день рождения сына, которому исполнилось три года, на даче в Переделкино. Писателю припомнили все прежние грехи, добавили стандартный набор обвинений в шпионаже, связях с троцкистами и подготовке терактов и 21 апреля 1938 года расстреляли. Кстати, была убедительно доказана абсурдность обвинений в умышленной смерти Фрунзе. Он скончался из-за неопытности врача, применившего усиленную долю наркоза.

Писатели – «инженеры человеческих душ» – оказались в те годы на переднем крае борьбы как сторонников социализма, так и его противников. Для полного успеха партии попутчики были не нужны. Разумеется, Бабеля расстреляли не за «Конармию». Что бы и кто не утверждал, но высшую меру в сталинское время за книги не давали. Сам вождь, кстати, литературу любил, разбирался в ней вовсе не по-дилетантски. Стране нужна была новая интеллигенция – советская, без всяких «примесей». И с теми, кто не вставал в её строй, кто не понял значение призыва «К кем вы, мастера культуры» – поступали жестоко, также, как с Бабелем.

Список литературы:

1. *Андроникашвили-Пильняк Б.* О моём отце. – URL: <https://e-libra.ru/read/122135-o-moem-otce.html>. Дата обращения: 30.09.2019.
2. *Бабель И. Э.* Конармия. – М.: Наука, 2018. – 470 с.
3. *Бабель И. Э.* Конармейский дневник 1920 года // Конармия. – М.: Наука, 2018. С. 122–182.
4. *Бабель И. Э.* Одесские рассказы. – М.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2013. – URL: <https://ruslit.raumlibrary.net/book/babel-ss04-01/babel-ss04-01.html>. Дата обращения: 28.09.2019.

5. Бабель Исаак // Электронная еврейская энциклопедия. – URL: <https://eleven.co.il/jewish-literature/in-russian/10369>. Дата обращения: 29.08.2019.

6. Будённый С. Бабизм Бабеля из «Красной нови». – № 3. – 1924. // Сарнов Б. М. Сталин и писатели. – Кн. 4. – М.: КоЛибри, 2018. – 832 с. – URL: https://www.e-reading.club/chapter.php/1053495/4/Sarnov_-_Stalin_i_pisateli_Kniga_chetvertaya.html. Дата обращения: 27.08.2019.

7. Пирожкова А. Н. Я пытаюсь восстановить черты. О Бабеле – и не только о нём. – М.: АСТ, 2013. – 608 с. – URL: <https://e-libra.ru/read/399074-ya-pytauyus-vosstanovit-cherty-o-babele-i-ne-tol-ko-o-nem.html>. Дата обращения: 30.08.2019.

8. Сталин-Каганович. Переписка 1931–1936 гг. – М.: РОССПЭН, 2001. – 798 с.

9. Судовцев Г. И. Узел Бабеля // 12 июля 2019. – № 27. – URL: http://zavtra.ru/blogs/uzel_babelya. Дата обращения: 02.09.2019.

СУДАРЕВ Н. П.,
д. с.-х. н., профессор,
главный научный сотрудник ФГБНУ ВНИИплем
КУЛЬМАТОВ Л. А.,
к. с.-х. н., г. Тверь

Исторические уроки научно-практической и общественной деятельности Н. В. Верещагина – создателя масло- и сыроделия в России

Николай Васильевич Верещагин создал в России молочную промышленность, научил сельских домохозяев северных губерний России и Сибири делать высококачественное сливочное масло и сыры разных сортов. Сквозь столетие он преподаёт нам важные уроки, а мы эти уроки усвоили или опять наступаем на те же грабли? В этом году мы отмечаем 180-летие со дня рождения Н. В. Верещагина – учёного, изобретателя, великолепного организатора, создателя масло- и сыроделия в России. Специалисты-животноводы и работники молочной промышленности хорошо знают заслуги Николая Васильевича, но широкой общественности его имя мало известно. Николай Васильевич гениально увидел, что в северных губерниях России и в Сибири гораздо более выгодно заниматься молочным животноводством. Причём, значительная часть молока должна подвергаться глубокой переработке, то есть из него необходимо делать масло и сыр, которые стоят намного дороже, и на них имеется постоянный спрос как в России, так и в Европе. Таким образом, можно значительно улучшить экономическое положение сельских тружеников, и государство получит прибыль от экспорта продукции с глубокой переработкой исходного сырья. Н. В. Верещагин не только овладел передовыми Европейскими технологиями по производству сыра и масла, но и сам изобретал новые рецептуры. Например, Николай Васильевич разработал рецепт и технологию производства такого известного продукта, как «Вологодское мас-

ло», которое в то время называлось «Парижским». Трудно поверить, что один человек смог проделать такой большой объём научной, технологической, организационной, и общественной работы. В своём фундаментальном труде о Н. В. Верещагине Анатолий Викторович Гутерц написал: «Современники признавали заслуги Николая Викторовича Верещагина в развитии сельского хозяйства, ценили самоотверженность и деятельную любовь к ближнему, но только теперь стал рисоваться подлинный облик большого общественного и государственного деятеля» [3]. Таким образом, во второй половине XIX века на практике было показано, что высококачественный продукт с большой добавленной стоимостью приносит значительно большую прибыль как производителям, так и государству, чем продажа исходного сырья. Еженедельник «Аргументы недели» привели показательный пример из современной действительности в Европе: «Например, в Италии за год надаивают 10,6 млн т молока на 3 млрд долларов. Но просто так не продают: молоко идёт в переработку, в результате получается продукт на 21 млрд долларов. Во Франции удой на сумму 7 млрд долларов превращается в товар на 38 миллиардов» [2]. Мы экспортируем нефть, хотя выгоднее экспортировать продукты нефтехимии. Из года в год мы увеличиваем экспорт зерна, несмотря на то, что экспорт муки приносит гораздо больше прибыли. В апреле прошлого года еженедельник «Аргументы недели» опубликовал интервью директора ВНИИ зерна и продуктов его переработки доктора наук Елены Мелешкиной: «Но кроме муки из зерна в мире путём глубокой переработки получают компоненты, которые идут для производства пластмасс, присадок к авиатопливу (специальные спирты), для фармацевтики, пищевых добавок (белки, жиры, углеводы), заменителей крови.» [7] Сегодня мы видим, что исторические уроки часто игнорируются, и это приводит к большим финансовым потерям для государства и для производителей конкретной продукции. Следующий важный урок, который преподносит нам сквозь столетие Н. В. Верещагин, заключается в том, что если государственные, общественные организации или органы местного самоуправления финансируют освоение и развитие новых технологий,

вкладывают средства в обучение кадров, то эти вложения многократно окупаются. В 1871 году Николай Васильевич добился финансирования и открыл в селе Единоново Тверской губернии молочную школу, которая сыграла важнейшую роль в создании молочной промышленности России. После того как Николай Васильевич организовал в северных губерниях России и Сибири производство масла и сыров, Россия заняла 2-е место в Европе по экспорту масла. Пётр Столыпин писал, что в 1907 году Россия экспортировала масла 3,6 млн пудов на сумму 47,5 млн рублей [1]. Тверская земля показала исторический пример в создании новых продуктов, технологий благодаря финансированию, в том числе, от Тверского земства. Эту традицию мы должны помнить и развивать. Третий урок, который мы видим, изучая историческое наследие Верещагина, заключается в том, что масло и сыры, которые делали Николай Васильевич и его ученики, были высокого качества. Говоря современным языком, экологически чистыми продуктами. Именно такие продукты сейчас востребованы во всём мире. Во многих областях нечернозёмной зоны России, таких как Вологодская, Новгородская, Псковская, Тверская, и других вследствие определённого сокращения посевных площадей образовалось достаточное количество экологически чистых земель. Во всём мире такие земли ценятся очень высоко и представляют собой важное конкурентное преимущество. Дело в том, что в 90-е годы прошлого столетия площадь посевных земель в нашей области значительно сократилась. Экологически чистые сельхозземли во всём мире являются большой ценностью, это важное конкурентное преимущество. На эту особенность Вологодской, Тверской и других областей Нечерноземья стали всё больше обращать внимание учёные-аграрии и эксперты в области продовольствия. Например, в 2018 году на прошлогодней конференции в нашей сельхозакадемии к. б. н. Олег Анатольевич Лёгочкин в своём докладе «Проблемы пчеловодства Тверской области» убедительно доказал, что получаемый на Тверской земле полифлорный мёд по своему микроэлементному составу, содержанию витаминов и экологическим показателям более высокого качества, чем, например, мёд, получаемый в юж-

ных регионах страны [5]. Четвёртый урок, который сквозь века шлёт нам Н. В. Верещагин заключается в том, что Николай Васильевич научил сельских жителей объединяться в артели для совместного производства. В 1866 году в селе Остроковичи Корчевского уезда Тверской губернии создаётся первая артельная сыроварня в России для производства «...лучшей доброты сливочного масла и сыра». Сельские жители получили возможность производить из своего молока сыр и масло, которые дольше хранятся, их можно перевозить на большие расстояния при правильной упаковке и транспортировке, продавать в обеих столицах Российской Империи и в Европе. Для многих крестьян северных губерний России и Сибири участие в артелях стало спасением от бедности. А разве сейчас у сельских жителей, небольших фермерских хозяйств нет проблем с реализацией своей продукции? Объединившись в сельхозкооперативы или создав небольшие совместные производства, сельчанам легче переработать и продать свою продукцию. К тому же им легче наладить производство экологически чистых продуктов, особенно молочных. У авторов статьи всё больше знакомых, которые предпочитают покупать молоко, сметану, творог, сливочное масло и сыр у деревенских жителей, у которых коровы проверены ветеринаром. Качественные продукты – основа здоровья, и люди всё больше обращают внимание на его сохранение. В заключение доклада необходимо отметить следующее. Жизнь и творчество Н. В. Верещагина имеет для нас не только большое научное и историческое значение. Он подарил российскому народу технологии по производству высококачественных продуктов питания, улучшил экономическое положение многих сельских домохозяев, страна стала крупным экспортёром масла и сыра в Европу. Результатом его трудов стало создание в России молочной промышленности, что придаёт Николаю Васильевичу статус выдающегося общественного и государственного деятеля. Имя Верещагина в Советское время в информационном поле не было обозначено. Эта печальная традиция продолжается и сейчас. В Англии даже изобретателю иголки поставили памятник, а у нас крупных учёных и выдающихся общественных деятелей мало знают – это недопустимо [6]. Герои

былых времён, известные общественные деятели государства сплачивают народ и вдохновляют на новые подвиги, дают энергию для преодоления трудностей. В этом плане вызывает уважение деятельность Конаковской администрации по организации и проведению фестиваля «ВерещагинСЫРFFEST». Нам надо шире распространять информацию об этом замечательном человеке. Больше печатать статей о нём в СМИ, делать видеофильмы о его жизненном пути, устраивать конкурсы имени Верещагина и т. п. В прошлом году одному из авторов этого доклада удалось опубликовать большую статью о Н. В. Верещагине в областной газете «Тверские ведомости» [4], но этого слишком мало. Граждане должны знать и гордиться выдающимся подвижником Отечества. **В Англии по поводу и без повода надувают щёки и изображают из себя сверхумную нацию, а у нас многие не знают, кто создал молочную промышленность России.

Список литературы:

1. *Артемьев М.* Мировая маслёнка. Как Россия в прошлом веке стала одним из крупнейших в мире экспортёров сельхозпродукции / www.forbes.ru/forbeslife/336467-mirovaya-maslenka-kak-rossiya-v-proshlom-veke-stala-odnim
2. *Гурдин К.* Российские сырные горки // Аргументы недели. – 20 сентября 2018. – № 37 (630). – С. 7.
3. *Гутерц А. В.* Николай Верещагин. На благо Отечества / А. В. Гутерц. – Вологда: Издательский Дом Вологжанин, 2011. – 376 с.: илл.
4. *Кульматов Л. А.* Откуда сыр и масло в России? – Из Единово, вестимо / Тверские ведомости. – 19–25 сентября 2018. – № 39 (2239). – С. 21.
5. *Лёгочкин О. А.* Проблемы пчеловодства Тверской области / А-18 Инновационное развитие племенного животноводства и кормопроизводства в РФ / Под общ. ред. Сударева Н. П., д. с-х. н., профессора / Сборник издан по материалам IX всероссийской научно-практической конференции, состоявшейся 15–17 мая 2018 года на базе Тверской гос. с-х академии / Тверь: Тверская ГСХА, 2018, – 109 с.
6. *Сударев Н. П.* «Дела артельные». Исторический очерк. // Составитель профессор Сударев Н. П.. – Тверь.: Тверская ГСХА, 2012. – 44 с.
7. *Чуйков А.* Пшеничная аномалия / Аргументы недели. – 5 апреля 2018. – № 13 (606). – С. 3.

АГАФОНОВА А. Б.,

старший преподаватель кафедры социологии и социальных технологий, г. Череповец, Череповецкий государственный университет, a.b.agafonova@gmail.com

Водопроводные сети и пространственная сегрегация Череповца в 1920–1930-х годах¹

Статья посвящена истории развития водопроводной сети города Череповца в 1920–1930-е годы и анализу роли централизованного водоснабжения в выделении благоустроенных и неблагоустроенных городских районов. В исследуемый период наличие централизованного водоснабжения, доступа к чистой питьевой воде являлись признаками благоустроенности города. Как правило, большинство российских городов, имевших водопроводы, обеспечивали подавляющую часть городского населения водопроводной водой через водоразборные будки или краны, поскольку устройство домовых водопроводов было достаточно дорого. В условиях интенсивной урбанизации раннего советского периода расширялось городское пространство как за счёт включения в него прилегающих к городам сёл, так и за счёт застройки ранее пустовавших земель. Рост городов, одним из которых был Череповец, являвшийся значимым транспортным узлом, актуализировал проблему масштабирования городской коммунальной инфраструктуры.

Централизованное водоснабжение в малых и средних российских городах начало появляться на рубеже XIX–XX веков. В Череповце устройство городского водопровода было завершено в 1916 году. Водопровод имел две станции подъёма воды. Вода из реки Шексны самотёком по чугунным трубам поступа-

¹ Работа выполнена при совместной финансовой поддержке РФФИ и Правительства Вологодской области, № гранта 18-49-350002 р_а.

ла в бетонный водоприёмный колодец, откуда при помощи двух электронасосов она подавалась по всасывающим трубам в бак, установленный на первой станции подъёма воды. Производительность электронасосов составляла 4000 вёдер воды в час, а сама станция первого подъёма воды находилась рядом с деревней Борок. Далее вода насосами перекачивалась на станцию второго подъёма, которая находилась в городе на углу Крестовской и Источницкой улиц. Расстояние, которое проходила по трубам водопроводная вода между первой и второй станциями, составляло 1,376 км, в том числе 47 м труб были проложены под рекой Ягорбой [14, л. 13]. На станции второго подъёма вода поступала в резервуар для отстаивания, рассчитанный на 6000 вёдер воды. После отстаивания вода проходила фильтрацию и подавалась в городскую водопроводную сеть [14, л. 13об.]. Сеть водопроводных труб имела кольцевую систему и была проложена по улицам: Крестовская (до водонапорной башни недалеко от Покровской площади), Сергиевская (от пересечения с Дворянской ул. до пересечения с Милютинской ул.), Дворянская, Благовещенская, Воскресенский пр., Покровская и Петровская. Причём сеть труб на последних пяти улицах с севера была ограничена ул. Заводской, а с юга — ул. Сергиевской. Исключение составлял лишь участок сети по ул. Петровской, который доходил на юге до Механического завода и Технического училища. В то же время абонентов водопроводной сети было достаточно мало, а сами трубы служили для подземного соединения пожарных кранов. Даже в середине 1920-х годов к водопроводной сети было подсоединено всего 36 абонентов, в том числе семь жилых домов и остальные 29 составляли промышленные предприятия, госучреждения, больницы, а также станция Череповец северной железной дороги, которая являлась самым крупным потребителем воды из городского водопровода [14, л. 14]. Последнее обстоятельство являлось весомым аргументом для получения средств на ремонт и переустройство водопровода, который с приходом советской власти стал находиться в ведении отдела коммунального городского хозяйства (комгорхоз). В частности, в 1919 году череповецкий комгорхоз, ходатайствуя о получении от ВСНХ

стали для починки водопровода, аргументировал свои нужды государственной значимостью череповецкого водопровода, которая заключалась в снабжении водой всех поездов на участке Бабаево – Вологда Северной железной дороги [11, л. 2].

При незначительности абонентов водопроводной сети и дороговизне устройства домашних водопроводов отпуск водопроводной воды для горожан осуществлялся через пять водоразборных будок. Причем, если в 1910-е годы в будках раздавали воду арестанты [4], то в 1920-е годы – женщины-водораздатчицы. Помещения данных будок были очень тесные и низкие, поэтому работающим в них людям приходилось трудиться в наклон, что негативно сказывалось на их здоровье. Кроме того, помещения будок использовались в качестве жилья для водораздатчиц, которые, как отмечалось в протоколе совещания Экономкомиссии Череповецкого губернского отдела Местного хозяйства от 20 декабря 1925 года, зачастую были не одиноки, а потому в качестве мер по улучшению быта этих работниц, в 1920-е годы планировалось оборудовать помещения перегородками для разграничения жилой и рабочей площади [13, л. 3об.].

К середине 1920-х годов стала ощущаться потребность в расширении водопроводной сети и увеличении мощностей водопроводного оборудования. Это было обусловлено ростом городского населения, численность которого в 1926 году достигла 17,5 тысяч человек и появлением новых городских кварталов на северо-западе и юго-западе Череповца. Если в 1916 году водопроводная сеть охватывала центр и городские окраины, позволяя снабжать водопроводной водой все городское население, то спустя 10 лет существовавшая в неизменном виде с момента своего запуска сеть была не в состоянии обеспечить водой более 17 тыс. горожан, при том, что в год отпускалось 70 000 м³ воды на сумму более 35 000 руб. [15, л. 2об.]. При этом помимо увеличения численности населения выросло и число домовладений с 985 в 1916 году до 1536 – в 1925 г. [14, л. 1]. В данных условиях водопроводное оборудование охватывало лишь центральные кварталы Череповца, тогда как окраины города оставались необеспеченными фильтрованной водой и незащищёнными в противопожар-

ном отношении. Требовалось расширение водопроводной сети на 5 вёрст с установкой дополнительных 3 водоразборных будок и 30 противопожарных колодцев [14, л. 14]. Кроме того, наличие только одного комплекта водопроводных сооружений (отстойник, фильтр, бак водонапорной башни) не позволяло проводить их своевременную покраску, поскольку вело к прекращению водоснабжения города [15, л. 1].

План по расширению череповецкого водопровода разрабатывался Госбюро «Нептун». Он предполагал проведение работ на общую сумму 889 135 рублей, из которых на расширение и усиление городской водопроводной сети первой очереди требовалось 386 225 рублей и до 178 100 рублей – на расширение водопроводной сети второй очереди [16, л. 27]. В 1926 году Череповецкому городскому отделу коммунального хозяйства (горкомхозу) была одобрена восьмипроцентная ссуда из Коммунального банка в размере 30 000 рублей на расширение водопровода. При этом непосредственно в том же году Горкомхоз получил из этих средств 17 939 рублей 72 копейки, которые были израсходованы на приобретение материалов для расширения водопроводной сети [15, л. 4].

Первоочередные работы, проводимые в 1927–1928 годах, предусматривали обеспечение водопроводной водой новых кварталов в юго-западной части города. Планировалось проложить чугунные трубы по улицам: Ленина (бывшая ул. Крестовская) на протяжении 580 м от ул. Загородной до ул. Васильевской; Васильевской на протяжении 210 м от ул. Ленина до ул. Карла Либкнехта (бывшая ул. Сергиевская); Карла Либкнехта на протяжении 570 м от ул. Васильевской до ул. Деревенской Бедноты (бывшая ул. Милютинская); Розы Люксембург (бывший Покровский пер.) на протяжении 235 м от ул. Карла Либкнехта до ул. Заводской; и по Заводской ул. на протяжении 235 м от ул. Розы Люксембург до ул. Андреевской. Общая протяженность новой сети должна была составить 1930 пог. м с расходом на эти работы 43 220 рублей [16, л. 27]. В августе 1927 года была проложена магистраль водопроводных труб по ул. Ленина и Устюженскому тракту от ул. Деревенской Бедноты до Загородной ул.

стоимостью 5059 рублей, а также водопроводные линии по ул. Загородной до ул. Васильевской, по ул. Васильевской до ул. Карла Либкнехта, по ул. Карла Либкнехта от ул. Васильевской до ул. Деревенской Бедноты и от ул. Деревенской Бедноты до ул. Труда (бывшая ул. Петровская) с устройством водоразборной будки на углу ул. Андреевской и Карла Либкнехта общей стоимостью 23 242 рубля 56 копеек [17, л. 18–21]. Второй район прокладки водопроводных труб проходил по ул. Володарского (бывшая ул. Заводская) и Деревенской Бедноты, где должны были разместиться 1 водоразборная будка и четыре пожарных гидранта [17, л. 12–12об.]. Третий район прокладки труб проходил по ул. Карла Маркса (бывшая ул. Северная) от ул. Труда до Пролетарской (бывшая ул. Дворянская) с размещением на данной улице двух пожарных гидрантов [17, л. 12 об. – 13]. Четвертый район прокладки водопроводных труб находился на ул. Коммунистов (бывшая ул. Коржавская) и Детской (бывшая ул. Источницкая), где планировалось установить один пожарный кран [17, л. 13]. Пятый район прокладки труб проходил по ул. Труда от ул. Карла Либкнехта до ул. Механического техникума, где планировалось разместить одну водоразборную будку и три пожарных гидранта [17, л. 13 об.].

В 1930-е годы площадь города продолжала увеличиваться: в городскую черту вошло село Рождество (Рождественское), застраивалась северо-западная часть города. Развитие водопроводной сети шло медленнее, чем разрастались городские окраины, поэтому водоразборные будки становились для жителей новых районов основными источниками чистой воды. Проблема заключалась в значительной удалённости этих будок от окраинных домохозяйств. В конце 1930-х годов горожане добивались проведения водопровода на городские окраины посредством обращений в городской совет и органы местной печати. В частности, в 1937 году жители города, проживавшие на территории бывшего села Рождество, внесли в городской совет предложение о проведении водопровода в свой район. В результате водопроводная линия была проложена от межрайонной больницы по Заводской ул. до пересечения её с Васильевской ул. К концу октября была окон-

чена прокладка водопроводных труб и планировалось скорейшее устройство водоразборной будки около дома медицинских работников [3, л. 4]. Однако спустя два месяца после проведения труб до ул. Профсоюзной и установки водоразборной колонки водоразборной будки установлено не было. Причиной тому, по мнению горожан, было стремление горкомхоза сэкономить и установить старую будку, которой не было в наличии. Между тем, отсутствие будки не позволяло провести воду к колонке и снабжать жителей данного района водой, а потому они вынуждены были ходить за водой к единственному колодцу, располагавшемуся на расстоянии 2 км на лесозаводе, а в случае нехватки колодезной воды – пользоваться снегом [10, л. 4]. Также на юго-западе города район улиц Васильевской и Бородинской оставался обделенным коммунальной инфраструктурой и торговыми заведениями: здесь не было ни водоразборной будки, ни пожарной сигнализации, ни телефона, местами отсутствовало электричество, не было продуктовых лавок [9, л. 4]. Жители района города, который располагался за бойней, также испытывали неудобства от отсутствия городской инфраструктуры: они неоднократно просили у горсовета исправить дороги и мосты, сделать пару артезианских колодцев и устроить пару водоёмов для использования их в противопожарных целях [8, л. 4]. Ещё одним неблагоустроенным районом являлась северо-западная часть Череповца. А. Баулин сетовал, что на Ярославской, Вологодской, Володарской улицах нет не только водоразборных будок, отчего жителям приходится идти за ведром воды за километр на станцию или ещё дальше – к водоразборной будке на ул. Заря Свободы, но также освещения и магазинов [1, л. 4]. В ноябре – декабре 1937 года уже весь город испытывал недостаток водопроводной воды в связи с выходом из строя двигателя электростанции [5, л. 3].

К августу 1938 года небезопасность городских окраин водопроводной водой вызвала у горожан спрос на водовозов, что было зафиксировано в газете «Коммунист». Отмечалось, что 2–3 водовоза смогли бы обеспечить всех нуждающихся жителей окраин качественной водой и освободить их от необходимости ходить за водой на расстояние 1 км и более от дома [7, л. 4]. Между тем,

летом того же года развернулись работы по строительству новых водопроводных линий. К середине сентября была практически завершена прокладка 250-метровой водопроводной магистрали к общежитию фельдшерско-акушерской школы на ул. Дзержинского (бывшая ул. Покровская), в первой половине октября планировалось закончить прокладку водопровода в село Рождество и начать строительство линии к городскому питомнику [6, л. 4].

В ноябре 1938 года газета «Коммунист» констатировала: «совершенно неудовлетворительно постановлено в городе и водоснабжение. Водоразборных будок мало. Есть районы города, где жителям приходится ходить за водой за полтора-два квартала. Водоразборные будки работают как раз в те часы, когда рабочие и служащие заняты на работе, в результате каждый день сотни людей в городе остаются без воды» [2]. Кроме того, отмечалось, что в последнее время водопровод стал давать такую воду, что смотреть на неё неприятно – до того она грязная и мутная [2].

Новое переустройство городского водопровода было связано со строительством Рыбинского гидроузла и повышением уровня воды в реках Шексне и Ягорбе до отметки 102 м, что обусловило затопление части водопроводных сооружений. В частности, затоплению подверглись: самотечная линия водозабора и оголовок на отметке 91 м, береговой колодец на отметке 92 м, насосная станция первого подъёма воды на отметке 99 м, шахта насосной станции на отметке 92 м, напорная линия городского водопровода и двойной ряд труб, соединяющий станции первого и второго водоподъёмов протяжённостью 1570 пог. м, дюкер через реку Ягорбу на отметке 92 м, насосная станция второго подъёма на отметке 103 м и бассейн чистой воды на отметке 100 м [12, л. 17]. Соответственно, всё оборудование, обеспечивавшее забор воды из реки, её хранение и перекачивание в городскую водопроводную сеть, оказывалось под водой. Поэтому городской отдел коммунального хозяйства вынужден был перенести все сооружения нового городского водопровода выше по течению реки Шексны на расстояние 2,5 км [12, л. 17].

Таким образом, в 1920 – 1930-е годы расширение водопроводной сети являлось одной из главных проблем городского хо-

зяйства. Темпы пространственного развития города опережали возможности роста данной сети, в связи с чем доступ к водопроводной воде выступал своего рода маркером благоустроенности городских районов. В соответствии с этим разделением, в Череповце выделялся благоустроенный исторический центр города, жители которого снабжались фильтрованной водой, и неблагоустроенные городские окраины, у которых был ограничен доступ к данному ресурсу. Данное обстоятельство оказывало существенное влияние на качество жизни и социальное самочувствие горожан.

Список литературы:

1. Баулин А. На окраинных улицах города // Коммунист. – 1937. – № 273.
2. Больше заботы о бытовых нуждах трудящихся // Коммунист. – 1938. – № 266. – № 1.
3. Водопровод на окраину // Коммунист. – 1937. – № 248.
4. История водопроводно-канализационного хозяйства. URL: <https://wodoswet.ru/o-predpriyatii/istoriya/> Дата обращения: 08.12.2018.
5. На электростанции неблагополучно // Коммунист. – 1937. – № 299.
6. Новые водопроводно-канализационные трубы // Коммунист. – 1938. – № 212.
7. Оматов К. Окраинам города нужны водовозы // Коммунист. – 1938. – № 174.
8. Петухов М. Забытая часть города // Коммунист. – 1938. – № 203.
9. Петухов М. Забытый район // Коммунист. – 1938. – № 31.
10. Челноков. Водопровод есть, нет только воды... // Коммунист. – 1937. – № 296.
11. ЧЦХД. Ф. 696. Оп. 1. Д. 4а. Письма о ремонте водопровода.
12. ЧЦХД. Ф. 697. Оп. 1. Д. 44. Отчёты Череповецкого горкомхоза о благоустройстве города и списки граждан-переселенцев из затопленной зоны в г. Череповец.
13. ЧЦХД. Ф. 702. Оп. 1. Д. 1. Протоколы заседаний экономической комиссии Череповецкого губернского отдела местного хозяйства и городского отдела коммунального хозяйства.
14. ЧЦХД. Ф. 702. Оп. 1. Д. 4. Сметы, пояснительная записка к сметам по расширению водопровода в г. Череповец.

15. ЧЦХД. Ф. 702. Оп. 1. Д. 6. Объяснительная записка к годовому отчёту предприятий Череповецкого городского отдела коммунального хозяйства за 1925–1926 г.

16. ЧЦХД. Ф. 702. Оп. 1. Д. 19. Проекты и планы переустройства водопровода в г. Череповце.

17. ЧЦХД. Ф. 702. Оп. 1. Д. 20. Сметы расходов на расширение водопроводной сети г. Череповца в 1927–1929 гг.

НОВИКОВ А. Е.,
кандидат филологических наук, доцент кафедры
социальных коммуникаций и медиа, зам. директора
Гуманитарного института ЧГУ по научной работе,
г. Череповец

Образ художника в романе Т. Драйзера «Гений»

Теодор Драйзер – известный американский писатель и общественный деятель, в серии романов которого («Сестра Кэрри», 1900, «Финансист», 1912, «Титан», 1914, «Американская трагедия», 1925 и др.) нашла отражение жизнь американского общества первой трети XX столетия. Особое место в творчестве писателя занимает роман «Гений» (1915), в котором рассказывается о драматической судьбе американского художника, который проходит путь от разносчика белья до блестящего иллюстратора и признанного художника-реалиста, испытывает взлеты и падения и снова находит в себе силы вернуться к творчеству [1].

Юджин Витла – главный герой произведения – личность сложная, неоднозначная. Он необычайно целеустремленный человек, готовый трудиться не покладая рук для достижения поставленной цели; стремится к славе, к успеху, мечтает стать не просто художником, а таким, «чтобы его имя зазвучало <...> подобно имени Доре во Франции или Верещагина в России» [2]. В то же время Ю. Витла старается избавиться от постоянной нужды, прийти к материальному благополучию, обеспеченному существованию, дающему возможность спокойно заниматься живописью; в своих взглядах колеблется между атеизмом и христианством; глубоко осознаёт противоречия жизни американского общества, которые он прежде всего испытывает на собственном простом опыте.

Ещё одна существенная черта главного героя романа Т. Драйзера. Ю. Витла – увлекающийся, неравнодушный к женской красоте молодой человек, весьма вольно относящийся к семейным

ценностям. Описание его многочисленных любовных увлечений занимает значительное место в произведении [3], [4]. Это приводит к драматическому развитию его личной судьбы (женившись на Анджеле Блю, он не отказывается от других любовных связей; в конце концов Анджела погибает во время родов, а Юджин остаётся с дочерью, названной в её память тоже Анджелой) и к тому, что «Нью-Йоркское общество борьбы с пороком» запретило распространение «Гения», как «богохульного и непристойного» произведения (обнаружив в нём «17 “богохульных” и 75 “непристойных” мест» [5]).

Интересным является вопрос о прототипе главного героя романа. В нём нашли отражение и некоторые черты и биографические реалии самого автора. Поэтому можно говорить об автобиографизме этого произведения (в связи с чем «Гений» даже называют «полуавтобиографическим романом» [6]). В то же время некоторые исследователи указывают на то, что в образе Ю. Витлы отразились и особенности личности и творчества американского художника Эверетта Шинна (1876–1953), одного из участников школы Мусорных вёдер, который иногда выставлялся с участниками группы «Восемь» [7] и так же, как и Ю. Витла, изображал в некоторых своих произведениях современную ему городскую жизнь.

Несомненное влияние на становление Ю. Витлы как художника оказала живопись В. В. Верещагина, на выставке картин которого ему удалось однажды побывать (Верещагин, как известно, побывал в США в 1902 г.). Юджин был «потрясён великолепной передачей деталей боя, изумительными красками, правдивостью образов, ощущением трагизма, мощи, опасности, ужаса и страданий, которое исходило от этих полотен. Они свидетельствовали о зрелости и глубине таланта русского художника, об исключительном богатстве его воображения и темпераменте. Юджин смотрел и думал о том, как достигнуть такого совершенства. И в течение всей дальнейшей жизни имя Верещагина было для него величайшим стимулом. Если быть художником, то только таким» [8].

Примечательно, что Драйзер избрал именно творчество Верещагина в качестве образца, которому следовал Витла. Драй-

зер, безусловно, был хорошо знаком с творчеством Верещагина, так как картины его экспонировались на Чикагской всемирной выставке, а также в ряде других городов США. Поиски художником путей правдивого изображения предметного мира в условиях естественной световоздушной среды не могли не привлечь внимания писателя.

Во многом под влиянием творчества В. В. Верещагина Ю. Витла стремится стать художником-реалистом, и не случайно в дальнейшем лучшие его произведения привлекают внимание подлинных ценителей искусства своей выразительностью, своей правдивостью. Так, например, знакомясь в мастерской художника с его произведениями, известный знаток живописи, управляющий американским отделением известной фирмы «Кельнер и сын» Анатоль Шарль приходит в восторг. «Перебирая в памяти многочисленные произведения искусства, – пишет Т. Драйзер, – он вынужден был признаться, что не может вспомнить ничего подобного» [9].

«Красные и зелёные пятна, резкие и грубые, грязно-серый тон булыжника и эти лица! – продолжает автор далее. – Картина в полном смысле слова кричала о фактах. Она, казалось, говорила: «Да, я – грязь, я – будни, я – нужда, я – неприкрашенная нищета, но я – жизнь!» Тут не было ни малейшей попытки что-либо оправдать, что-либо сгладить. С грохотом, скрежетом, оглушительным треском сыпались факты, один за другим, вопя с жестокой, звериной настойчивостью: «Это так! Это так!» <...> «Слава богу, наконец-то он послал нам реалиста», – мысленно сказал себе мосье Шарль, разглядывая полотно, так как он знал жизнь, этот холодный знаток искусства» [10]...

Стоит отметить, что Т. Драйзер считал «Гения» своим лучшим романом. Объясняется это многими причинами, но прежде всего, на наш взгляд, тем, что в романе мастерски был передан процесс художественного творчества.

Действительно, читая этот роман, мы глубже понимаем всю сложность и противоречивость процесса художественного творчества, лучше представляем внутренний мир художника-творца, проникаем в непростую «кухню» его творческой деятельности...

Список литературы:

1. *Засурский Я. Н.* Роман о художнике // Засурский Я. Н. Теодор Драйзер. – Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1977. – URL: <http://american-lit.niv.ru/american-lit/zasurskij-drajzer/index.htm> Дата обращения: 10.10.2020.
2. *Драйзер Т.* Собрание сочинений: В 12 т. – Т. 6. – Москва: Правда, 1986. – С. 110.
3. *Драйзер Т.* Собрание сочинений: В 12 т. – Т. 6. – Москва: Правда, 1986. – 448 с.
4. *Драйзер Т.* Собрание сочинений: В 12 т. – Т. 7. – Москва: Правда, 1986. – 416 с.
5. Там же. – С. 412.
6. «Гений» (роман). - URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%93%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B9_\(%D1%80%D0%BE%D0%BC%D0%B0%D0%BD\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%93%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B9_(%D1%80%D0%BE%D0%BC%D0%B0%D0%BD)) Дата обращения: 13.10.2020.
7. URL: https://www.liveinternet.ru/users/lara_rimmer/post430031489/ Дата обращения: 13.10.2020.
8. *Драйзер Т.* Собрание сочинений: В 12 т. – Т. 6. – Москва: Правда, 1986. – С. 54.
9. Там же. – С. 258.
10. Там же. – С. 258 – 259.

Дореволюционная театральная жизнь в Вологодской губернии: освещение в прессе

Историография изучения освещения в прессе Вологодского театра достаточно немногочисленна, чаще всего данную тему затрагивают частично при общем описании Вологодского театра, история которого изучена также в достаточно скромной степени. К примеру, в книге «Вологда в минувшем тысячелетии. Очерки истории города»¹ есть глава, посвящённая истории театра, в которой авторы кратко приводят информацию, напечатанную в газетах, посвящённую определённому ключевому событию в жизни театра Вологодской губернии.

Во второй половине XIX века главной и долгое время единственной газетой, в которой размещалась информация о театре, были еженедельные «Вологодские губернские ведомости». Данная газета выходила в двух частях: первая часть наименовалась официальной и была посвящена публикации законов, указов, постановлений правительства и местных властей. Вторая часть наименовалась неофициальной и была посвящена размещению разнообразных материалов о жизни губернии.

Исходя из исторической литературы: первый общественный театр Вологодской губернии возник в Вологде в 90-е годы XVIII века. Однако долгое время главной проблемой для него было отсутствие специализированного здания. Несмотря на популярность подобного досуга у жителей Вологды из-за проблем с местом проведения спектаклей театр часто переезжал, а порою и вовсе закрывался. Ситуация изменилась только в 1849 году с постройкой первого специализированного театра, иници-

¹ Вологда в минувшем тысячелетии: очерки истории города / Гл. ред. Ю. К. Некрасов. – 2 е изд. – Вологда, 2006.

рованного Борисом Соловьёвым. Данное событие описывалось заметкой в неофициальной части Вологодских губернских ведомостей – первой газете, выходившей на территории Вологодской губернии. В № 45 от 5 ноября 1849 года². В заметке говорится о проведении в день открытия театра (1 ноября) двух спектаклей, которые собрали полный зал зрителей.

К 1859 году в Вологде отмечался спад интереса публики к театру, это отмечает Николай Буняков в своей статье «Театральные заметки», выходившей в неофициальной части Вологодских губернских ведомостей, № 49 от 5 декабря 1859 года³. Причиной подобного спада Николай Буняков считает прекращение конкуренции между двумя примадоннами вологодского театра: Гумилёвской и Дмитриевой в связи с отъездом последней. В 1859 году здание театра сгорело.

В 1863 году было построено новое здание театра строителем и домовладельцем А. В. Сорокиным. В заметке, выходившей в неофициальной части Вологодских губернских ведомостей, № 44 от 2 ноября 1863 года⁴, говорилось о том, что публику поразила скорость, с которой был возведён театр. Отмечался также «странный» выбор пьес для первых спектаклей: «устарелые водевили с фарсом и переодеваниями», которые, по словам автора заметки Энкова, только «охладили радость публики».

В апреле 1874 года антрепренер вологодского театра, итальянец Паскуаль Францевич Рамес обратился в городскую управу с ходатайством об отводе участка земли для постройки нового деревянного театра. 19 января 1875 года здание театра было построено. Данное событие описывалось заметкой в неофициальной части Вологодских губернских ведомостей, № 7 от 20 января 1875 года⁵. В заметке отмечалось удобство театра, его размер и красочность внутреннего убранства. Говорилось о том, что так как на данный момент в Вологде нет ни одной театральной труппы

² Вологодские губернские ведомости, № 45 от 05.11.1849.

³ Вологодские губернские ведомости, № 49 от 05.12.1859.

⁴ Вологодские губернские ведомости, № 44 от 02.11.1863.

⁵ Вологодские губернские ведомости, № 7 от 20.01.1875.

пы, открытие театра выпало на долю любителей. В день открытия были сыграны две постановки: комедия «Тяжелые дни» и водевиль «Беззаботная». Так же отмечалось, что в день открытия в театре не было ни одного свободного места. На момент 1875 года в Вологде было два театра, что негативно сказывалось на продажах билетов и абонементов. Паскуаль Рамес, разорившись, уехал в Ярославль. После его отъезда театр перешел в руки вологодского помещика А. П. Набалова. В январе 1897 года Набалов умер, и здание перешло в управление города.

В первой декаде XX века театральная жизнь Вологодской губернии освещалась прежде всего в таких газетах, как «Русский Север», «Вологодская жизнь» и «Вологодский листок».

Общественно-политическая газета «Русский Север» выходила ежедневно, кроме послепраздничных дней. Печаталась в типографии губернского правления в Вологде. Первый номер вышел 11 сентября 1907 года, последний – 29 августа 1910 года. Всего вышло 812 номеров. Стоимость строки объявления мелким шрифтом на 4-й странице составляла 10 копеек, на 1-й – вдвое дороже. В газете печатались телеграммы из разных частей света о событиях, аналитические и критические статьи, освещались местные политические события, вопросы городского благоустройства. Печатались письма в редакцию, хроника происшествий, объявления. В газете выходит раздел театральная хроника, данный раздел посвящён обзору театральных постановок. Раздел театральная хроника выходил 4–5 раз в неделю на 4-й (последней) странице газеты и занимал одну или две колонки из четырёх. Уникальность данного раздела заключается в систематическом обозрении театральных постановок в достаточно релевантные сроки, разница между постановкой и её описанием составляла примерно две недели. В театральная хроника рассказывалось сразу о нескольких прошедших постановках, указывался их жанр, количество действий, автор, актёрский состав и краткое содержание. В конце описания постановки говорилось о смысле и идее постановки, также давалась краткая рецензия на неё автором хроники.

В общественно-политической, литературной и экономической газете «Вологодская жизнь», выходившей в 1908–1909 го-

дах ежедневно, кроме послепраздничных дней, печатались статьи по различным вопросам, события, происходившие в Российской империи и за границей, обзоры русской и иностранной прессы, объявления. Также в газете выходила отдельная рубрика, посвящённая театру, под заголовком «Театр и искусство». Рубрика выходила практически каждый выпуск газеты. Данная рубрика представляет собой достаточно объёмную рецензию одной из постановок вологодской труппы. В данной рецензии автором разбирались игра актёров, режиссура, рассказывались общие впечатления о постановке. Иногда в достаточно резкой форме автор мог критиковать отдельные элементы постановки. Зачастую содержание данной рубрики носило критический характер.

Отдельной была рубрика театральной хроники, в которой кратко описывались идущие в тот момент или недавно прошедшие в вологодском театре постановки. Данный раздел по своему содержанию больше был похож на афишу.

«Вологодский листок» – одна из самых популярных газет Вологодской губернии дореволюционного времени. Газета издавалась с 1909 по 1918 год. С 1909 по 1911 год – под названием «Вологодский справочный листок». Основное упоминание театра в данной газете – это реклама на первой странице, она располагается в верхней части первой страницы газеты, самой читаемой и самой дорогой для размещения. Также на 4-й странице газеты в рубрике «Развлечения» присутствует афиша проводимых постановок.

С началом XX века количество газет в Вологодской губернии увеличилось. Если до конца XIX века театральная жизнь в прессе освещалась исключительно в Вологодских губернских ведомостях, то с увеличением количества газет во всех ежедневных и еженедельных информационно-развлекательных газетах появился раздел, посвящённый театру. Это мог быть небольшой раздел с аннотациями постановок или более крупный раздел с полноценными обзорами. Так же активно проводилась реклама постановок. Она, как правило, размещалась на первых страницах газет, что свидетельствует о популярности и рентабельности данного вида времяпрепровождения среди населения Вологды.

К данному выводу можно прийти, проанализировав основные периодические информационно-развлекательные газеты дореволюционного времени.

Таким образом, к 1910 году наблюдается конкуренция в размещении рекламы и освещении в газетах между театром и электротeatром (кинотеатром). В разделах, которые раньше описывали театральные постановки, постепенно появляются рецензии и аннотации постановок электротeatра. Также реклама постановок электротeatра в газетах начинает соседствовать с рекламой постановок театра.

Список литературы:

Вологда в минувшем тысячелетии: очерки истории города / Гл. ред. Ю. К. Некрасов. – 2 е изд. – Вологда, 2006.

Вологда в минувшем тысячелетии: человек в истории города / Гл. ред. Ю. К. Некрасов. – Вологда, 2007.

Вологодские губернские ведомости, № 45 от 05.11.1849.

Вологодские губернские ведомости, № 49 от 05.12.1859.

Вологодские губернские ведомости, № 44 от 02.11.1863.

Вологодские губернские ведомости, № 7 от 20.01.1875.

Архив газеты «Русский Север», 1907–1910.

Архив газеты «Вологодская жизнь», 1908–1909.

Архив газеты «Вологодский листок», 1909–1911г.

УХОВ А. Е.,

г. Вологда

Гуманизм братьев Верещагиных: два пути, одна цель

Несмотря на разные стези, два брата, которые после окончания Морского кадетского корпуса почти не виделись, придерживались одной цели – сделать жизнь простого человека труда, крестьянина лучше. Оба понимали, что без этого возвышение России невозможно. Обоих сближает один и тот же характер: прямой, смелый и решительный, не терпящий обмана и лжи.

Начальное образование, как и водится, оба получили в дворянских семьях, домашнее. Уже шести лет, по воспоминаниям Василия Васильевича, он «бойко» читал и писал, «недурно» считал. Можно отметить, что если младший брат Василий был более склонен к арифметике и немецкому языку, которым обоих братьев обучал немец А. А. Штурм, Николай занимался более с сыном приходского священника «закону божьему, истории и географии»¹. Среди воспоминаний Василия есть такое: «Ничего не знаю ужаснее шуток и насмешек старших над младшими; мне они надолго западали в душу, и, всячески стараясь уяснить их себе, я всегда приходил к невыгодному для себя заключению, находил насмешку заслуженною, что ещё более увеличивало мою природную робость и застенчивость»². При этом застенчивость, характерную для творческих людей, Василий сохранил на долгие годы. Например, уже известным художником на выставке в Вене в 1881 году, по словам его брата Александра, «Его тот час же узнавали, как он ни прятал свою длинную чёрную бороду за воротник пальто, и показывали чуть не пальцами... А брат ужасно не любил, чтобы на него обращали внимание»³.

¹ Верещагин В. В. Повести. Очерки. Воспоминания. – М.: Советская Россия, 1990. – С. 187.

² Там же. – С. 187.

О гуманистическом, антиристократическом характере Василия говорят, например, описанные им с необычайной теплотой эпизоды его детства, проведенные с его любимой няней Анной Ларионовной Потайкиной, простой крестьянкой, в походах в лес по грибы и ягоды. О новом, демократическом, отношении к людям «третьего сословия», крестьянам, указывает его собственное признание: «любил её так, что уж, кажется, привязанность не может идти далее»⁴.

Попав в Морской кадетский корпус, Николай «вначале учился плохо, но однажды, во время летней практики на корабле, познакомился с лейтенантом Василием Карловичем Кошкулем, человеком высоких душевных качеств, и “подпал под его благотворное влияние, сделавшее то, что розги не могли сделать”»⁵.

Сближает обоих братьев нежелание карьеры военного, бессмысленной муштры и жизни по расписанию, препятствующей любому проявлению творчества, а значит – свободы. Оба брата поняли ошибочность предопределенного им отцом пути и оба бросили службу почти одновременно: в 1858 году Василий, через месяц Николай – дослужившись до звания мичмана. Интересна и судьба, благоволившая к обоим братьям: Василий стал всемирно известным живописцем, второй – столь же всемирно известным маслоделом.

О благородстве характеров обоих братьев свидетельствуют письма родителям в Череповец, отправленные из-за границы в марте 1865 года, после их единственной кратковременной встречи. Каждый из них стремился выгородить другого и просил помощи не для себя, а для брата: «Дорогие мои родители, я теперь в вашей денежной помощи нуждаться не буду, поэтому прошу денег мне больше не присылать, а Васе денег не жалейте, его

³ Верещагин А. В. Воспоминания. 1895. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://az.lib.ru/w/wereshagin_a_w/wereshagin_a_w-text_1895_za_granitzey_oldorfo.fb2.zip

⁴ Верещагин В. В. Повести. Очерки. Воспоминания. – С. 188.

⁵ Гутерц А. Николай Верещагин. На благо Отечества. – Вологда: Вологжанин, 2011. – 375 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.booksite.ru/butter/article34.htm>

учение связано с разъездами. Сколько намерены ему посылать, добавьте и ту сумму, которую хотели переводить мне в Женеву. Вася достоин всяческой поддержки. Я думаю, что не за горами то время, когда он удивит своими работами не только вас, любящих его родителей, но и широкую публику. Новый свой адрес, надеюсь, он вам не замедлит сообщить»⁶.

Обоим братьям, как настоящим патриотам России, была небезразлична судьба крестьян и сельского хозяйства. Так, Николай Васильевич пытался на практике помочь крестьянскому хозяйству, брошенному на выживание в горнило рыночной экономики. Он показал, как можно сделать его прибыльным предприятием даже в условиях рискованного земледелия, тем самым подняв уровень жизни крестьян.

Его младшего брата, Василия Верещагина, несмотря на его оторванность от родины, по-видимому, не отпускали мысли о происходящих общественно-политических процессах. Это видно из раннего письма родителям на родину, на которой он так и не побывал: «Желаю вам с мамой долгих лет жизни. Ты, папа, не сердь и не зли мужиков, чтобы тебе от них худо не было (выделено мной – А. У.). А Николаю денег обязательно посылай. Ах, он и умница! Пишу где-то между Линцем и Веной. Дальше на пароходе спущусь по Дунаю до самого Чёрного моря»⁷.

О размышлениях о судьбе России говорит и сон, который приснился ему незадолго до рокового подрыва «Петропавловска» на вражеской mine в 1904 году. «На «Гилякъ» всё было спокойно, темно, только прожекторъ далеко освѣщаль море. Мнѣ предоставили диванъ, на которомъ я весьма тяжело и тревожно заснулъ, – представилось, что я у Льва Толстого, комнаты, которая совсѣмъ похожи на наши, и ихъ почему-то нужно разорить; я глухо заплакалъ, но, кажется, никто этого не слышалъ. Скоро адъютантъ великаго князя разбудилъ меня...» (Посмертныя письма В. В. Ве-

⁶ Гутерц А. Николай Верещагин. На благо Отечества. – Вологда: Вологжанин, 2011. – 375 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.booksite.ru/butter/article34.htm>

⁷ Цит по: Гутерц А. Николай Верещагин. На благо Отечества.

решагина // Иллюстрированная летопись русско-японской войны. Выпуск третий. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://az.lib.ru/w/wereshagin_w_w/wereshagin_w_w-text_1904_posmertnya_pisma_oldorfo.fb2.zip). Василий Васильевич получил интуицию насчёт грядущих событий первой русской революции. Этот сон сбылся менее чем через год, когда страдающие от малоземелья крестьяне громили барские усадьбы, перераспределяя земли «по справедливости». Изменялась эпоха, место старого, аристократического, уничижительного мировоззрения ушло, и это чувствовали и понимали оба брата.

Таким образом, в биографиях двух выдающихся общественных деятелей, Василия Васильевича и Николая Васильевича, таких разных судьбах и одновременно таких сходных в стремлении помочь простому человеку, мы находим мудрость, так недостающую и современным российским властям, уделяющим так много внимания величию России и так мало внимания нуждам обыкновенных людей.

Список литературы:

Верещагин А. В. Воспоминания. 1895. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://az.lib.ru/w/wereshagin_a_w/wereshagin_a_w-text_1895_zagranitzey_oldorfo.fb2.zip

Верещагин В. В. Повести. Очерки. Воспоминания. – М.: Советская Россия, 1990. – 352 с.

Гутерц А. Николай Верещагин. На благо Отечества. – Вологда: Вологжанин, 2011. – 375 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.booksite.ru/butter/article34.htm>

Лебедев А. К. Художники судьбы народа. – М.: Изобразительное искусство, 1983. – 289 с.

Посмертные письма В. В. Верещагина // Иллюстрированная летопись русско-японской войны. Выпуск третий. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://az.lib.ru/w/wereshagin_w_w/wereshagin_w_w-text_1904_posmertnya_pisma_oldorfo.fb2.zip

АНТОНОВА З. В.,
г. Череповец

**Театральное звучание городской жизни:
Лондон, Москва, Череповец
(на материале 1860–1900-х годов)**

Черепане – те же англичане, только...

К середине XIX столетия численность населения Череповца достигла отметки 3300 жителей. В это время в городе находилось около 500 домов, 6 церквей и 30 лавок. Были построены гавань, верфь, ремонтный док, механический судостроительный завод, открылись общественный банк, больница, музей, сельскохозяйственная школа, техническое училище, реальное училище, женская гимназия, учительская семинария, городское трехклассное училище, женское профессиональное училище, городская библиотека. Это стало залогом роста населения. В результате в 1884 году в нашем городе проживало уже 5673 жителя, среди них: 102 лица духовного звания, 543 дворянина и чиновника, 160 купцов. Всего же лиц привилегированных сословий насчитывалось около тысячи. Остальное население составляли мещане и крестьяне, большинство из них были неграмотными.

Наличие в Череповце образовательных учреждений и промышленных предприятий ставило его в статус города. Ему приходилось решать многие проблемы других более крупных городов. Одна из таких проблем – культурный досуг черепан. Горожане могли пойти в городскую библиотеку, музей, в клубы, сходить в гости, походить по общественному саду, помузицировать в оркестре, поучаствовать в работе научно-литературного кружка. И, наконец, в городе появился собственный театр, сначала в статусе музыкально-драматического кружка [12].

Несмотря на кажущуюся абсурдность, есть несколько причин сравнивать город Череповец с Лондоном. Одна из них – однои-

менное с британской столицей название гостиницы «Лондон», существовавшей в центральной части нашего города, на месте которой позже появилось женское профессиональное училище [12]. Сама гостиница не пользовалась безупречной репутацией, но название было проявлением интереса у черепан к Англии и англичанам. В домах дворян имелись книги на английском языке, особенно популярной была учебная литература для детей. В целом российское общество с интересом наблюдало за развитием культуры в Великобритании. Об этом говорят литературные журналы, такие как «Нива», иллюстрированный журнал литературы, политики и современной жизни, публиковавшие переводы лучших английских литературных новинок. Публиковалась переведенная с английского языка литература, в том числе и драматургические произведения. Английский театр XIX века переживал расцвет. Ему, наряду с английской литературой, приходилось решать проблему приобщения широкого зрителя к драматическому искусству, стараясь сохранять мелодраматические тенденции как доступные для понимания новых зрителей. В Череповце как в растущем городе тоже стоял вопрос воспитания новой демократической театральной публики.

Целью данного исследования является сравнение сохранившихся материалов по деятельности череповецкого театра с имеющейся литературой по театральной жизни Москвы и Лондона (как столиц, задававших тенденции в театральной жизни). Сравнение со столичными театрами может быть результативным по нескольким причинам: а) о столичной театральной жизни сохранилось больше материалов, свидетельств, написано больше литературы, тогда как данных о постановках в маленьких городах часто не сохранилось; б) при сравнении театров разных стран (в данном случае Россия и Великобритания) можно сделать выводы о преобладании либо общеевропейских тенденций, либо о преобладании национальной специфики.

Задача – найти точки соприкосновения театральной жизни столиц и Череповца.

В Лондоне при населении в 1 млн человек на 1800 год и стремительном его увеличении до 6,7 млн человек в 1900 году

в XIX веке работали 6 театров, которые продолжают работать и по сей день: Палас-театр, Театр на Трафальгарской площади, театр «Водевиль», театр Адельфи, Ковент Гарден, Друри-лейн. Однако согласно Лицензионному Акту только двум из этих театров разрешалось представлять пьесы в Лондоне зимой – театру Друри-лейн и Ковент Гарден [17]. На сегодняшний день количество разнообразных театров Лондона составляет число свыше 200. В середине XIX века в Москве проживало приблизительно 400 000 человек, при этом театров насчитывалось не менее 3. На данный момент в Москве свыше 170 театров [7].

В 60-е годы XIX столетия в Череповце был образован музыкально-драматический кружок. Финансовую и техническую помощь ему оказывали общественные собрания (клубы). Объединяя представителей интеллигенции, купечества, дворянства и чиновников, они ставили своей целью развитие культуры в городе. Спектакли чаще всего проходили в домашних салонах и в Соляном городке, в здании Второго общественного собрания. Большую площадь в этом клубе занимали буфеты с «горячительными» напитками, карточные столы, бильярд. Реквизит актёры приносили из дома. Костюмы брали напрокат. Декорации создавались коллективно. Основу репертуара составляли водевили, шутки и комедии – те же самые, что и в столичных театрах России и Европы [1].

До 1900 года были поставлены комедия-шутка в трёх действиях «Маленькая война» И. И. Мясницкого, водевиль-шутка «Жилец с тромбоном» Л.-Ф. Клервиля и П.-А. Ламбера-Тибу, комедия в одном действии «Ирэн» Т. Л. Щепкиной-Куперник, комедия «Перекаати-поле» – картины из современной жизни в четырёх действиях П. П. Гнедича, шутка с пением и танцами в одном действии «Дайте мне старуху!» В. И. Савинова. Обычно после спектаклей устраивались танцы, а в антракте играл оркестр. Данный репертуар вполне сопоставим с репертуаром лондонского театра «Водевиль», открытого в 1870 году, ставившего французские и английские комедии [1].

Помимо развлекательного репертуара интерес зрителей вызывали классические произведения, связанные с историей страны.

25 апреля 1899 в Череповце шла драма Пушкина в шести действиях «Борис Годунов» [1] – по содержанию и значению для наций это ближе к шекспировскому репертуару главного драматического театра Лондона «Друри-лейн», открытого в 1663 году [17].

На примере Череповецкого театра можно увидеть проблемы и тенденции, с которыми сталкивались более крупные театры.

1) Любительский или профессиональный?

Череповецкий театр начинался как любительский музыкально-драматический кружок, оформившийся в 1867 году. Выделились и лучшие актёры: обожаемый всеми, неподкупный и справедливый прокурор Н. В. Кудревич, талантливый человек, получавший приглашения в разные театры, в том числе и в Александринский; адвокат А. В. Крылов; юрист Б. Н. Цветков; преподаватель женской гимназии З. А. Талызина, в девичестве Разживина, очень талантливая и имевшая приглашения в Новгородский театр и в Александринку; череповецкий миллионер Мостофин и его дочери Ольга, Лиза и Зоя, а также дантист А. С. Сегал и посвятивший свою жизнь театру П. В. Калашников. Последний был организатором и руководителем любительских театров при лесопильне, в клубах водников и железнодорожников. Чуть позднее он организовал студию при театре. Более того, Петр Васильевич был единственным в Череповце уполномоченным по охране авторских прав. В спектаклях также принимали участие надворный советник Г. Ф. Цветаев, крестьянин А. В. Черняев, врач Ф. Г. Берков, попадьё В. Н. Хильгова, регент хора В. Н. Егоров, дирижер училища И. П. Александров, преподавательница музыки С. А. Александрова, жена надворного советника А. И. Озерцова, акцизная чиновница Колосова, сын губернского секретаря П. Ф. Исаин, Рубинштейн, А. П. Мигаловская, княгиня С. В. Тенишева и другие [1].

В качестве оркестра для музыкального сопровождения спектаклей, антрактов и танцев участвовали учителя музыки и любители-музыканты со своими инструментами. В случае Череповца любительский не означал плохой. Люди в свободное время готовы были тратить время и деньги для организации спектаклей. Это давало возможность самореализоваться и пообщаться с ин-

тересными людьми, решая проблему свободного времени для артистов.

Любительские театральные представления устраивали у себя многие писатели, художники, аристократы в России [11; 13] и Европы [17].

Для примера можно упомянуть любительский театр Чарльза Диккенса, который ездил на гастроли и выступал перед королевой [15]. Членами театра были родные, друзья и коллеги писателя. Диккенсовские любительские спектакли можно разделить на два основных периода. В первый (1845–1851) вошли постановки старых классических пьес: «*Всяк в своём нраве*» Бена Джонсона и «*Виндзорские насмешницы*» Шекспира, а также одна костюмная пьеса Литтона; каждое представление сопровождалось обычно коротким водевилем, в котором Диккенс мог потряхнуть стариной – временами Мэтьюза и Сэма Уэллера. Женская половина семьи тоже участвовала в домашних спектаклях – даже у жены Диккенса, Кэтрин и её сестры Джорджины были небольшие роли. Декорациями для спектаклей служили Рокингемский замок – Rockingham Castle или замок Небворт-Knebworth House, принадлежащий Эдварду Бульвер-Литтону. В гастрольные поездки по ряду причин, в том числе и морального плана, на женские роли приглашались профессиональные актрисы. В конце пятидесятых годов театральная деятельность Диккенса возобновилась. Были поставлены две новые мелодрамы, в которых он сам играл, – «*Маяк*», написанная в 1855 году и «*Замёрзшая пучина*» или, как её ещё называли на русском, «*Замерзшая глубина*», написанные Уилки Коллинзом и Чарльзом Диккенсом в 1857 году в разной степени соавторства. Уилки Коллинз, автор указанных выше пьес, соавтор Чарльза Диккенса, его соратник по литературным журналам, компаньон по путешествиям и даже родственник после брака его брата и дочери Диккенса, в детстве имел богатый опыт участия в любительских постановках в родительском доме, о чём рассказал в своей книге, посвящённой памяти отца – *The Memoirs of the Life of William Collins, Esq., R.A., 1848*.

На постановке исторической пьесы Литтона и «*Замёрзшей пучины*» присутствовала королева; первый спектакль давался в

лондонском особняке герцога Девонширского, второй – в Картинной галерее на улице Риджентс-стрит в Лондоне. Не последнее удовольствие, помимо самореализации, рекламы, которое Диккенс извлекал из любительских спектаклей, – возможность встречаться с людьми высокого ранга, не поступаясь чувством собственного достоинства. «Здесь он по-настоящему сдружился с герцогом Девонширским, здесь вежливо отклонил честь быть представленным королеве, мотивируя отказ тем, что-де не успел переодеться, а в театральном костюме предстать не смеет. В худшем случае это утончённый, хотя и безвредный, снобизм, а в лучшем, что вероятнее всего, то была определённая позиция в борьбе за общественное признание его профессии» [15].

Череповецкий любительский театр тоже был площадкой, где общались люди из разных сословий. Петр Васильевич Калашников был из крестьянской семьи, начинал свою карьеру продавцом в книжной лавке Шулятиковых, торговавшей канцелярскими товарами и литературой. В театре он на равных общался с княгиней, миллионером, прокурором, юристом, учителями. Главным для любительского театра было совместное творчество, желание играть и талант.

Итак, череповецкий театр, как и многие любительские театры, стал творческой площадкой для общения местной творческой интеллигенции, аристократии и разночинцев, позволившей сплотиться для решения творческих и просветительских задач в рамках города.

2) Благотворительность.

Интересно, что в статусе любительского театра проще заниматься благотворительностью. В Череповце собирали деньги (в виде пожертвований, сбор от буфета и от билетов) на учёбу и поддержание бедных череповецких студентов, выплату пособий и стипендий обучающимся в Санкт-Петербурге и Череповце, погорельцам.

На каждый спектакль кружка гимназистки рисовали входные билеты. Зрители, приобретая билеты, вынуждены были покупать и марки к ним, так как действительным считался билет с наклеенной на него маркой. Основанием для этого служили Вы-

сочайшее мнение Государственного совета от 5 мая 1892 года и утвержденные 20 августа того же года «Правила взимания сбора с публичных зрелищ и увеселений». Данный сбор шёл в государственную казну, а весь доход от буфета и пожертвования шли на благотворительные цели.

Например, 20 июня 1899 года в пользу пострадавших от неурожая была поставлена «сцена-монолог-комедия» «У запертой двери» А. И. Волкова. По сумме собранных в тот день денег отчёта не сохранилось, но можно ожидать, что они были существенными.

21 апреля 1902 года была дана небольшая искромётная комедия в одном действии «Завтрак у предводителя, или Полюбовный делёж» И. С. Тургенева в связи с 25-летием Череповецкого городского училища. Сохранился отчёт о расходах и полученных средствах. Чистый доход от этого спектакля составил 203 рубля и был перечислен в фонд поддержки учащихся. А весь капитал фонда в 1902 году составлял 704 рубля 64 копейки. Как явствует из этого документа, труппа оказала весьма существенную материальную помощь Череповецкому городскому училищу [1].

Театр Диккенса тоже занимался благотворительностью. Сборы от многих спектаклей шли в пользу бедных писателей, художников или их семей, оставшихся без средств к существованию. «Именно с этой целью Диккенс совместно с Булвер-Литтоном основали “Гильдию литературы и искусства”, намереваясь построить городок для престарелых писателей в поместье Литтона в Небворте. Первые любительские спектакли для сбора средств были даны в Большом зале великолепного, псевдосредневекового небвортского замка в 1850 году. Сборы со спектаклей составили внушительную сумму» [15].

Что касается благотворительности профессиональных театров, то она встречается реже, чаще всего сводится к более дешёвому или бесплатному просмотру постановок детьми из детских домов, многодетных семей, студентов и т. д.

Итак, Череповецкий театр, как и любительский театр Диккенса, находясь в статусе кружка, не был обременён финансовыми обязательствами и тратил собранные средства на благо города и горожан.

3) Театр без собственной сцены?

Многие театры России [11] и Европы сталкивались и до сих пор сталкиваются с отсутствием собственной сцены. Например, в Лондоне театральное здание Old Vic за 200 лет было таверной, колледжем, кофейней, Национальным театром и Национальной оперой.

Лондонский театр Royal Court Theatre, основанный в 1870 году, первоначально располагался в перестроенной церкви и лишь через 18 лет переехал в собственное здание.

В Череповце постановки в летний период проходили в Соляном городке [12] (современный парк КИО – парк культуры и отдыха). В остальное время года постановки проходили в здании Второго общественного собрания [2].

Постепенно сцена в Соляном городке ветшала, и вопрос о здании для театра вставал всё острее.

Специальное здание театра было построено на центральной городской улице в 1917 году (строительство производилось в 1914–1917 годах) [2], [8], [9], [10].

Итак, многие театры Москвы и Лондона сталкивались и до сих пор сталкиваются с проблемой отсутствия собственной сцены. Этот факт не мешает театрам успешно развиваться. До конца XIX века собственной сцены у Череповецкого театра так и не появилось, но премьеры выпускались регулярно.

4) Алкоголь и театр.

Первоначально представления любительского театра сопровождалась продажей горячительных напитков, доход от которых шёл на благотворительность. Позже театр стал оплотом борьбы с алкоголем.

В 1899 году музыкально-драматический кружок стал именоваться Театром Череповецкого уездного попечительства о народной трезвости, взяв на себя миссию отвлечения народа от пьянства. Согласно Большой Российской Энциклопедии, «Попечительства о народной трезвости – государственно-общественные организации в Российской империи в 1895–1917, создававшиеся для ограждения населения от пьянства одновременно с введением казённой винной монополии» [4].

Попечительства о народной трезвости были «образованы по инициативе министра финансов С. Ю. Витте при поддержке обер-прокурора Синода К. П. Победоносцева. Устав был утверждён императором Николаем II 20.12.1894 года. Попечительства подчинялись Особому отделу по попечительствам о народной трезвости в составе Главного управления неокладных сборов и казённой продажи питей Министерства финансов, в 1903–1905 годы издавался «Вестник попечительств о народной трезвости». Попечительства должны были контролировать соблюдение правил торговли алкоголем, распространять информацию о вреде пьянства, способствовать организации здорового досуга и лечению страдающих запоем, содействовать деятельности обществ трезвости, которые возникали с 1859 года, особенно активно со 2-й половины 1880-х годов, и других подобных организаций. Попечительства создавались в губерниях и уездах. Их делами ведали комитеты попечительств. В состав губернских комитетов входили губернатор, епархиальный архиерей, губернский предводитель дворянства, представители от губернского земства, городская голова губернского города, управляющие казённой и контрольной палатами, директор народных училищ, начальник губернского жандармского управления и другие; уездных комитетов – уездный предводитель дворянства, земские начальники, представители от уездного земства и православного духовенства, начальники средних учебных заведений, инспектор народных училищ, исправник и другие. На добровольных началах в деятельности комитетов участвовали и представители обществственности – почётные члены, а также члены-соревнователи с правом совещательного голоса на заседаниях комитетов. Комитеты назначали участковых попечителей – 12,8 тысячи человек в 1902 году, осуществлявших контроль за питейной торговлей. В соответствии с Правилами от 19.04.1895 года им были даны достаточно широкие надзорные функции: от выявления некачественной алкогольной продукции и фактов нарушения правил торговли спиртным до контроля за соблюдением запрета на распитие водки на улице и за пристойным поведением посетителей питейных заведений» [4].

Первыми попечительства о народной трезвости появились в «Уфимской, Пермской, Оренбургской и Самарской губерниях – 760 комитетов и отделов в 63 губерниях и 8 областях к середине 1902 года. Особый статус и структуру имели крупнейшие попечительства в Санкт-Петербурге и Москве со своими отделами в различных районах этих городов, а также попечительства в портовых городах Кронштадт, Керчь, Николаев, Одесса, Севастополь. Попечительства о народной трезвости создавали и содержали благотворительные и культурно-просветительные учреждения: чайные и столовые, библиотеки-читальни, книжные склады, воскресные школы и вечерние классы, летние и зимние театральные сцены, ночлежные помещения, юридические конторы для малообеспеченных слоёв населения. Устраивали также народные хоры и кружки самодеятельности, общедоступные развлечения и гулянья. Построили 137 народных домов, среди них крупнейшие – Лукьяновский в Киеве, императора Николая II в Санкт-Петербурге, Челябинский. Организовали лечебницы для страдающих от алкоголизма в Киеве, Москве, Санкт-Петербурге, Саратове, Астрахани, Вятке. Попечительства о народной трезвости финансировались за счёт доходов от устроенных попечительствами предприятий, театральных представлений, концертов и так далее и из казны. Попечительства получали также частные пожертвования. Недвижимое имущество попечительств не облагалось налогом с 1901 года. В начале XX века активисты попечительств выступили за сокращение числа казённых и частных питейных заведений, что вступало в противоречие с фискальными интересами казны. Делегаты попечительств о народной трезвости участвовали в 1-м Всероссийском съезде по борьбе с пьянством. В связи с введением запрета на продажу спирта, вина и водки в начале Первой мировой войны государственное финансирование и деятельность попечительств сократились. Окончательно они «прекратили существование после Октябрьской революции 1917 года» [4].

Первый спектакль, который новоиспечённый театр представил на суд зрителей, состоялся в ноябре 1899 года. Публика увидела комедию А. Н. Островского «Не в свои сани не садись»,

а также «живые картины» по басням Крылова: «Три мужика», «Демьянова уха». [1].

В Лондоне проблема пьянства в XIX веке стояла остро. Но решать её пытались другими способами – высокими патентными ценами на алкоголь, повышением уровня жизни рабочих, а больных алкоголизмом лечили медикаментозно наркотическими веществами (опиумом, кокаином).

Итак, с 1899 года Череповецкий театр становится частью большого плана «Попечительства о народной трезвости» по борьбе с алкоголизмом в России. В Великобритании для борьбы с пьянством открывали народные кофейни и чайные, а алкоголиков лечили настойками опиума и смесями с кокаином. Доступные культурные развлечения также отвлекали англичан от пьянства, но централизованной программы, подобной «Попечительству о народной трезвости» в Великобритании не было. Вопрос о том, можно ли продавать алкоголь в театральном буфете до сих пор остаётся актуальным как для отечественных театров, так и для британских.

5) Репертуар.

Каждый театр решает проблему репертуара. В случае успешного выбора произведений театр остаётся востребованным. В связи с небольшим населением города Череповецкий театр, возникший из музыкально-драматического кружка, не мог себе позволить узкий репертуар – только детский, взрослый, комический, драматический или музыкальный. В репертуаре череповецкого театра присутствуют лёгкие комические спектакли, сложные драматические постановки, водевили, оперы, оперетты, сцены. Однозначно, что это театр не был кукольным или детским. Музыкальная подготовка череповецких любителей была достаточно высока, что позволяло ставить музыкальные спектакли. Но в целом основу репертуара составляли произведения Островского, ставшие обязательными для любого русского театра, классические произведения, а также современные новинки театрального репертуара часто мелодраматического характера.

В отличие от Москвы и Лондона в Череповце постановки обычно показывались публике однократно. Публика посещала

премьеры. Каждая премьера была событием в культурной жизни города. Это стало залогом интереса публики к театру. В виде исключения спектакли давался дважды – например, 9 и 16 января 1900 года давали «Женитьбу Бальзамина» А. Н. Островского.

Вопрос финансовой успешности, остро стоявший в профессиональных театрах Лондона и Москвы, в Череповце на указанный период заменяется вопросом влияния на культурную жизнь. Театр начинался как культурная безвозмездная инициатива граждан в 1860-е годы и доказал свою востребованность самим фактом своего существования до 1910 года – временные рамки указаны для ограничения имеющегося материала, но театр существовал далее без перерыва до окончания Великой Отечественной войны и после значительного перерыва существует в настоящее время уже более 20 лет). Театр не только развлекал, но и вёл музыкально-просветительскую деятельность, знакомя горожан с классическими произведениями музыки и театра.

Новое XX столетие труппа встретила спектаклями «Ревизор» Н. В. Гоголя, «Женитьба Бальзамина» А. Н. Островского. По сравнению с лёгкими водевилями, игравшимися ранее, это был шаг вперёд. Обновление репертуара театра свидетельствовало о стремлении молодой труппы к серьёзному классическому репертуару.

Спектакль «Ревизор» настолько понравился публике, что с этого года прочно вошёл в репертуар Череповецкого театра, став его своеобразной «визитной карточкой» на долгие годы. Эта яркая сценичная комедия с запоминающимися образами и великолепным текстом сразу стала классической. Существует мнение, что основой для комедии стали реальные события, которые произошли в Устюжне, находящейся от Череповца на расстоянии не более 130 км [2, 190–191].

Комедии А. Н. Островского: «Не в свои сани не садись», «Утро молодого человека», «Женитьба Бальзамина», «Трудовой хлеб», «Бесприданница», «Счастливый день» – не сходили с афиш театра, став непременной частью репертуарных планов каждого сезона. Удобным для череповецкого театра было в комедиях Островского и то, что для них не нужны были сложные декорации и костюмы.

В 1901 году преобладали музыкальные постановки. В конце января была дана оригинальная оперетта в двух действиях с хорами и плясками «Русские святки» П. А. Каратыгина. Она шла на столичных сценах, и сам по себе факт её постановки в Череповце не являлся чем-то особенным. В Петербурге «Русские святки» ставились как картина старинного быта в двух отделениях с хорами, песнями и плясками. Интереснее другое. Оказывается, на нашей сцене шла оперетта с музыкой, написанной и аранжированной членами череповецкой труппы Бурмачевским и Мигаловским. Чуть позже поставили водевиль-оперетту в одном действии «Макар Алексеевич Губкин, или Продолжение Студента, артиста, хориста и афериста» П. И. Григорьева, а также оперу М. И. Глинки «Жизнь за царя», в которой участвовал хор «господ любителей» и оркестр.

Большую часть репертуара череповецкого театра составляли отечественные произведения преимущественно комического или мелодраматического содержания: И. И. Мясницкий, П. П. Гнедич, В. И. Савинова, А. И. Волков, Т. Л. Щепкина-Куперник, И. А. Крылов, Д. А. Мансфельд. Все эти авторы были в репертуаре московских театров наряду с английскими классическими произведениями У. Шекспира, Г. Ибсена, О. Уайльда.

Помимо мелодраматических комедий в репертуар череповецкого театра попадают отечественные классические произведения И. С. Тургенева, Н. В. Гоголя, А. Н. Островского, А. С. Пушкина. Ставится опера М. И. Глинки «Жизнь за царя».

При сравнении с лондонскими театрами выясняется, что в основу репертуара последних брались переводные французские комедии (в том числе и Л.-Ф. Клервиля и П.-А. Ламбера-Тибу, поставленного и в череповецком театре), отечественные комедии (Уильям Шекспир, Оскар Уайльд, Роберт Браунинг, Чарльз Диккенс, Эдуард Булвер-Литтон). Интересно, что в этот период в постоянный список постановок лондонских театров попадают и пьесы А. П. Чехова. Таким образом, заимствование классического репертуара шло как из лондонских театров русскими, так и в обратную сторону. Оба театра: английский и русский — были самодостаточными, и основу их репертуара составляли национальные драматурги.

Итак, несмотря на географическую отдалённость от европейских и российских столиц, жители Череповца проявляли интерес к комическому и драматическому репертуару, к театральным новинкам, аналогично столичным зрителям России и Европы. Основную часть репертуара составляли отечественные комедии и шутки, ставились и переводные комедии. В состав театра входил музыкальный оркестр, что позволяло использовать музыкальное сопровождение, музыку в антракте и танцы по окончании спектакля. Из классических произведений в период с 1860-х до 1910 года была поставлена драма А. С. Пушкина «Борис Годунов», многочисленные комедии А. Н. Островского, «Ревизор» Н. В. Гоголя, «Жизнь за царя» М. И. Глинки. По причине малочисленного населения в городе Череповце театру приходилось ставить премьеры, повторение спектаклей не практиковалось. Собранные от постановок деньги шли на благотворительные цели. Череповецкий театр прошёл те же этапы, что и всё русское драматическое искусство за XIX столетие. Он возник на гребне интенсивной культурно-просветительской деятельности русской интеллигенции второй половины XIX века [6], [14], стал профессиональным театром на рубеже XX столетия, в период Серебряного века русской национальной культуры. Череповецкий театр прошёл через сложные поиски своего репертуара. Театр отдал дань традициям МХАТа, но одновременно ставил «кассовые пьесы».

Список литературы и источников:

1. Антонова З. В. Хроника Череповецкого театра. // Череповец: Краеведческий альманах. Вып. 2. – Вологда: Легия, 1999. – 536 с. (Серия «Старинные города Вологодской области». / Гл. редактор серии – профессор М. А. Безнин, гл. редактор выпуска – доцент С. Г. Карпов). <https://www.booksite.ru/fulltext/2ch/ere/pov/ets/27.htm>
2. Аринин В. И. Неразгаданные тайны Пушкина. – М.: Современник, 1998. – 269 с.
3. Архив ЧерМО. Ф. 3.
4. Большая Российская энциклопедия. https://bigenc.ru/domestic_history/text/3158556
5. ГАВО. Ф. 881. Оп. 1. Д. 103. Л. 8–9.

В 1901 году преобладали музыкальные постановки. В конце января была дана оригинальная оперетта в двух действиях с хорами и плясками «Русские святки» П. А. Каратыгина. Она шла на столичных сценах, и сам по себе факт её постановки в Череповце не являлся чем-то особенным. В Петербурге «Русские святки» ставились как картина старинного быта в двух отделениях с хорами, песнями и плясками. Интереснее другое. Оказывается, на нашей сцене шла оперетта с музыкой, написанной и аранжированной членами череповецкой труппы Бурмачевским и Мигаловским. Чуть позже поставили водевиль-оперетту в одном действии «Макар Алексеевич Губкин, или Продолжение Студента, артиста, хориста и афериста» П. И. Григорьева, а также оперу М. И. Глинки «Жизнь за царя», в которой участвовал хор «господ любителей» и оркестр.

Большую часть репертуара череповецкого театра составляли отечественные произведения преимущественно комического или мелодраматического содержания: И. И. Мясницкий, П. П. Гнедич, В. И. Савинова, А. И. Волков, Т. Л. Щепкина-Куперник, И. А. Крылов, Д. А. Мансфельд. Все эти авторы были в репертуаре московских театров наряду с английскими классическими произведениями У. Шекспира, Г. Ибсена, О. Уайльда.

Помимо мелодраматических комедий в репертуар череповецкого театра попадают отечественные классические произведения И. С. Тургенева, Н. В. Гоголя, А. Н. Островского, А. С. Пушкина. Ставится опера М. И. Глинки «Жизнь за царя».

При сравнении с лондонскими театрами выясняется, что в основу репертуара последних брались переводные французские комедии (в том числе и Л.-Ф. Клервиля и П.-А. Ламбера-Тибу, поставленного и в череповецком театре), отечественные комедии (Уильям Шекспир, Оскар Уайльд, Роберт Браунинг, Чарльз Диккенс, Эдуард Булвер-Литтон). Интересно, что в этот период в постоянный список постановок лондонских театров попадают и пьесы А. П. Чехова. Таким образом, заимствование классического репертуара шло как из лондонских театров русскими, так и в обратную сторону. Оба театра: английский и русский – были самодостаточными, и основу их репертуара составляли национальные драматурги.

Итак, несмотря на географическую отдалённость от европейских и российских столиц, жители Череповца проявляли интерес к комическому и драматическому репертуару, к театральным новинкам, аналогично столичным зрителям России и Европы. Основную часть репертуара составляли отечественные комедии и шутки, ставились и переводные комедии. В состав театра входил музыкальный оркестр, что позволяло использовать музыкальное сопровождение, музыку в антракте и танцы по окончании спектакля. Из классических произведений в период с 1860-х до 1910 года была поставлена драма А. С. Пушкина «Борис Годунов», многочисленные комедии А. Н. Островского, «Ревизор» Н. В. Гоголя, «Жизнь за царя» М. И. Глинки. По причине малочисленного населения в городе Череповце театру приходилось ставить премьеры, повторение спектаклей не практиковалось. Собранные от постановок деньги шли на благотворительные цели. Череповецкий театр прошёл те же этапы, что и всё русское драматическое искусство за XIX столетие. Он возник на гребне интенсивной культурно-просветительской деятельности русской интеллигенции второй половины XIX века [6], [14], стал профессиональным театром на рубеже XX столетия, в период Серебряного века русской национальной культуры. Череповецкий театр прошёл через сложные поиски своего репертуара. Театр отдал дань традициям МХАТа, но одновременно ставил «кассовые пьесы».

Список литературы и источников:

1. Антонова З. В. Хроника Череповецкого театра. // Череповец: Краеведческий альманах. Вып. 2. – Вологда: Легия, 1999. – 536 с. (Серия «Старинные города Вологодской области». / Гл. редактор серии – профессор М. А. Безнин, гл. редактор выпуска – доцент С. Г. Карпов). <https://www.booksite.ru/fulltext/2ch/ere/pov/ets/27.htm>
2. Аринин В. И. Неразгаданные тайны Пушкина. – М.: Современник, 1998. – 269 с.
3. Архив ЧерМО. Ф. 3.
4. Большая Российская энциклопедия. https://bigenc.ru/domestic_history/text/3158556
5. ГАВО. Ф. 881. Оп. 1. Д. 103. Л. 8–9.

6. *Егоров А. Н.* Общественные настроения населения Вологодской губернии накануне Февральской революции // *Historia Provinciae – журнал региональной истории.* – 2017. – Т. 1. – № 4. – С. 7–25. DOI: 10.23859/2587-8344-2017-1-4-1.

7. *Заславский Г. А.* Москва театральная. Путеводитель. – М.: Астрель, Олимп, 2009. – 255 с.

8. За Невский Летописец. – 21.06.2010. – № 1888 // <http://letopis.kulichki.net/2010/06-2010/nom1888.htm>

9. Зодчие Санкт-Петербурга. XIX – начала XX века / Сост. В. Г. Исаченко; ред. Ю. Артемьева, С. Прохвятилова. – СПб.: Лениздат, 1998. – 1070 с.

10. *Исаченко В. Г.* Из мастеровых в мастера. Страницы творческой биографии архитектора Д. Г. Фомичева // САЛ. – 1979. – № 12. – С. 34–37.

11. История русского дореволюционного драматического театра / Под ред. Н. И. Эльша. – М.: Просвещение, 1989.

12. Краткий Очерк возникновения города Череповца Новгородской губернии и его героический рост за время 50-летней деятельности Городского Головы И. А. Милотина. 1909 год. Составил Ф. И. Кадобнов (Бывший Гласный и Секретарь Думы и Управы), г. Череповец // Череповец: Краевед. альм. / Мэрия г. Череповца, Череповец. музейное об-ние, Вологод. пед. ун-т; [Гл. ред. М. А. Безнин] – Вологда: Русь, 1996. – 384 с. <https://www.booksite.ru/fulltext/che/rep/ove/ts/10.htm>

13. *Полякова Е. И.* Театр Льва Толстого. Драматургия и опыты её прочтения. – М.: Искусство, 1978. – 344 с.

14. *Соколова Ф. Х.* Расколота интеллигенция Европейского Севера России в 1918–1920 годы // *Historia Provinciae – Журнал региональной истории.* – 2018. – Т. 2. – № 4. С. 51–81. DOI: 10.23859/2587-8344-2018-2-4-1.

15. *Уилсон Э.* Мир Чарльза Диккенса. Вступительная статья В. Ивашевой. Перевод и комментарии Р. Померанцевой и В. Харитоновой. Редактор М. Тугушева. – М.: Прогресс, 1975. – 318 с. (Глава 5. Любительские спектакли – <http://19v-euro-lit.niv.ru/19v-euro-lit/uilson-mir-charlza-dikkensa/lyubitelskie-spektakli.htm>).

16. *Шулятикова Е. Е.* «Криули» г. Череповца как памятник градостроительного искусства XVIII – начала XX века. // Череповец: Краевед. альм. / Мэрия г. Череповца, Череповец. музейное об-ние, Вологод. пед. ун-т; [Гл. ред. М. А. Безнин] – Вологда: Русь, 1996. – 384 с. <https://www.booksite.ru/fulltext/che/rep/ove/ts/20.htm>

17. *Bratton, Jacky.* Theatre in the 19th century. // *Discovering Literature: Romanticism & Victorians.* Published 15 Mar 2014. <https://www.bl.uk/romanticism-and-victorians/articles/19th-century-theatre>.

18. *Tanitch, Robert.* London Stage in the Nineteenth Century, – Lancaster: Carnegie Publishing, 2012 – 320 p.

ИВАНОВ Д. В., (МАЭ),
ЧЕРЕНКОВА Л. Г., (РЭМ)

Дальневосточная коллекция А. В. Верещагина: состав и история собрания

Имя Александра Васильевича Верещагина хорошо известно практически всем, кто так или иначе сталкивается с музейными коллекциями по Дальнему Востоку и историей собрания произведений китайского и тибетского искусства. Ему принадлежала одна из крупнейших коллекций, собранных в этом регионе в начале XX века. Полковник А. В. Верещагин был командирован в 1900–1901 годах в Маньчжурию и Китай, охваченные в это время Боксерским восстанием. О событиях, которым ему довелось быть свидетелем, Александр Васильевич оставил подробные записи¹. Написанные хорошим литературным языком, они привлекали внимание современников и остаются по сей день бесценным источником сведений о культуре и быте Китая на рубеже веков, о событиях боксерского восстания и иностранной интервенции в Китай, о бытовой стороне жизни воюющих армий. Есть в этих мемуарах и множественные описания процесса сбора богатой коллекции этнографических предметов, произведений искусства, религиозного культа и т. п. Подробный обзор литературных произведений А. В. Верещагина в связи с его собирательской деятельностью был дан С. В. Дмитриевым в его монографии.²

Коллекция, собранная Александром Васильевичем была привезена в Петербург и размещена для обозрения в его квартире в Ковенском переулке, д. 25. Здесь же фотографом Императорской Археологической комиссии И. Е. Чистяковым были сделаны фо-

¹ Верещагин А. В. По Маньчжурии: Воспоминания и рассказы. – СПб, 1903.

² Верещагин А. В. В Китае (Воспоминания и рассказы 1901–1902 гг.) // У стен недвижного Китая. – М. 2012.

тографии с наиболее замечательных предметов. Для осмотра коллекции и заключения о её стоимости и культурно-исторической ценности была создана специальная комиссия, в которую вошли: Директор Канцелярии Министра финансов А. И. Путилов, Директор Владивостокского Восточного института А. М. Позднеев, профессор монголист Котвич, художник А. Н. Бенуа, князь Ухтомский, московский коллекционер Попов К. С. и Д. А. Клеменц. Работа комиссии и различные перипетии, связанные с приобретением коллекции и её передачей в Этнографический отдел Русского музея очень подробно описаны в работах С. В. Дмитриева и В. Н. Мазуриной³, посвящённых собирательской деятельности А. В. Верещагина. Нам же хотелось бы остановиться на истории коллекции и рассмотреть некоторые сложности и удивительные моменты, возникающие при работе с наследием этого неординарного коллекционера.

Как известно, коллекция А. В. Верещагина, выкупленная императором Николаем II за 50 000 рублей, была передана в 1904 году в Этнографический отдел Русского музея. При поступлении её в музей в апреле 1904 года Д. А. Клеменц доложил Совету Этнографического отдела, что коллекция принята поштучно и попредметно не проверялась.

В отчёте Русского музея за 1904 год указывается, что коллекция, приобретённая от полковника Верещагина, и переданная императором в музей насчитывает 860 предметов.

После обработки и разделения на группы для регистрации в Книгу поступлений Этнографического отдела было подготовлено 12 коллекций, общая численность которых составляет 518 предметов. Ответ на резонный вопрос, где же всё остальное, кроется в неоднородном составе коллекции и сложностях с регистрацией предметов китайской этнографии. В составе Этнографического отдела своего штатного специалиста по Китаю не было, атрибуцией и описанием предметов занимался пригла-

³ Дмитриев С. В. Фонд Этнографического отдела Русского музея по культуре народов зарубежного Востока: история формирования и судьба. – СПб, 2012. – Стр. 406–433.

шённый из Санкт-Петербургского Университета приват-доцент А. А. Иванов. Многочисленность и неоднородность состава коллекции, включение в неё самых разнообразных предметов (от высокохудожественной буддийской бронзы до уличных вывесок, от предметов обстановки императорских дворцов до элементов народных верований и обрядов) не позволили зарегистрировать её целиком, на обработку и разбор коллекции ушли годы.

Часть собранных А. В. Верещагиным предметов оказалась включённой позже в Охранные описи и так называемые «сборные» коллекции. Часть их, наряду с зарегистрированными коллекциями, была передана из Этнографического отдела в Государственный Эрмитаж и Музей Антропологии и Этнографии (Кунсткамеру). Массовые передачи предметов, проходившие в 1930-е годы, значительно осложняют процесс сбора информации и атрибуции предметов, составлявших когда-то одну из богатейших коллекций дальневосточного искусства и этнографии. Ещё более сложным делает его отсутствие единого списка или перечня предметов,⁴ поэтому, говоря о коллекции в целом, приходится опираться на два кратких и очень общих обзора, составленных в 1902–1903 годах во время обсуждения вопроса о приобретении, а также на коллекционные описи, составленные на зарегистрированную часть собрания.

Значительная часть коллекции, привлекавшая внимание всех знакомившихся с ней специалистов, состояла из предметов декоративно-прикладного искусства разного времени создания. Среди них выделяется коллекция бронзовых сосудов, ваз, шкатулок и курильниц высокого художественного уровня (зарегистрирована под № 1043, 96 предметов, в 1931 году полностью передана в Эрмитаж). Многие из предметов были изготовлены в период расцвета китайского бронзолитейного дела, при императоре Сюаньдэ (годы правления 1425–1435), присутствуют и более ранние

⁴ В кратком обзоре коллекции, составленном А. М. Позднеевым, упоминается, что «по французскому каталогу, составленному самим г. Верещагиным, коллекция эта описывается под 853 наименованиями» (цит. по: Дмитриев С. В. Ук. соч., стр. 472), однако пока список нами обнаружен не был.

предметы. Часть коллекции относится к правлению императора Канси (1662–1723).

Помимо бронзовых изделий в этой же части нужно упомянуть коллекции фарфора (рег. № 1042; 40 предметов), изделий из резного камня (рег. № 1041, 51 предмет), перегородчатой эмали (рег. № 1044, 31 предмет), резной кости (рег. № 1073, 53 предмета). Все эти коллекции в начале 1930-х годов были как непрофильные переданы из Государственного музея этнографии (ныне – РЭМ) в Эрмитаж и Кунсткамеру.

Марки на многих предметах, входивших в эти коллекции, указывают, как пишет в своём отзыве А. М. Позднеев, на происхождение этих предметов из сокровищниц императорских дворцов Пекина, разграбленных после штурма города иностранными войсками в августе 1900 года⁵. А. В. Верещагин прибыл в Пекин более чем через год, зимой 1901 года. Учитывая ещё и то, с каким уважением Александр Васильевич относился к китайской культуре, можно предположить, что эту часть коллекции он мог приобрести во время посещения мест расположения союзнических войск в Пекине. Некоторые предметы, судя по воспоминаниям самого А. В. Верещагина, были приобретены у торговцев антиквариатом или подарены знаменитым коллекционером В. Ю. фон Гротом. В связи с этим хочется отметить, что в своих воспоминаниях, при описании дворцового комплекса в Мукдене, А. В. Верещагин многократно подчеркивает строгость, с которой относились к дворцовым ценностям охранявшие их русские войска 1-го Восточно-Сибирского стрелкового полка.⁶

К этнографической части коллекции можно отнести коллекцию женских украшений (рег. № 1074, 153 предмета), изделий из резного дерева (рег. № 1075, 12 предметов), традиционной китайской одежды (рег. № 2602, 26 предметов) и коллекцию флаконов для табака из различных материалов (рег. № 1145, 38 предметов). О том, как и где были приобретены некоторые предметы из этих коллекций, есть информация в книге А. В. Верещагина «По

⁵ Дмитриев С. В. Ук. Соч. – С. 426–433.

⁶ Верещагин А. В. В Китае. – С. 421–424.

Маньчжурии». Коллекция женских украшений была получена в дар от «соседа по комнате, штабс-капитана Василия Фомича»⁷. Флаконы для табака и некоторые другие предметы китайской этнографии были приобретены А. В. Верещагиным в Гирине на рынке и у торговцев редкостями. Коллекции одежды, резного дерева а также табакерок и флаконов для лекарств из резного камня, стекла, янтаря были в 1930-е годы переданы на постоянное хранение в Кунсткамеру. Женские украшения из серебра и сплавов, украшенные инкрустацией из голубых перьев зимородка, эмалью и полудрагоценными камнями хранятся в Особой кладовой Российского этнографического музея.

Наряду с ними одной из наиболее ценных и интересных коллекций РЭМ является собранная А. В. Верещагиным коллекция предметов буддийского культа. Но с ней с самого начала возникает множество вопросов, которые пока не решены. В описании всего собрания, сделанном Д. А. Клеменцем в 1902 году, о буддийской части сказано следующее: состоит из принадлежностей ламайского культа, статуй монгольской и тибетской работы с массою повторений, тождественных изображений, храмовых и культовых принадлежностей. Из группы статуй князем Ухтомским, г. Позднеевым и мною было выделено: 18 штук более ценных и редких, затем из той же группы фартук из бус и изображений, сделанных из кости – редкая вещь и бронзовый жезл⁸. Регистрация этой части коллекции была поручена молодому сотруднику Этнографического отдела, князю Дию Эсперовичу Ухтомскому, сыну известного писателя и коллекционера Эспера Эсперовича Ухтомского. К работе он приступил только в 1915 году, когда, поправившись после ранения, вернулся в Петроград. Одновременно с коллекцией А. В. Верещагина, он регистрировал несколько других, в частности, собрание Э. Э. Ухтомского. По неизвестной причине, обе коллекции получили один регистрационный номер – 2934. Это выяснилось при проверке коллекций после наводнения в 1925 году, тогда коллек-

⁷ Верещагин А. В. По Маньчжурии... – С. 60.

⁸ Архив РЭМ. Ф. 1. О 2. Д 63. Л. 5–5об.

ции А. В. Верещагина был присвоен другой номер – 3934 (заменяли первую цифру)⁹. Однако упомянутых Д. А. Клеменцем восемнадцати редких буддийских статуй в коллекции 3934 нет. Она составлена исключительно из предметов храмовой утвари и ритуальных принадлежностей. Вероятно, при передаче в Эрмитаж коллекции 2934, состоявшей из буддийской пластики, собранной Э. Э. Ухтомским, были переданы и скульптуры из коллекции А. В. Верещагина. На это указывает и то, что в акте передачи коллекции 2934 указано на 10 предметов больше, чем в этой коллекции числилось¹⁰.

Отдельно хотелось бы остановиться на сюжете, связанном с упомянутым Д. А. Клеменцем экспонатом коллекции А. В. Верещагина. Речь пойдёт о «фартуке из бус и изображений, сделанных из кости». История его поступления, восстановленная по архивным документам, сама по себе достаточно интересна и немного дополняет колоритное повествование, написанное самим собирателем.

Данный предмет представляет собой ритуальное одеяние ламы – участника Цама Калачакры. В ходе проведения этой церемонии ламы-участники, одетые в богато украшенные головные уборы и одеяния пяти основных цветов, исполняют танец, символизирующий жертвоприношение Калачакре от имени женских божеств. В старину эта мистерия проходила за закрытыми дверями храмов, непосвящённые на неё не допускались. Редкость и ценность такого экспоната очевидна. Нам известен только один аналогичный предмет, находящийся в коллекции Дворца-Музея Богдо-гэгена в Улан-Баторе. Однако предметы из ткани, составлявшие значительную часть коллекции, зарегистрированы не были, и определить их судьбу можно только скрупулёзным сравнением более поздних Охранных описей с теми данными о коллекции, которыми мы располагаем.

⁹ Документы ОНД РЭМ: Главная инвентарная книга. Т. 3. Л. 307; Архив РЭМ, Книга коллекционных описей «Тибет, ламаизм». коллекция 3934 – отчетливо виден исправленный красным карандашом номер в заглавии.

¹⁰ Документы ОНД РЭМ. Книга № 826. Акты 1936 г. Л. 93–100.

Поиск по Охранным описям и другим документам отдела научной документации РЭМ принёс информацию, что до 1939 года на экспозиции Государственного музея этнографии было представлено одно полное одеяние (нарукавники, воротник и юбка) жёлтого цвета, а также нарукавники и воротник от комплекта зелёного цвета. В 1939 году они вместе с предметами из других дальневосточных коллекций были переданы в Музей Антропологии и Этнографии (Кунсткамеру). Уже в Кунсткамере при регистрации поступивших из ГМЭ предметов было обнаружено, что отдельно от нарукавников и воротника из ГМЭ народов СССР поступила и зелёная юбка, абсолютно аналогичная по исполнению и декору юбке из жёлтого комплекта (в списках названа передником, так как представляет собой прямоугольное полотнище с поясом, напоминающее фартук или передник). Но в отличие от элементов зелёного костюма, у неё был свой регистрационный номер по Охранной описи тканей. Так выяснилось, что ритуальных одеяний в коллекции А. В. Верещагина было как минимум два (при составлении кратких описаний коллекции и Д. А. Клеменц, и А. М. Позднеев указывают на множественные повторения, тождественные предметы, дублиеты). Одно одеяние жёлтого цвета, другое – зелёного. При этом зелёное поступило в Этнографический отдел по частям, от разных владельцев. Наружавники и воротник поступили вместе с коллекцией А. В. Верещагина, а основная часть – юбка или фартук – от другого человека. Долгие годы эти части одного целого даже хранились в разных местах и под разными учётными обозначениями. В архиве Российского этнографического музея сохранилась переписка с корреспондентами музея, благодаря которой удалось выяснить, почему часть ценного экспоната верещагинской коллекции поступила отдельно от всех остальных предметов.

В январе 1904 года в Этнографический Отдел пришло письмо из далёкого Порт-Артура. Адресовано оно было князю Эсперу Эсперовичу Ухтомскому, одному из попечителей музея. Корреспондент порт-артурской газеты «Новый Край» Илья Семёнович Левитов сообщал, что «здесь в Порт-Артуре продаётся замечательный тибетский передник, чудо ламайского искусства. Он

весь шёлковый с чудными украшениями. На передней стороне находятся 15 ламайских богов, все из слоновой кости, а внизу масса других украшений тоже из слоновой кости. Величина передника около 1 и ½ аршин в квадрате.

Если Ваше Сиятельство, высокоуважаемый Эспер Эсперович, Вы желаете приобрести его, то прошу обратиться за справками в Порт-Артур к подполковнику Александру Ивановичу Вершинину. Передник этот оставлен г. Вершинину одним офицером с просьбой продать за 200 рублей»¹¹. Информация о продаже передника была передана заведующему Этнографическим Отделом Дмитрию Александровичу.

Клеменцу, который сообщил о возможности приобретения редкого предмета на заседании Совета Этнографического отдела и предложил ассигновать для этой цели 200 рублей в его распоряжение.¹² Одновременно он пишет в Порт-Артур полковнику Александру Ивановичу Вершинину, с которым Д. А. Клеменца связывала давняя дружба, письмо с просьбой поспособствовать приобретению китайских редкостей вообще и «тибетского передника» в частности. Ответ из Порт-Артура пришёл уже в разгар Русско-Японской войны. А. И. Вершинин «под гром пушек» писал следующее: «Сейчас в Петербурге находится коммерции советник Моисей Акимович Гинсбург и его брат, Натан Акимович Месс – последний живёт там с семьёй, жену его зовут Региной Соломоновной. Все эти люди – мои дальние (или давние – неразборчиво) приятели. Но я перечисляю их не потому... Если хотите воспользоваться и приобрести для музея редкие и ценные вещи, то воспользуйтесь ими. Ламский передник принадлежит Гинсбургу, и я говорил уже с ним о пожертвовании его Вам. Денег эти люди не возьмут – миллионеры, но полезными быть могут своими связями...»¹³

¹¹ Архив РЭМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. № 370. Сообщение И. Левитова о продаже в Порт-Артуре тибетского передника. Л. 1–2.

¹² Архив РЭМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. № 26. Журнал заседаний Совета Этнографического отдела № 61 от 14 февраля 1904 года. Л. 11.

¹³ Архив РЭМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. № 67. Переписка с А. И. Вершининым о передаче

Моисей Акимович Гинсбург, весьма известный на Дальнем Востоке коммерсант, приехал в Петербург для организации снабжения Второй Тихоокеанской эскадры, отправлявшейся на помощь Порт-Артуру. Возможно, у него не нашлось времени на оформление всех бумаг, необходимых для официальной передачи предмета в музей. Точной информации, почему имя М. А. Гинсбурга не отражено в документации, нет. Все части редкого экспоната в настоящее время собраны в одной коллекции, восстановлена история их поступления. И сделан ещё один небольшой шаг к установлению судьбы всей коллекции замечательного писателя, знатока Востока и коллекционера Александра Васильевича Верещагина.

ОРЛОВ А.,
г. Москва

Дом Василия Верещагина в Котлах

Вступление. Верещагин – гражданин Мира

Уважаемые коллеги! Спасибо за возможность рассказать о своём великом земляке. И вашем земляке. О нашем земляке, поскольку Василий Васильевич Верещагин – человек редкой судьбы и, несмотря на то, что он до мозга костей русский, он, несомненно, относится к тем людям, которых называют «гражданин Мира». Отмечу, что Мир тут не только в смысле планеты Земля, но и Мира как отсутствия Войны.

Тем более для меня значимо, что он выбрал для своего пребывания те места, в которых я родился, вырос. Собственно, с этого чувства и началось моё путешествие в серьёзное краеведение и расследование того, где же стоял дом великого художника.

Место, где я вырос, – это Развилка Варшавского и Каширского шоссе. Эта часть города была не то, чтобы окраиной, но и не центром. От отца я знал, что на месте нашего квартала когда-то стояла деревня Верхние Котлы. А ближе к центру были Нижние Котлы, и мне в детстве казалось, что это важно! *Верхние главнее!*

Отец же привил мне любовь к чтению и однажды мне попался старый томик книги Сытина «История Московских улиц». В нём я прочитал:

В одном из домиков в Верхних Котлах проживал известный художник В. В. Верещагин, погибший в 1904 г. в Порт-Артуре вместе с адмиралом С. О. Макаровым при взрыве броненосца «Петропавловск».

Я, как и любой мальчишка, хорошо знал место, где живу. Но мне совершенно непонятно было, где же мог находиться дом художника. К сожалению, долго никто мне не мог ничего расска-

зять. Потом появился интернет, я познакомился с краеведами, но и тогда ничего не было ясно. Так получилось, что Верещагиноведов, да ещё таких, что знают Москву, немного. А книги мне не шли сразу в руки.

Но однажды на фотофоруме PastVu появилось фото дома Верещагина. И тут же кто-то вспомнил, что сын Василий оставил воспоминания о жизни в этом доме и достаточно подробно описал дорогу к нему.

Почтовый адрес нашей семьи писался так: Москва. За Серпуховской заставой. Деревня Нижние Котлы.

Поэтому могло сложиться весьма распространенное мнение, будто усадьба и дом находились непосредственно в самой деревне. Это неверно. Земельный участок под усадьбой примыкал к левой стороне шоссе, отходившего от единственной в то время улицы в Нижних Котлах в направлении на восток, к селу Коломенскому, и находился на расстоянии около полутора километров от Нижних Котлов. Далее, по той же левой стороне, километрах в двух от усадьбы лежала деревня Новинки.

На запад от усадьбы с севера на юг тянулась глубокая лощина, а за ней была возвышенность, из-за которой вдалеке виднелись крыши Нижних Котлов.

Коломенское (Ногатинское) шоссе спускалось постепенно от Нижних Котлов в эту лощину, а затем, круто поднявшись на гору, проходило возле наших ворот.

Описано очень точно и, найдя этот фрагмент, я выехал на место и попытался найти это место, сфотографировал его. Стало ясно, что место то, но пока не было никаких документов. Описание моих изысканий в Живом Журнале привлекло к поиску новых людей. На меня вышел краевед и генеолог Евгений Пажитнов, который как раз составлял древо художника и сначала предложил мне выступить в библиотеке, где он тогда работал, а потом взял и сходил в архив Третьяковской галереи и нашёл там два крока с описанием места и плана усадьбы. Уже сейчас, сам побывав в этом архиве, я понимаю, что это были пояснения к книге воспоминаний, которые Василий Ва-

ильевич Верещагин-младший дал Андрею Константиновичу Лебедеву – главному биографу художника. Рисунки не вошли в издание. Во всяком случае книги с такими схемами не попадались. Но эти кроки позволили точно привязать дом к местности. Сейчас здесь ничего не осталось от дома, но ещё читается рельеф.

История появления дома в Котлах

Итак, дом Верещагина находился не в Верхних Котлах и не в Нижних. Он находился как бы сбоку от них, формально на отдалённых окраинах деревни Новинки, общины которой Верещагин и взял землю в аренду. Эти документы обнаружила краевед соседней Зюзинской волости Светлана Ивановна Ярославцева.

До сих пор не совсем ясно, что подвигло Верещагина выбрать это место не в самом благополучном пригороде Москвы. В Верхних и Нижних Котлах находились достаточно значные кабаки. Вокруг кирпичные, кожевенные, белильные заводы. Бойни. Для кирпичных заводов рядом добывали глину из ям, а в высоких берегах Москвы-реки нарыли пещер, где добывали известняковый гравий для дорог. Порой там жили сезонные рабочие и лихие люди и часто извозчики не решались ехать в эти края. Так что, когда иногда пишут, что место было дачное – не верьте. Дача тут была только одна, но какая! Настоящий Теремок из русских сказок!

Почему же дом Верещагина появился именно в этом месте?

Василий Верещагин много путешествовал, подолгу жил за границей. У него была мастерская в Германии. Затем он построил неплохую мастерскую в Мезон-Лафите, парковом пригороде Парижа.

Это был обычный домик с необычной летней мастерской: это было сооружение, поставленное на рельсы, который мог поворачиваться за солнцем, а художник мог выбрать нужное освещение, вращая ручку. Позже, он продал эту мастерскую художнику Маковскому, а его дети с удовольствием вращали ручку старого механизма.

Мезон-Лаффит – место и сейчас тихое и уединённое. Сейчас здесь находится рай для любителей лошадей, а тогда порой олени выходили к краю леса, когда художник писал свои картины.

Всё изменилось после поездки в Америку. Там он встретил женщину, ради которой, видимо, решил вернуться в Россию. А может, он соскучился по снегу и грязи, которых ему так не хватало для работы над циклом картин о войне 1812 года в Париже?

Так или иначе, но в самом конце 1890-х Верещагин через знакомого архитектора и реставратора Никитина искал себе место под новый дом в России. Совсем недавно Елена Васильевна Гладких – аспирант кафедры Истории и теории декоративного искусства и дизайна Московской государственной художественно-промышленной академии им. С. Г. Строганова, обнаружила переписку Верещагина с архитектором Никитиным.

Никитин предлагал разные места: и модное Царицыно, и Симоново, и Братцево, и у монахов в Перерве, и даже прямо на территории Коломенского, но Верещагин выбирает достаточно необычное место – примерно полпути от Серпуховской дороги к Коломенскому на высоком берегу реки Москвы, на вершине холма, возвышающегося над берегом на двадцать – двадцать пять метров.

Как пишет сын художника, отец искал сухое и красивое место на берегу реки. Верещагин в своих путешествиях успел переболеть и тропической лихорадкой, и малярией, и не переносил сырые места. Ещё одним критерием для выбора было то, что, несмотря на относительную близость к Москве, место тут было тихое, настоящий медвежий угол.

Обитель отшельника

Верещагин и жил здесь отшельником. Писал свои картины. В дом почти никого не пускал. Известны истории о маниакальной одержимости уединением. Однажды он отправил восвояси приехавшего без приглашения своего фронтового товарища по крымской войне, известного врача Склифосовского. На следую-

ший день он приехал к нему сам, но не для того, чтобы извиниться, а для того, чтобы узнать, зачем приезжал.

Даже Великого Князя, президента Академии Художеств Владимира Александровича не пустил в дом. Тот попросил Верещагина:

– *Разрешите мне к вам приехать, хочу посмотреть ваши новые работы.*

– *Нет, извините, – ответил Верещагин твёрдо.*

– *А я всё же приеду! – продолжал настаивать князь, не выкиший к отказам.*

– *Приехать-то вы, может быть, и придете, – сухо сказал Верещагин, – а только всё равно ко мне не попадёте. У меня, Ваше Высочество, собаки очень злые.*

Собаки у Верещагина были и вправду суровы: сенбернары и тибетский мастиф. Местные мальчишки не решались лазить в усадьбу за яблоками.

Однако бывали тут и гости. Скульптор Илья Гинцбург, который подружился с Василием Васильевичем во время работы над скульптурой художника, бывал в доме в Нижних Котлах. Вот что он вспоминал об этом.

Поездка в санях за город была очень приятной, но местность, по которой мы ехали, была скучна и пустынна. Кучер указал мне видневшийся вдалеке дом Верещагина; дом одиноко стоял на высоком холме, открытом всем ветрам, высокий, деревянный, построенный в русском стиле. Вот куда забрался этот дикарь, чтобы быть подальше от назойливых посетителей...

Верещагин, в домашней серой куртке и мягком картузе, казался мне очень простеньким и добродушным, совсем не таким, каким я его обычно видел в сюртуке, застегнутом доверху. Мы вошли в мастерскую. В ней ничего не было такого, что напоминало бы его парижскую мастерскую с её коврами, перьями, шкурами и чучелами. Я очутился здесь в помещении, похожем на огромный бревенчатый сарай: ни материи, ни обои не закрывали бревенчатого сруба и торчавшей между бревнами пакли. Всё было устроено крепко, хорошо и без всяких претензий на художественность и уют. Только на полу был разостлан огромный текинский ковёр.

Сохранились фотографические свидетельства посещения Гинцбургом Верещагина. Совсем недавно я обнаружил, что в Архиве Санкт-Петербурга хранится фотоархив младшего брата жены художника – Павла Васильевича Андреевского. Он, видимо, неоднократно бывал в гостях и оставил бытовые фотозарисовки, в том числе с Ильёй Гинцбургом. Пока ещё не все фото из этого архива находятся в научном обороте. Кроме того, мною найдены несколько планов внутреннего устройства дома в архивах Государственной Третьяковской Галереи. К сожалению, эпидемиологическая обстановка несколько сломала планы их опубликования.

Итак, именно в доме в Котлах Верещагин обрёл дом и семью. Тут родились его дети. Конечно, он не сидел на месте и постоянно ездил по свету в поисках природы, но возвращался всегда сюда с удовольствием: ведь тут его ждала любимая работа.

Дом его был полон костюмов, ковров и предметов из дальних стран. На радость сыну Васе на чердаке были не только красивые мундиры, но макеты пушек, сабли и кинжалы.

Судьба

Как ни пытался Верещагин изменить свою судьбу, но она не собиралась давать ему поблажку.

Я всю жизнь любил солнце и хотел писать солнце. И после того, как пришлось изведать войну и сказать о ней своё слово, я обрадовался, что вновь могу посвятить себя солнцу. Но фурия войны вновь и вновь преследует меня. – писал Верещагин.

В 1904 году художник отправился в свою последнюю военную экспедицию из дома в Нижних Котлах на Дальний Восток. Он прибыл в Порт-Артур и напросился на флагманское судно адмирала Макарова – эскадренный броненосец «Петропавлоск». Адмирал отговаривал его, но Верещагина было не отговорить. Ведь он прибыл сюда увидеть войну из первого ряда, а не отсиживаться на галёрке:

– Василий Васильевич, вернитесь в порт. Будет бой, и бог знает, кто из нас уцелеет. Вы нужны России...

– *Степан Осипович, я приехал в Порт-Артур не ради праздного любопытства, а именно для того, чтобы запечатлеть морское сражение, – почти раздраженно ответил художник.*

В 9 часов 43 минуты 31 марта (13 апреля) 1904 года флагманский броненосец напоролся на японскую мину и взлетел на воздух. Погибло более 600 человек, лишь несколькими десяткам моряков удалось спастись. Отказавшийся стать морским офицером Василий Верещагин погиб в морском сражении на мостике рядом с командующим флотом. Константин Симонов написал об этом:

*Всю жизнь любил он рисовать войну.
Беззвёздной ночью наскочив на мину,
Он вместе с кораблём пошел ко дну,
Не дописав последнюю картину...*

Через дней пять после смерти художника в дом пришли несколько крестьян из деревни Новинки. Вдова не нашла сил говорить с ними, и они пришли снова ещё через неделю. Лидия Васильевна приняла их и думала, что речь пойдёт о судьбе участка, взятого в аренду у деревенской общины. Однако вперёд вышел староста, отклонялся и нерешительно и смущаясь сказал:

«С несчастьем вас!». Не ожидавшая таких слов вдова со слезами на глазах ответила: *«Да разве с несчастьем-то поздравляют?»* Староста смутился ещё больше и тихим голосом сказал: *«Да барин-то был уже очень хороший! Жаль его!»*

Судьба семьи покатила под откос. Вдова художника, не выдержав горя и навалившихся проблем, вскоре покончила с собой. Дом был продан фактически на слом. Уже к 1913 году на месте дома Верещагина осталась только липовая аллея. А скоро место застроили. И застроили ещё раз. Сейчас на месте дома Верещагина построен детский сад, и ничего сейчас не напоминает о доме в Котлах.

Удивительна всё же тема судьбы в биографии не только Василия Васильевича, но и его брата Николая Васильевича. Оба

окончили Морской кадетский корпус. Оба оставили морскую карьеру. Но прах обоих братьев покоится под водой: одного – на дне бухты возле Порт-Артура, а могилу Николая Васильевича можно иногда разглядеть на дне Рыбинского водохранилища.

Увековечивание памяти Василия Верещагина в Москве

Несмотря на огромную популярность художника и его значение для культуры в России, сейчас всего два памятника: один в Череповце и один в городе Верещагино. Ветераны разведки собирались поставить памятник баталисту в Кронштадте, но, похоже, так и не поставили.

А в Москве памятника Верещагину нет. Точнее не так: в Москве нет памятника художнику Верещагину, а памятник герою фильма таможеннику Верещагину есть.

Внук Верещагина Александр Сергеевич Плевако-Верещагин в своё время пытался пробить памятник деду на площади Суворова, но тут вдруг в прессе возникла волна обвинения художника в некрофилии и любовании войной. Проект отложили.

Сейчас группа энтузиастов района Нагатино собирается открыть памятный знак на месте дома художника. Возможно, вначале это будет просто информационный стенд, потом, быть может, появится что-то более основательное. Есть идея назвать именем Верещагина Библиотеку 159, которая стоит прямо на бывшем месте усадьбы. Но и полноценный памятник великому художнику в Москве непременно нужен!

САВИНОВ М. А.,

выпускник МБОУ «Ермаковская средняя школа»,
индивидуальный предприниматель,
г. Рыбинск

Во славу России. История одной империи

Вступление

Мы живём в бурный век развития технологий. Человечество шаг за шагом продвигается в светлое будущее в бешеном ритме мегаполисов, скоростных трасс, авиаперелётов. Мы настолько привыкли ко всем благам современной цивилизации, что зачастую даже не задумываемся, что был и остаётся мир созидателей – людей гениальных, деятельных, целеустремлённых, часто – фанатичных. Готовых не считаться с жертвами собственных сил, времени, здоровья. Готовых преодолеть любые преграды для достижения своей мечты, отвергающих 1000 причин сдаться в надежде на возможность достижения цели.

Становление русского молочного дела

Зарождение современного производства молочной продукции в России, как и во многих странах мира, было связано с кооперативным движением. Его развивали люди, увлекающиеся идеями общественного блага и социального и технического прогресса. Одним из ярких представителей этой касты человечества является наш земляк, уроженец села Коприно Рыбинского уезда Ярославской губернии Александр Васильевич Чичкин, по праву заслуг один из основателей российской, а затем и советской молочной промышленности. Человек твердых намерений, на деле доказавший, что для исполнения мечты не может быть препятствий. Человек, чьё имя вопреки всему осталось в истории страны после Октябрьской революции. Он сумел найти себя и в новой, сильно изменившейся России.

Слова одного из современников о нём: «Кому, как не русскому, надо как можно больше знать о большом и интереснейшем Человеке. Он не был, конечно, ни Ильёй Муромцем, ни Добрыней Никитичем, но имел огромной силы «великорусскую упряжку», был трудолюбив и требовал от других того же...»

К великому сожалению, после себя Александр Васильевич не оставил ни одного личного дневника. Поэтому о нём, его характере, переживаниях и ценностях мы можем судить только по воспоминаниям современников, официальным документам и результатам его работы.

Детство. Отрочество. Юность

Сын волжского лодчана, один из первых шофёров дореволюционной Москвы, родился он в 1862 году – через год после отмены крепостного права. По воле случая, в том же 1862 году в том самом селе Коприно одними из первопроходцев русской кооперации Николаем Васильевичем Верещагиным и Владимиром Ивановичем Бландовым была основана одна из первых в России артельных сыроварен. И Верещагин, и Бландов происходили из дворянских семей, обучались в морском кадетском корпусе. На волне энтузиазма после отмены крепостного права бросили морскую службу и отправились изучать мировой опыт передового сельского хозяйства. Их побудительным мотивом стала помощь освобождённому русскому крестьянству. Верещагин сочувствовал народникам, верил в крестьянскую общину и искал способ повысить товарность крестьянского хозяйства, не разрушая при этом принцип коллективизма. Было решено, что кооперация в молочном деле – самый подходящий вариант для этой цели.

Варить сыр по современным технологиям в России никто не умел – так возникла идея учредить специальные школы, которые будут отбирать крестьянских детей и готовить из них специалистов для будущих коллективных производств. Прогресс должен был идти рука об руку с народным просвещением.

Наверное, Александру очень повезло родиться в Коприне. Так сошлись звёзды, что в 1870 году по почину Верещагина и Блан-

дова в родном селе Чичкина был открыт филиал Едимоновской школы молочного ремесла. К тому же неподалеку находилась известная на всю Россию обитель Югской Дорофеевой Пустыни, хозяйство которой находилось в крепких руках отца Фёдора (в миру Виноградова). С отрочества Александр Васильевич всё свободное время проводил там, вникал в тонкости ведения дел.

А поучиться было чему! К слову, монастырский двор включал в себя: общую кухню, трапезную, братские кельи, гостиницу, церковно-приходскую школу, скотный двор, конюшню, пасеку, зернохранилище, монастырский сад, кузницу, механизированную прачечную, теплицу, квасоварню, водяную мельницу и кирпичный завод. Примечательно, что всё это хозяйство находилось в обслуживании всего-навсего у 23 человек из братии. Помимо монахов и гостей, плоды трудов монастырского хозяйства обеспечивали всем необходимым около 8000 жителей села и ближайших окрестностей.

Иеромонах Фёдор, судя по всему, был человеком активным и неординарным – антиподом тех священников, которых позже рисовала советская пропаганда. Он не ограничивался религиозными наставлениями и реализовывал вполне материальные проекты, полезные для Коприно, именно им через пару десятков лет в 1900 году там, на Волге, была отстроена пристань, в 1907 году организована вольно-пожарная дружина Императорского общества (чем не могли похвастаться даже многие провинциальные города), в 1908 был возведён Копринский народный театр, в котором не стыдились выступать даже артисты Императорского Малого театра. Силами отца Фёдора, на 8000 человек сельской глуши было 10 школ,

Видимо, так распорядилась судьба, что сыроварение и маслоделие влились в кровь маленького Александра, что дальнейшая его жизнь оказалась неразрывно связана с ними: из числа наиболее талантливых мальчиков из местного населения за счёт Владимира Ивановича Бландова определён в ученики Школы молочного ремесла. Помимо общеобразовательных предметов, в этом учебном заведении усиленно преподавали основы будущей профессии работника молочной промышленности.

После окончания школы как выпускника, подающего большие надежды, опять же не без помощи и финансового участия Бландова, юношу направили в Москву, в Реальное училище Ивана Фидлера, которое он через пять лет с отличием окончил. Получив высшее образование в Петровской земледельческой и лесной академии (ныне Тимирязевской), став любимейшим учеником самого К. А. Тимирязева, отправился по протекции своего наставника на трёхлетнюю стажировку во французский Париж в знаменитый институт Луи Пастера. Пастеровский институт на тот момент – один из новаторских центров, изучающих микробиологию (в том числе и применительно к пищевой промышленности). Лишь после этого, по мнению, Владимира Ивановича, молодой инженер был готов к трудовой деятельности во благо русского молочного дела.

Своё дело

Вернувшись в Россию, будущий предприниматель обнаружил, что пути Верещагина и Бландова разошлись. Верещагин остался общественным деятелем, а Бландов в 1880-е основывает торговый дом, переходит в купеческое сословие и начинает вести своё дело на коммерческой основе. Фирма Бландова сохраняет связь с молочной промышленностью и создаёт магазины по сбыту продукции сыроварен и маслоделен, которые когда-то открылись при его участии. После возвращения в Россию, получив отличное образование и достаточный опыт, Александр Васильевич поступил на работу в молочную лавку своего отца в Москве, скромно, хоть и не без убытка работавшую под крылом фирмы В. И. Бландова. Немногим позже он сделал предложение руки и сердца дочери своего благодетеля. Наверное, тогда ещё мало кто мог предположить, что из мальчишка из русской глубинки сможет получиться акула российской молочной промышленности, но, к удивлению и зависти многих, Чичкин стал планомерно завоёвывать всё новые высоты.

Теперь зятю премногоуважаемого Владимира Ивановича Бландова не могли отказать в выдаче государственного займа на

льготных условиях на развитие собственного дела, чем и воспользовался наш герой. Итак, кредит на развитие собственного дела получен. И молодой инженер открыл свой первый молочный магазин в Москве на Петровке, 17 в 1888 году.

Работа была поставлена очень основательно – скрупулезность была видна во всем: от выбора поставщиков сырья до почти стерильных условий в торговых залах. В то время никто из молокопромышленников не интересовался ни качеством сена, которое поедали коровы, ни здоровьем этих самых коров, что поедали сено, ни чистотой рук того крестьянина, что доил этих коров. Всё основывалось на хрупком и непроверяемом доверии: корову – к сену, крестьянина – к корове, а промышленника – к крестьянину. Второй факт наиболее примечателен: в штате не было уборщиц, все манипуляции по уборке производились непосредственно сотрудниками магазина, приоритетной задачей которых являлось безупречное качество обслуживания своих клиентов. Идеальную чистоту ещё более подчеркивало обилие белого цвета в оформлении внутреннего убранства, белоснежная форма сотрудников сливалась с белоснежным кафелем полов и стен с обязательными надписями «А. В. Чичкин». Вот как описывали это очевидцы: «Все помещения с пола до потолка ежедневно мылись специальными резиновыми щётками, раствором из мыла и соды, после всё смывалось из шлангов чистой водой. Все металлические части – дверные ручки, кронштейны – начищались, как на военном корабле. Выполняли эту работу сами рабочие после разлива молока». Но не только чистотой был знаменит этот магазин. Здесь продавалось исключительно свежее молоко, которое каждое утро завозилось поставщиками. Если товар за день не распродавался, то следующим утром, перед открытием магазина, его на глазах почтенной публики сливали в канализацию.

Поток покупателей стремительно рос. Тысячеустая реклама работала безотказно. Одни приходили за новыми и новыми покупками, другие – просто посмотреть на необычный магазин, но в итоге не могли устоять перед соблазном приобрести свежайшие молочные продукты. Кстати, в новых магазинах господина

Чичкина впервые в России слали применяться швейцарские касовые аппараты.

Бойкая торговля приносила прибыль, открывались всё новые магазины, и, добившись значительных успехов, Чичкин решил идти дальше, приняв решение освоить на своём предприятии процесс переработки молока. Уже в 1910 году в Москве торжественно открылся самый крупный в Европе молокоперерабатывающий завод, способный «проглотить» до 150 тонн молока в сутки. Примечательно, что всё технологическое оборудование было смонтировано на площадке при помощи иностранных специалистов всего за один день – небывалое дело на Руси. Немногим позже ещё один завод был запущен в Одессе.

Уже к 1914 году в состав молочной мануфактуры Чичкина входили 2 молокоперерабатывающих завода, маслозаготовительный и творожно-сметанный филиалы и 91 магазин. Только в Москве торговые точки обслуживали 36 грузовых и 8 легковых автомобилей.

Система воспитания кадров

Отдельного внимания требует кадровая политика в молочной империи А. В. Чичкина. На его предприятиях трудились более 3000 человек. Промышленник гордился своим коллективом и уделял огромное внимание обучению и мотивации своих сотрудников. Наиболее ответственных поощряли денежно и дополнительными отпусками, с лентяями расставались без промедления. Принципом всей кадровой кампании было: «Найти талант, беречь его и развивать». Для каждой возрастной категории своих работников были придуманы свои методы мотивации. По своей сути, вся кадровая политика Чичкина, соответствовала философии пожизненного найма, в последующем принятой в корпоративной культуре Японии. Чичкин разбил учеников и работников на разные возрастные категории, к каждой из которых предлагался свой подход. После обучения, заканчивавшегося к 20 годам (Чичкин также организовал школы для молочной промышленности, отбор в которые начинался

с раннего возраста), работник поступал в одно из подразделений фирмы.

Первый этап. «Рождение мечты и любви к профессии»

Имел отношение к потенциальным кадрам (ученикам молочных школ) и самым молодым сотрудникам, только поступившим на работу, возрастом до 20 лет.

Суть этого этапа заключалась в том, что ученики должны были определить для себя вектор интересов. С 8-милетнего возраста Чичкин начинал присматриваться к своим будущим сотрудникам. По воспоминаниям учителей Копринской школы молочного ремесла: «Ежегодно к новогодним праздникам из Москвы от Александра Васильевича приходили посылки с книгами, сладостями, орехами, украшениями для ёлки и подарками лучшим ученикам». Однако для дальнейшей работы в Москве отбирались не только лучшие ученики с математическими наклонностями. Особо ценились среди них те, что были детьми из «честных трудовых семейств». Александр Васильевич верил в семейное воспитание и детей из «подозрительных семейств» – а таковыми Чичкину казались все пьющие, бездельные и нечестные – близко не подпускал к своему бизнесу. Тринадцати-четырнадцатилетних подростков, которые были в свой положенный час удостоены чести вызова в Москву, Чичкин обычно напутствовал такими словами: «В Москве все пятиалтынные одинаковы, а вы должны блеснуть!»

В Москве все отобранные дети поступали на обеспечение к Чичкину. Он, помня о том образовании, которое получил когда-то сам, не жалел для своих будущих сотрудников ничего. Разумеется, было прекрасное общежитие, полный пансион, помимо общего образования, положенного для всех жителей империи, – учёба у лучших мастеров молочного дела. А ещё и непременно для этого возраста, как полагал Чичкин, посещения церквей, монастырей, походы в музей, театр, цирк, загородные экскурсии с пикниками возле памятных исторических и просто красивых мест, которых тогда в Москве было несметное множество, чтобы

дети почувствовали главное, с точки зрения Александра Васильевича, — им предстоит работать в великом городе! Всё это воспитание, щедро вложенное в юные души, оказалось со временем одной из эффективнейших инвестиций в развитие молочной империи Чичкина.

Второй этап. «Энтузиазм»

На этом этапе сотрудники испытывались прежде всего на инициативность в работе и на умение трудиться спокойно, ритмично и деловито. Заодно им внушалась и следующая простая, но такая важная для каждого мысль. Тебя заметят без тебя! То есть надбавка к жалованью и повышение в должности найдут тебя без твоих унижительных просьб. Это не твоя проблема, а твоих начальников, и они с этим непременно справятся. Это тебе я, Чичкин Александр Васильевич, гарантирую! Это моя забота. А твоя проблема, с которой должен справиться ты сам, — это честно и инициативно работать!

Третий этап. «Честолюбие»

В возрасте от 25 до 30 лет сотрудники вступали в третий этап, называвшийся «Честолюбие». Здесь шла тонкая игра на здоровом, естественном и необходимом в любом деле человеческом тщеславии. Именно в этот период сотрудники должны были завоевать на фирме тот авторитет, который в последующем должен был работать уже на них самих. Делалось это, например, так. «В магазинах работники фирмы не имели постоянного места, — вспоминали потом ветераны, — зато за каждым велось постоянное наблюдение. Если работник того стоил, его переводили с повышением. «Помимо отдельных разовых переводов из магазина в магазин четыре раза в год были общие переводы помощников приказчиков, мальчиков, кассирш. Приказчики переводились раз в год». Исключительно большое значение при этом играл отряд ревизоров. Обладая огромными полномочиями в перетасовке кадров по деловым качествам, ревизоры могли появиться в ма-

газине в любую минуту. В их распоряжении находилось восемь легковых автомобилей, которыми они управляли непременно сами...» Чтобы ни один шофёр не мог заранее никого предупредить о будущем маршруте. «...Безукоризненная чистота и порядок во всех молочных магазинах фирмы в немалой степени были заслугой того летучего всевидящего отряда ревизоров, комплектовавшегося из безукоризненно честных и добросовестных сотрудников фирмы».

Четвёртый этап. «Спокойное ожидание»

Обретя привычку к добросовестному труду, сотрудники в возрасте от 30 до 40 лет работали уже в обстановке завоёванных льгот. На фирме Чичкина ничего сразу не давалось. Люди жили в постоянном ожидании чего-то для них приятного. Причём, если сотрудники переставали жить надеждой, а значит, и стараться заслужить это «приятное», их попросту увольняли. Считалось, что ожидание сильно приумножает силы сотрудников. Но и исполнение ожиданий тоже не должно было затягиваться на долгие годы: ожидание – вечно, но жизнь человека, особенно трудовая, – конечна! Чичкин учитывал этот важный психологический момент. И потому уже после пяти лет работы каждый сотрудник получал 50 рублей наградных и начинал пользоваться ежегодно оплачиваемым отпуском. В своём деле Чичкин завёл это правило ещё в конце XIX века, одним из первых в России. После 10 лет сумма наградных повышалась до 100 рублей (чтоб никого не смущала эта скромная цифра – 100, уточним, что она равнялась по своей покупательной способности тысяче долларов США по нынешнему курсу), плюс ежемесячные проценты за выслугу лет. Причём эти проценты наличными деньгами сотрудникам фирмы на руки не выдавались – деньги зачислялись на личный счет с выплатой 6% годовых. Стало быть, чем больше лет вы работали на фирме, тем больше вы зарабатывали. Вот так задолго до японских чудес в России процветала идея пожизненного найма и накопительной пенсии.

Пятый этап. «Исполнением мечты и желаний»

Охватывал сотрудников от 40 до 65 лет. На этом этапе люди стимулировались (помимо, разумеется, положенных материальных выгод) прежде всего вниманием и уважением к ветеранам фирмы, как со стороны руководства, так и со стороны более молодых сотрудников. Известно, что японцы, внедряя у себя систему Чичкина, тоже значительное внимание обращали именно на этот возраст: от 40 до 65 лет. Их особо поразили такие строки из размышлений Александра Васильевича: «В чём специфические особенности пожилого человека? (Напомню на всякий случай, что во времена Чичкина «пожилым» считался человек сразу после сорока лет. – А. К.). Это, во-первых, очень сильно повышенная реакция на внимание, ласку и уважение к его знаниям и опыту, питающим его жизненный тонус на финише его жизни. Незаслуженное оскорбление, издевательство над его немощью, насмешка над всем, что он совершил в жизни, травмируют его, унося последние силы так же, как уносит их кровь, текущая из открытой раны». Чичкин это прекрасно понимал, ведь он в своей фирме был одновременно и хозяином, так сказать, нанимателем чужого труда, и первым (и самым работающим и толковым) её работником. Александр Васильевич был зрелым человеком, когда разрабатывал свою систему и, следовательно, знал проблемы этого возраста – от 40 до 65 лет – не понаслышке. Анализируя свою работу, работу своих сотрудников, партнёров, конкурентов, удачливых и не очень, Чичкин давно, когда сам был сорокалетним, отметил для себя, что очень часто человек, занятый в каком-то бизнесе, начинает испытывать:

- к 45 годам – беспокойство;
- к 50 годам – озадаченность перед новыми проблемами;
- к 55 годам – охлаждение к работе (при этом заработок может быть любым, это не меняет отношения к делу);
- к 60 годам – отвращение к профессии. После чего такого работника надо отправлять на заслуженный отдых с выплатой всех положенных грантов и премий за безукоризненную работу.

Несмотря на кажущуюся тернистость пути, порядочные и ответственные люди без труда справлялись со всеми переходами с этапа на этап.

Учёбу всех желающих Александр Васильевич, подобно своему тестю, оплачивал сам, в том числе не только по профессии. Со слов секретаря Чичкина Зинаиды Дмитриевой, одна из её подруг по цеху таким образом выучилась на бухгалтерских курсах, а кассир магазина Татьяна Бах благодаря Александру Васильевичу исполнила детскую мечту и стала известной в московских кругах оперной певицей.

Подытоживая тему о чичкинской системе воспитания кадров, хотелось бы привести его высказывание об одном из его наставников – Николае Васильевиче Верещагине: *«Поэты поэтами, но ведь и бочкой масла, и головкой сыра, и бутылкой чистого вкусного молока, которую мы дарим детям, можно в равной степени славить Отечество, служить благу и расцвету родной земли!»* Именно из этого умозаключения и исходил этот замечательный человек во всех своих начинаниях.

Помимо этого, Чичкин мыслил: *«Деловитость не груша, она с ветки сама не падает. Её надо воспитывать с пелёнок, о ней надо твердить в школах, департаментах, министерствах, везде и всюду, ежедневно и ежесекундно, растить её во всех без исключения делах наших...»*

Жизнь молочного магната

Жил Чичкин со вкусом, одним из первых в России получил лицензию на управление автомобилем, которым был выбран «Роллс-Ройс», немногим позже Чичкин освоил пилотирование собственного самолёта «Фарман», на котором совершал утренние полёты над московскими окрестностями, дабы освежиться тогда ещё чистым московским воздухом.

При всём этом Александр Васильевич сочувствовал революционерам. Три раза был под следствием за содействие их делу и в дни Февральской революции прятал у себя в доме Молотова и Подвойского – автора символа Красной Армии (пятиконечной

звезды). А через будущего наркомпроса А. Луначарского передавал деньги на поддержку РСДРП. Были большевики и среди чичкинских работников, которые безмерно уважали своего руководителя за его позицию относительно большевизма. Когда их арестовывали – заработок сохранялся. Кстати, за отказ от принятых норм орфографии (на вывесках магазинов его фамилия наносилась без твёрдого знака) и убеждения, что «Россия должна обновляться, обновляться во всем – от орфографии до политической системы» в 1905 году Александр Васильевич успел посидеть в тюрьме, для профилактики. А во время восстания 1905 года Чичкин распорядился оборудовать в его магазинах пункты приёма раненых.

Повторюсь, что Чичкин не оставил после себя ни одного письма, дневника или статьи. Поэтому самым ценным для истории о личности Александра Васильевича является запись некролога, посвящённого Николаю Васильевичу Верещагину, датированную маем 1907 года. Несмотря на вклад Верещагина в развитие молочной промышленности и страны в целом, ни одна российская газета не обмолвилась о смерти этого великого человека. Вот текст этой речи, произнесённой Чичкиным в день гражданской панихиды, состоявшейся в Московском обществе сельского хозяйства:

«Мир не раз уже имел честь убедиться, каким мощным многоцветьем талантов обладает русская нация, но есть у нас, к сожалению, совсем нераспаханное поле деятельности, где не только талантов, но и ростков их раз-два и обчёлся. Не думая, не наращивая их, не лелея их, мы ставим под удар все свои национальные сокровища, все, чем богата Россия. Больно и грустно смотреть, будучи русским, на круглогодное пиршество европейских коров на ухоженных до блеска полях и пастбищах Дании, Голландии, Франции, ещё тяжелее сознавать, что мы, русские, не имеем всего этого только потому, что не умеем работать. Мы либо лежим, либо бежим. То на боку, то на скаку! Золотой середины нет, ритма нет. Зато равнодушия, упования на “авось”, обломовщины, маниловщины, любителей потешаться, зубоскалить и подставлять подножку тем, кто умеет и хочет

работать, хоть отбавляй. Помешать работать всегда легче, чем помочь, и большинство наших чиновников занимаются именно этим. Истинно культурные люди не падки до власти, и в этом трагедия не только их самих, но и России в целом. Устремлённые вперёд, они, как правило, беспечно оголяют себя с трёх сторон и чаще всего именно из-за этого терпят крах, не достигая цели... Ни о чём так не соскучился наш затырканый до предела, добрый и отзывчивый по натуре русский человек, как о простой человеческой ласке и внимании к себе, оттого и ценит он всё это баснословно дорого и расплачивается, как правило, за это с неслыханными процентами... Родившись в русском сарафане, мы обязаны сохранить в себе самих себя, впитать в себя все лучшие черты своего народа: широкую натуру, многогранность в размахе его деяний, смекалку и бесстрашие в предприятиях, терпеливость, точный расчёт и умение идти на риск там, где это требуется не ради удальства и неумного лихачества».

Одна из английских газет писала: «В любой стране такому человеку поставили бы памятник!» Только в конференц-зале Московского общества сельского хозяйства портрет Н. В. Верещагина был оставлен навечно.

Чичкин в новой России

После 1917 года стал активно сотрудничать с новой советской властью. За активную всестороннюю поддержку революционеров А. Чичкину была объявлена благодарность лично от Ленина и Сталина.

В 1918 году добровольно передал новой власти всё: от заводов до любимого «Фармана». Актом комиссии по национализации было отмечено, что большинство работников фирмы «А. В. Чичкин» твёрдо встали на курс советской власти. Все состоят членами профсоюза. Уровень культуры – удовлетворительный, существует трудовая дисциплина, что является результатом действия системы воспитания на предприятии нескольких поколений работников. Отметим, что трое чичкинцев были зачислены в личную охрану Ленина. Все члены правления и главы

фирмы новая власть оставила на своих местах, но московский молокоперерабатывающий завод Чичкина был переименован в молокозавод им. Горького.

В 1918 году на семью нашего героя навалилась полоса горя. В возрасте 19 лет, попав под трамвай, погиб единственный сын Александра Васильевича и Евдокии Никитичны Чичкиных – Александр. В Одессе умер Иван Васильевич Чичкин. Другой брат – Николай, приехав на похороны, тоже трагически там погиб. Источники утверждают, что случайно упал в шахту лифта. Но ведь время было «лихое», могли и «помочь» упасть «буржую». А. В. и Е. Н. Чичкины спешно уезжают в Одессу. Там осенью их застала весть о национализации компании, и они из Одессы эмигрировали во Францию.

Поговаривают, что чета Чичкиных за границей не бедствовала. То ли вывез кое-что из России Александр Васильевич, то ли были сбережения в зарубежных банках. В 1922 году они вернулись на Родину.

Некоторые источники сообщают, что способствовали этому призывы некоторых прятавшихся у Чичкиных когда-то большевиков, другие считают, что сказалось влияние графа и по совместительству генерала Алексея Игнатьева и наркома здравоохранения Николая Семашко. Думается, что главной причиной возвращения было установление НЭПа, который, как посчитал Александр Васильевич, поверив Ленину, установлен «всерьёз и надолго» и при котором он надеялся хотя бы частично возродить своё дело и быть полезным на Родине.

Чичкин как раз успел к началу НЭПа. Бывшему купцу первой гильдии было разрешено вновь открыть в Москве свой молочный магазин, при этом ему предложили высокую должность консультанта Наркомата мясной и молочной промышленности, а в 1926 году он был торжественно награждён орденом (в источниках утверждается, что Знаком Почёта, но утвердили его только в 1935). К сожалению, все вышеперечисленное не смогло уберечь Александра Васильевича от ссылки на трудовое перевоспитание в Кустанай Казахской ССР в 1929 году. «Дело за № 27133» – следствие ложного доноса группы лиц, когда-то работавших у

Чичкина. В эти годы в стране проходило откровенное преследование инженерных, научных и предпринимательских кадров «старой закваски». «Шахтинское дело» 1928 года, «Дело Промпартии» 1930 года, расстрел 48-ми специалистов-пищевиков осенью 1930 года. Большинство «дел» строилось на обвинениях во вредительстве и в связях с бывшими хозяевами предприятий, оказавшимися за границей.

Благодаря своим покровителям, Чичкин вместо каторги просто читал лекции в местном вузе. В 1931 году общими усилиями Молотова и Микояна возвращён в Москву, восстановлен в правах и должности консультанта наркома пищепрома, где и проработал до самой пенсии во имя процветания советской молочной промышленности. Даже после ухода на пенсию к Чичкину часто обращались за советом из Наркоммясомолпрома СССР и руководители молочных заводов со всей страны.

Когда решался вопрос о создании специализированных молочных магазинов, все в один голос твердили, что они должны быть не хуже чичкинских.

В 1935 году Александр Васильевич стал пенсионером, некоторые источники добавляют: персональным пенсионером. Но и на пенсии он продолжал активно работать. Несомненно, без его участия не обошлось при разработке технического задания на проектирование и само проектирование Останкинского молочного комбината, строительство которого началось в 1940 году.

Своими рекомендациями он помогал становлению и развитию производства простокваши, ряженки, ацидофилина, творожных продуктов и молочно-карамельных смесей на заводах Поволжья, Закавказья, Ленинградской области и Карелии в 1930–1940-х годах.

В военные годы развивал в эвакуации молочное производство в Средней Азии, за что 9 мая 1945 года получил личную благодарность от тов. Сталина и тов. Микояна за разработку технологии быстрого увеличения выпуска качественных молочных продуктов при меньшем расходе сырья, что ещё более приблизило советский народ к Победе над фашизмом. К своему 80-тилетнему юбилею был награждён почётным званием «Ударник третьего пятилетнего плана».

Ряд предложений А. В. Чичкина, которые в годы войны и сразу после неё он регулярно направлял в Наркомат мясной и молочной промышленности, нашёл своё практическое применение.

Так, он принял участие в разработке технологии выпуска молочных продуктов при меньшем расходе сырья. В 1944 году Чичкин давал рекомендации по развитию молочного животноводства и производства в Средней Азии, в республике которой были эвакуированы молочные стада из оккупированных районов, а также часть оборудования молочных предприятий.

В апреле 1947 года Александр Васильевич предложил правительству СССР развивать в восстанавливаемых после войны регионах мало- и среднемощные предприятия по переработке молока. Эти предложения были приняты для развития молочной индустрии в этой части страны в конце 1940-х – первой половине 1950-х годов.

Умер Александр Васильевич Чичкин в январе 1949 года на 87-м году жизни. Похоронен на Новодевичьем кладбище, единственный из дореволюционных миллионеров. Александра Васильевича похоронили рядом с сыном, который упокоился на нём ещё в 1918 году. А когда в 1953 году умерла Евдокия Никитична Чичкина – то была погребена там же.

P.S.

«Я воспитал более двух тысяч настоящих специалистов и патриотов молочного дела. Верю и надеюсь, что не за горами то время, когда рядом с гигантами нашей литературы и искусства, художниками-передвижниками, богатырями «могучей кучки» станут во весь свой рост новые атланты России, которые поднимут на своих могучих плечах на мировую высоту целый ряд совершенно новых отраслей нашей отечественной промышленности», – писал в своём «послании потомкам» господин Чичкин.

Ходит легенда, что в 1980-е годы японцы приезжали в Россию и пытались найти родственников Чичкина, чтобы вручить им денежную премию в 2 миллиона долларов в качестве благодарности за его систему.

УХОВ А. Е.,
г. Вологда

В. С. Соловьёв и В. В. Верещагин о проблеме восточной экспансии

Аннотация. В статье анализируются и сравниваются позиции двух современников – философа В. С. Соловьёва и художника В. В. Верещагина по отношению к теме Востока, «открытие» которого происходило во второй половине XIX века. Обнаруживается сходство основных интуиций, в частности, предвидения опасности, исходящего с Востока. Приводятся примеры соответствующих произведений искусства и философии, в которых эти тенденции нашли наивысшее отражение. Выдвигается идея христианского универсализма как пути преодоления опасности с Востока, свойственная обоим, а также вывод об актуальности их воззрений для современной внешней политики России.

Ключевые слова. «Открытие» Востока, панмонголизм, христианский универсализм, В. С. Соловьёв, В. В. Верещагин, русская философия и искусство второй половины XIX века, российская внешняя политика.

Конец XIX – начало XX века были переломным моментом не только в экономическом и социально-политическом развитии России, это время было гранью глобальной культурно-мировоззренческой революции. Именно тогда начались мощные политические трансформации Востока, затронувшие в том числе и Россию: японо-китайская война 1894–1895 годов, восстание ихэтуаней в Китае (подавленное русскими войсками), а затем и русско-японская война 1904–1905 годах. На фоне внешнеполитических проблем к концу XIX в. Восток для России представлялся уже в традиционном понимании, объединявшем в единое целое Азию, Индию, Китай, Дальний и Ближний Восток и Северную Африку. Это был также некоторый социально-культурный конгломерат, который начал оказывать влияние в глобальном масштабе.

После «открытия» для России Тибета Н. М. Пржевальским и началось активное освоение духовного наследия Востока, интерес к древнеиндийской и древнекитайской философии и мистицизму, появились учения Е. П. Блаватской, Н. и Е. Рерихов, первыми воспринявшими мистическое буддийское учение. Колониальная политика России, направленная на расширение сфер влияния и присоединение новых территорий, подстёгивала и интерес к Востоку. Кроме того, начало XX века – это эпоха начала кризиса европоцентризма, когда у российской общественности появилось ощущение исторической ограниченности европейской просветительской модели мира, апогеем чего стала Первая мировая война.

В мире философии всё больше исследователей обращалось к наследию Древнего Востока (Г. В. Ф. Гегель, А. Шопенгауэр, Ф. Ницше, Л. Н. Толстой). На этом фоне Владимир Сергеевич Соловьёв (1853–1900), великий русский мыслитель, не остался в стороне. Имевший, по словам исследователя Э. Л. Радлова «пророческий дар» Соловьёв [4], пишет статьи «Китай и Европа» (1890), «Враг с Востока» (1892), затем философские стихотворения «Ex oriente lux» (1890) и «Панмонголизм» (1894), пронизанные апокалиптическими настроениями, предвидением грядущей войны с Востоком. Такой негативный образ восточной опасности мы встречаем впоследствии у многих представителей Серебряного века, В. Брюсова, И. Бабея, М. Булгакова, М. Цветаевой, Б. Пильняка и других.

Соловьёва Восток одновременно привлекает и тревожит, он явно к нему неравнодушен, он пытается его изучать, постигать. Эта жажда соседствует у него с мистическими свиданиями с Софией. Совершив ряд паломнических поездок в Англию (1875) и в Египет (1875–1876) где он работал с древними восточными текстами Каббалы и вед. Известно, что в Египте кроме реальной опасности со стороны бедуинов, он пережил очередное мистическое видение Софии. По мнению Кравченко, не без влияния Софии, философ планировал визит и в Индию, на это указывают факты, что «в течение всей жизни живо интересовался индийскими религиями и духовно-мистическими практиками»,

в «автоматических записях», снах и в художественном творчестве Соловьёва Индия «оказывалась одним из его важнейших философско-духовных устремлений», и, вероятно, даже краеугольным камнем его незавершённой «системы новой метафизики» [2, 96]. Индия была тем связующим звеном, которое должно было соединить древние культуры с христианством, создать «вселенскую церковь» [5], объединившую все мировые религии. Индийский визит Соловьёва не состоялся, однако он состоялся для другого представителя русской культуры – В. В. Верещагина.

Василий Васильевич Верещагин (1842–1904) – крупнейший русский художник второй половины XIX – начала XX века, старший современник Соловьёва, который обнаруживает в своём творчестве много общего с последним черт. Даже советские искусствоведы называли его в числе прочих качеств «крупнейшим художником-мыслителем XIX века, пророком-философом, выдающимся реформатором живописи» [3, 89].

Во-первых, Верещагина Восток притягивал и интересовал, возможно, даже больше, чем Запад или Россия. На современном языке он был «космополитом», для которого родина была там, где он находится в данный момент, но не в силу индивидуализма, а в силу более глобального мировоззрения, не ограниченного рамками одной страны. Таков же был и Соловьёв, что можно легко заметить в его концепции всеединства и христианского универсализма, согласно которым нужно любить все народы так же, как свой собственный. Иными словами, оба художника имели мировоззрение, находящееся на более высоком уровне, на рациональной основе отвергающее равно национализм и антисемитизм, господствующие в то время в общественном сознании.

Следуя интуициям «открытия Востока», Верещагин совершил наибольшее количество путешествий именно в восточные страны. Художник побывал в Средней Азии, Ближнем Востоке (Палестине и Сирии), Индии, Китае, Японии, Филиппинах. Как результат, теме Востока посвящено несколько циклов работ (Туркестанская серия, Индийская серия, Палестинская серия и Японская серия). При этом одной из самых значительных стран,

которая произвела на художника наибольшее впечатление, стала Япония. Это имеет историческое объяснение: с момента «открытия» Японии, восприятия западной культуры и религии послужившими бурному ее развитию, прошло всего несколько десятилетий. Эта страна представляла собой загадку для всего цивилизованного мира. Не случайно Верещагин три раза планировал туда поездку (1874, 1880, 1903), состоявшуюся только в третий раз. Ради накопления исследовательского материала он готов был пожертвовать даже своей жизнью, отправившись в 1903 году в уже воюющую с Россией Японию в четвёртый раз. На громадное впечатление от древней японской культуры косвенно указывает даже изменение живописной техники: «Они уже не представляли собой результат исследований “европейца-этнографа”, а скорее напоминали некий диалог с чужеземной культурой. Эта поездка, по всей видимости, должна была стать переломной в творчестве Великого Мастера. Поражённый цивилизацией этой страны, её древностью, глубиной и мудростью, художник отказался от прежних, более академических форм и методов создания произведений» [7, 50–51], «Он отказывается от предварительной детальной проработки форм и применяет совершенно новый для себя метод работы» [7, 49].

Древняя культура Японии и явилась одним из пунктов, объединивших Верещагина и Соловьёва. Последний в своём труде «Китай и Европа» рассуждает, что Америка и Австралия «с точки зрения цивилизации суть лишь продолжение Европы», Япония, «обязанная Китаю своей цивилизацией, решительно перешла на сторону нашей», Индия «спит, оцепенев в своей тягостной и сладострастной грёзе», так что остаётся лишь «китайская цивилизация со своими тремя или четырьмястами миллионов представителей, чрезвычайно жизненная, совершенно бодрая и своим расширением способная возбудить наши опасения» [6, 95]. И Соловьёва, и Верещагина как неординарных представителей русской культуры, объединяет присутствие мистического опыта, предвидения судьбы Востока как орудия исторического возмездия Европе. Соловьёв даже разрабатывал для этого особое понятие «панмонголизм».

Несмотря на то, что у Верещагина о Востоке как источнике опасности нет прямых свидетельств, однако его полотна содержат в себе немало релевантной этой проблеме информации. Например, одно из самых известных полотен «Апофеоз войны» (1871) было посвящено своего рода собирательному психологическому портрету Востока как сильного, жестокого и властного завоевателя Тамерлана. Более всего идеи панмонголизма свойственны Туркестанской серии, сделанной в период путешествия в Среднюю Азию 1868–1871 годов, когда он сам непосредственно участвовал в обороне Самаркандской крепости. Верещагина интересовали не только историческая правда и жестокости военных действий. В таких картинах серии, как «Торжествуют, 1872», «Представляют трофеи, 1872», целой серии эскизов и этюдов простых среднеазиатов он пытался раскрыть психологию противника, нравы и культуру восточного человека. Такое же тщательное «психологическое» исследование он произвёл и во время других визитов в восточные страны, где он изображал как простых людей, так и батальные сцены исторических сюжетов.

В проблеме опасности с Востока оба представителя русской интеллигенции как бы дополняли друг друга. Верещагин бессознательно изображал эту опасность в своих произведениях. Тогда как Соловьев с помощью рефлексии пытался дать им анализ и найти решение. Так, у последнего выдвигается идея христианского универсализма (разрабатываемая в рамках концепции всеединства) как пути преодоления грядущего панмонголизма. Это как бы ответ на ту критику славянофильства Верещагиным, за которое, как за ширму, пряталось невежество и консерватизм русского общества, нетерпимо относящегося к новизне в искусстве и культуре того времени: «Позвольте спросить, в какое положение стали в настоящее время эти две великие администрации Церкви Христовой, которые называют сами себя римско-католическою и православною церквами, которые разделились благодаря неумению сговориться между собою, исходит ли Святой Дух от Отца и Сына или же от одного Отца? Возможно ли, что они всё ещё не пришли к соглашению и, ослепленные обоюдною

ненавистью, пренебрегают своей высокой миссией на земле?» [1, 206–207]. Иными словами, русский художник чувствовал гибельность для России славянофильского изоляционизма, напротив, очевидными ему представлялись перспективы Японии как страны, впервые вставшей на путь западного универсализма и поэтому стремительно набиравшей мощь.

В то же время В. С. Соловьёв, несмотря на то, что прожил гораздо меньше В. В. Верещагина, оказался дальше последнего в прогностическом понимании Востока. У него вполне определённо выявляется идея о месте и роли России по отношению к Восточной экспансии, панмонголизму. Соловьёв, как и Верещагин, отчётливо ощущали, что Россия, несмотря на своё промежуточное географическое положение и православную религию, является цивилизацией, развивающейся в контексте западной культуры. «Явная невозможность найти или создать на Востоке центр единства для Вселенской Церкви обязывает нас искать его в другом месте... мы должны осознать себя тем, что мы есть на самом деле, а именно – органической частью великого христианского тела, и признать нашу тесную солидарность с братьями на Западе, обладающими центральным органом, недостающим нам» [5, 174]. Предчувствуя грядущие потрясения России, начавшиеся с поражения в русско-японской войне (в которой и суждено было погибнуть В. В. Верещагину), обвиняя, прежде всего, национализм и связанный с ним колониализм, а также опасность «китаизации Европы», Соловьёв отмечает, что восприятие и усвоение «языческого идеала» «было бы для нас самоотрицанием в дурном смысле этого слова, т. е. отречением от своего хорошего (выделено автором. – А. У.), – отречением от христианства... такое самоотречение было бы равносильно полной утрате самой причины нашего исторического существования» [6, 149]. Если традиционный Китай силён «верностью себе», то восприятие чуждых традиций Европой не только делает её слабой, но и разрушит те культурные устои, на которых держится европейская цивилизация. Напротив, «если мы, европейский христианский мир, будем также верны себе, т. е. верны вселенскому христианству (выделено автором. – А. У.), то Китай

не будет нам страшен, мы же завоюем и Дальний Восток, не силой оружия, а той силой духовного притяжения, которая присуща исповеданию полной истины (выделено автором. – А. У.) и которая действует на души человеческие, к какому бы племени они не принадлежали» [6, 150].

Представляется, что христианский универсализм мог бы стать полезен и в контексте современной российской внешней политики.

Список литературы:

1. *Верещагин В. В.* Повести. Очерки. Воспоминания. – М.: Советская Россия, 1990. – 352 с.
2. *Кравченко В. В.* К вопросу о несостоявшемся путешествии В. С. Соловьёва в Индию // Вестник ТвГУ. Серия «Философия». – 2018. – № 3. – С. 96–107.
3. *Лебедев А. К., Солодовников А. В.* Василий Васильевич Верещагин. – Ленинград: Художник РСФСР, 1987. – 180 с.
4. *Радлов Э. Л.* Владимир Соловьёв: Жизнь и учение / Э. Л. Радлов. – Санкт-Петербург: Образование, 1913. – 266 с.
5. *Соловьёв В. С.* Россия и Вселенская церковь / Пер. с франц. Г. А. Рачинского. – Москва: [б.и.], 1911. – 454 с.
6. *Соловьёв В. С.* Собрание сочинений. – 2-е изд. / Под ред. С. М. Соловьёва и Э. Л. Радлова. – Т. 6. – СПб.: Просвещение, 1911–1914.
7. *Филиппова В. И.* В. В. Верещагин. Особенности творчества художника // В. В. Верещагин: искусство и общество: сборник докладов конференции / Череповец. муз. об-ние. – Череповец; Вологда: Сад-огород, 2018. – С. 44–51.

СОДЕРЖАНИЕ

Доклады 2019 года

НОВИКОВА Н. А. «Молочные реки, сырные берега», или Климовская имени Владимира Ивановича Бландова школа молочного хозяйства и скотоводства Ермаковской волости Пошехонского уезда Ярославской губернии	3
ВОРОНИНА Т. А., БОГУСЛАВСКИЙ В. Л. Об участии крестьян в развитии промышленного маслоделия в Вологодской губернии в конце XIX – начале XX века	12
ПАХОЛКОВА Т. В. Железный промысел в Колоднах	21
ВЛАДИМИРОВА О. А. Анна Ивановна Тимирёва-Муромцева, соратница Николая Васильевича Верещагина	30
ВОРОБЬЕВА В.В. «Польская война» Исаака Бабеля	37
СУДАРЕВ Н. П., КУЛЬМАТОВ Л. А. Исторические уроки научно-практической и общественной деятельности Н. В. Верещагина – создателя масло- и сыроделия в России	47
АГАФОНОВА А. Б. Водопроводные сети и пространственная сегрегация Череповца в 1920–1930-х годах	52
НОВИКОВ А.Е. Образ художника в романе Т. Драйзера «Гений»	61
БОЛЬШАКОВ Я. О. Дореволюционная театральная жизнь в Вологодской губернии: освещение в прессе	65
УХОВ А. Е. Гуманизм братьев Верещагиных: два пути, одна цель	70

АНТОНОВА З. В.

Театральное звучание городской жизни: Лондон, Москва, Череповец
(на материале 1860–1900-х годов) 74

Доклады 2020 года

ИВАНОВ Д. В., ЧЕРЕНКОВА Л. Г.

Дальневосточная коллекция А. В. Верещагина: состав и история
собирания 89

ОРЛОВ А.

Дом Василия Верещагина в Котлах 98

САВИНОВ М. А.

Во славу России. История одной империи 106

УХОВ А. Е.

В. С. Соловьёв и В. В. Верещагин о проблеме восточной экспансии 122

Научное издание

БРАТЯ ВЕРЕЩАГИНЫ, ИСКУССТВО И ОБЩЕСТВО

**Сборник докладов научных конференций
2019–2020 гг.**

Корректурa *Н. В. Кирилловой*
Компьютерная вёрстка *Е. А. Черкашиной*

Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 6,97. Бумага офсетная.
Печать цифровая. Тираж 85 экз. Заказ 581

ООО «Издательство «Сад-огород», г. Вологда, ул. Текстильщиков, 20-а
Тел.: (8172) 73-12-22, e-mail: vologdapost@yandex.ru

[2007]

11.02.23 06954

17.11.25 03P.

ISBN 978-5-907341-17-3

9 785907 341173